ХОСЕ МАРТИ

Л. Визен

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — первая биография Хосе Марти, написанная советским автором, — не претендует на исчерпывающий анализ многогранной и разнообразной деятельности великого сына кубинского народа. Деятельность Марти настолько полна и многогранна, литературное, философское, революционное наследие его столь глубоко и значительно, что трудно ожидать от этой первой у нас книги чего-то большего, чем стремление познакомить читателя лишь с основными вехами жизни апостола кубинской революции.

- ХОСЕ МАРТИ
  -
  - ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
  - НАПУТСТВИЕ
  - ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ
  - Глава I
    - У СЕРЖАНТА РОДИЛСЯ СЫН
    - РАФАЭЛЬ МАРИА ДЕ МЕНДИВЕ
    - ПЕРВЫЙ ШАГ
    - ВИВА КУБА ЛИБРЕ!
    - НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СПОКОЕН!
  - Глава II
    - ТАК ВОТ ТЫ КАКОЙ, МАДРИД!.
    - «Я ГОТОВ СДЕЛАТЬ ВСЕ…»
    - ЕСТЬ МЕСТО В ГРУДИ
    - «МЫ РАДЫ, ЧТО ВЫ С НАМИ, МАРТИ»
  - Глава III
    - ЗА КУБУ В МЕКСИКЕ
    - НА ЛЮБОВЬ ОТВЕЧАЮТ ЛЮБОВЬЮ
    - РАЗОЧАРОВАНИЯ И НАДЕЖДЫ, ПОБЕДЫ И ГОРЕСТИ
    - ЦЕНА ЧЕСТИ
  - Глава IV
    - НАША СТРАНА
    - АНАУАК
    - УЗКОЙ И ОБХОДНОЙ ДОРОГЕ — НЕТ!
  - Глава V
    - ПОБЕДА НАД ПЫТКОЙ
    - «НАМ НЕ СДЕЛАТЬ БЕЗ НЕГО РЕВОЛЮЦИЮ»
    - ПОРАЖЕНИЕ
  - Глава VI

        - И ТЫ ПОСТУПИЛ БЫ ТАК, БОЛИВАР!
        - СНОВА НА 29-Й УЛИЦЕ
        - ОБМАНЧИВАЯ ТИШИНА
        - ВОЛНЕНИЯ И ПЕРЕМЕНЫ
        - НЕТ, БОГОМ КЛЯНУСЬ, НЕТ!
    - Глава VII
        - ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ БЫТЬ СИЛЬНЫМ
        - КТО ТАМ, В НЬЮ-ЙОРКЕ, КОНСУЛ?
        - ТЕРПЕНИЕ, ТЕРПЕНИЕ, ТЕРПЕНИЕ
        - «НАМ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ, ДОКТОР!..»
        - «АПЛОДИРУЙТЕ ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ!»
    - Глава VIII
        - ЯНКИ — НО!
        - МОЛОДЫЕ СОСНЫ
        - РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ
        - РЕВОЛЮЦИИ НУЖЕН МЕЧ
        - САМЫЙ ДОЛГИЙ, НАВЕРНОЕ, ГОД
    - Глава IX
        - ТРАГЕДИЯ ФЕРНАНДИНЫ
        - МАНИФЕСТ МОНТЕКРИСТИ
        - ДОРОГИ ЧЕСТИ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОСЕ МАРТИ
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

ХОСЕ МАРТИ
Визен Лев Исаакович

Жизнь ценится не за длину, но за содержание.

Сенека

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Образ и идеи Хосе Марти привлекали внимание многих исследователей на Кубе и в других странах, но только после победы революции 1959 года стало возможным действительно глубокое освещение его наследия.

Эта книга — первая биография Хосе Марти, написанная советским автором, — не претендует на исчерпывающий анализ многогранной и разнообразной деятельности великого сына кубинского народа. Деятельность Марти настолько полна и многогранна, литературное, философское, революционное наследие его столь глубоко и значительно, что трудно ожидать от этой первой у нас книги чего-то большего, чем стремление познакомить читателя лишь с основными вехами жизни апостола кубинской революции.

Советский журналист Л. Визен изучил большой документальный материал и сумел облечь его в художественную форму. Издательство надеется, что эта книга как первое знакомство с гениальным сыном кубинского народа, одна беседа с которым стоила «многих месяцев чтения», будет полезна молодому читателю.

Автор выражает глубокую признательность И. Р. Григуле вичу, А. М. Зориной, М. И. Мохначеву, Ю. Н. Папорову, Ю. В. Погосову, И. Е. Рыбалкину, Р. Р. Саакову, В. С. Столбову, Л. А. Шуру и А. А. Щербе, которые своей дружеской помощью, советами и замечаниями очень помогли ему в работе над книгой, а также благодарит доктора Хуана Маринельо — выдающегося литератора и общественного деятеля Кубы, любезно написавшего предисловие.

НАПУТСТВИЕ

Мы, кубинцы, очень рады, что книга о нашем национальном герое Хосе Марти издается в дорогом нам Советском Союзе. Марти был не только выдающимся кубинским и американским деятелем. Он боролся за освобождение человечества, и это делает его близким всем простым людям. Нам очень хотелось бы, чтобы советский народ и особенно молодежь познакомились с нашим великим патриотом и полюбили его.

В этой книге показана жизнь одного из самых необыкновенных, самых совершенных людей. Хосе Марти посвятил себя освобождению своей родины, а также служению людям независимо от расы и происхождения. Как вождь последней американской революции, Марти выступал против колониальной и монархической Испании. Он организовал революционные сражения 1895 года, которые изгнали старую метрополию из западного полушария. Прозорливый мыслитель, он предупреждал о растущей опасности для своего острова и для всей Латинской Америки со стороны американского империализма. В последнем вышедшем из-под его пера письме Марти призывал бороться против опасности нового и самого сильного угнетения.

Марти-художник — творец с незаурядными способностями и дарованием. Не будет преувеличением сказать, что нет на американском континенте другого критика, поэта, журналиста, мыслителя, в котором сочетались бы в полной мере выразительная сила и новизна стиля. Марти — это образец писателя, тесно связанного с народом, живущего его нуждами и стремлениями.

Советская молодежь с особым интересом должна читать биографию Марти. Она познакомится с человеком огромной силы воли, всегда готовым на благородное самопожертвование; познакомится с бесстрашным, не знающим покоя борцом. Марти неустанно сражался за полное и окончательное освобождение всех народов, за братское понимание между ними, за дело мира. Он не был и не мог быть марксистом. Но он высоко оценивал деятельность Карла Маркса, был передовым человеком своей эпохи.

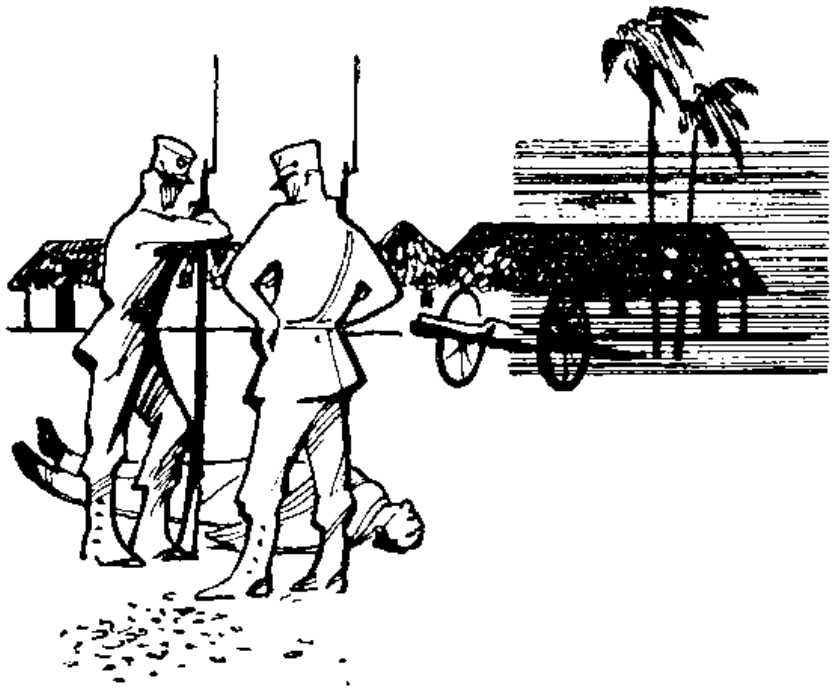
Марти понимал, что ни один народ не имеет права господствовать над другим народом, захватывать силой оружия чужие земли. «Будущее человечества — это мир», — говорил Хосе Марти. Он был образцом подлинного революционера, его мысли

и действия актуальны сегодня.

Пусть полюбится эта книга молодежи народа Ленина.

Хуан Маринельо

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ



— И чего мы тащим его с собой? — сказал солдат, пытавшийся носком сапога выпрямить ногу мертвого. — Только дразним мятежников. Лейтенант говорит, что это из-за него они весь день не хотели от нас отвязаться.

— Я беру его крест, — сказал другой солдат. — Крест убитого приносит счастье.

— Рубашка тоже, — отозвался третий. — Помогите-ка мне снять ее.

— Смотри, пули попали ему в шею и грудь!

— Ничего, кровь отстирается.

— Неужели это их президент? Он одет, как простой гуахиро… [1]

— В карманах пусто. Лейтенант уже выгреб все, что можно.

— Ладно, пошли в дом. Сейчас начнется дождь. Да чего ты его прикрываешь, не простудится.

Они ушли, и рядом с мертвым остался только мул, привязанный к стволу пальмы. Мул косился на мертвого и прядал ушами, но пошел дождь, и мул затих.

Дождь продолжался и утром, но колонна испанских войск все

же двинулась в путь на восток. Командир колонны полковник де Сандоваль приказал усилить дозоры. Он был уверен, что повстанцы не оставят его в покое и снова попытаются отбить тело своего вождя. Впрочем, почему тело? Они же еще не знают, что Марти мертв…

Полковник достал блокнот, прикрываясь плащом, написал: «Марти ранен, и мы везем его, оказав ему помощь. Но если нас атакуют, он будет расстрелян».

Он приказал адъютанту оставить записку в придорожной хижине, а сам стал думать, что делать дальше. Он повез убитого с собой, чтобы развеять сомнения начальства в действительной гибели Хосе Марти, — ведь эта гибель должна была стать праздником для Испании и поводом для должной оценки доблести его, Сандоваля, войск, а значит, и его собственной доблести. Но он понимал, что его записка обманет повстанцев ненадолго, что они с новой яростью возобновят свои уже измотавшие колонну налеты. Кто знает, чем это может кончиться…

И Сандоваль решил, что лучше побыстрее отделаться от тела Марти, похоронив его на кладбище в ближайшей деревушке.

Так и было сделано. Солдаты кое-как притоптали неглубокую могилу и, торопливо перекрестившись, зашагали дальше.

Через день колонну догнал приказ из Гаваны. В ответ на подробное донесение полковнику предписывалось немедленно эксгумировать труп, набальзамировать его и доставить в город Сантьяго-де-Куба, где «с почестями» похоронить на лучшем кладбище.

Сандоваль нахмурился. Власти решили «воздать должное» человеку, чье имя известно не только на Кубе, чьи стихи, статьи, наконец, идеи много лет будоражили Америку? Черт побери, значит, снова придется лезть под пули мятежников!

22 мая испанцы вернулись на кладбище и раскопали могилу Марти. Неструганый кедровый гроб был водружен на спину мула. Два дня шли испанцы до ближайшей железнодорожной станции, и два дня им пришлось отстреливаться от кубинских отрядов. Когда гроб, наконец, внесли в товарный вагон, Сандоваль облегченно вздохнул. Он посадил в тот же вагон взвод пехоты и махнул рукой. Поезд тронулся.

На обысканный и оцепленный войсками вокзал Сантьяго-де-Куба поезд прибыл в конце дня. Сандоваль немедля отправился к коменданту города. Тот выложил на стол план кладбища Санта-Ифихения. В южном углу стоял синий карандашный крест.

— Здесь, — ухмыльнувшись, сказал комендант. — Достаточно почетное и достаточно открытое место. Мятежники не

смогут подойти незаметно…

На следующий день Сандовалю пришлось надеть парадный мундир — как-никак он хоронил генерал-майора.

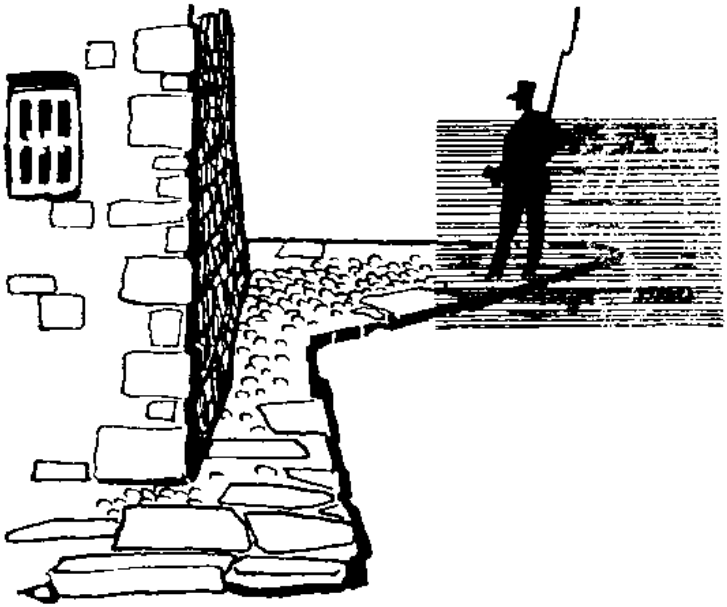
Вдоль всей ограды кладбища Санта-Ифихения прохаживались часовые. Целый взвод сторожил ворота. Поднявшись на холмик земли у могилы, Сандоваль оглядел солдат и агентов полиции, сгрудившихся вокруг, выпрямился, стараясь, чтобы голос звучал удрученно, спросил:

— Нет ли здесь друзей или родственников усопшего? Не хотят ли они проститься или сказать прощальное слово?

Солдаты и агенты молчали. Полковник деловито откашлялся и заговорил сам:

— Один испанский артиллерист, ликуя, встретил его рождение…

Глава I
ЧТО ДОРОЖЕ ВСЕГО ЧЕЛОВЕКУ



У СЕРЖАНТА РОДИЛСЯ СЫН

— И когда я взяла его в руки, я увидела, что глаза у него открыты. О, это случается не часто! У малыша будет сильный характер! Поздравляю вас, дон Мариано, входите, уже можно…

Стоявший на тротуаре дон Мариано Марти-и-Наварро еле дослушал повивальную бабку. В три прыжка оказался он на втором этаже маленького дома № 41 по улице Паула. Лоб у жены был влажным. Дон Мариано склонился над белым свертком. Сын?

И не закрывал глаза? Спасибо, святая Мария, спасибо, в роду Марти отныне есть еще один настоящий мужчина.

Наконец, наконец-то счастье улыбнулось. Жаль только, что сын, желанный помощник и опора в старости, родился, когда ему, Мариано, уже стукнуло тридцать восемь. Но что поделаешь, если с самой юности жизнь сложилась не так, как хотелось бы?

Дома, в родной Валенсии, у отца была лавчонка, однако доходов хватало лишь на пропитание. Плечистый Мариано записался в солдаты, надеясь помочь старикам.

Океан швырял корвет с войсками, как щепку, и Мариано шептал молитву. Скорей бы уж показался остров Куба, богатая колония, где, по слухам, каждый, кто не заболеет лихорадкой, может дослужиться до лейтенанта. Лейтенант! Удалось бы хоть расплатиться с долгами…

Он прослужил на Кубе долго, дослужился до лейтенанта, отдал долги и даже послал кое-что домой. Но когда пришла пора возвращаться, он вдруг почувствовал, что уже привык к кубинской манере глотать окончания слов в разговоре и его тянет не в Испанию, а в маленькое гаванское кафе «Ла Бола», куда приходила потанцевать темноглазая Леонора, дочка табаковода Рамиро Переса, перебравшегося на Кубу с Канарских островов.

Мариано и Леонора сняли крохотную квартирку на улице Паула. Сын родился 28 января 1853 года. Спустя две недели капеллан артиллерийского полка, где служил Мариано, окрестил отчаянно орущего новорожденного. Мальчика назвали Хосе Хулио Марти-и-Перес.

Прошло несколько лет, Дон Мариано вышел в отставку, у Хосе появились сестры. Расходы росли, и глава семьи каждый день отправлялся на поиски заработка, донья Леонора все чаще склонялась над шитьем для богатых домов.

Им пришлось снять другую, более дешевую квартиру. В последний раз прошелся дон Мариано по мощенному плитами патио[2] домика на улице Паула, где по вечерам так уютно горела

свеча в стеклянном колпаке, отдал ключи от квартиры хозяину и сел в повозку. «Люди честные, бедные, достойные», — говорили вслед отъезжавшим соседи.

В мае 1862 года благодаря хлопотам бывших однополчан дон Мариано получил назначение на пост капитана де партидо[3] в заброшенный прибрежный округ Анабана… Он оставил в Гаване жену и пятерых дочерей и прибыл в селение Каймито, крошечную столицу округа, только с девятилетним сыном.

Мальчик, которого все ласково звали Пепе[4], освоился быстро и подолгу пропадал то в бараке у негров, то у костра пастухов, то на берегу извилистой речушки Анабаны. У Пепе появилось много друзей, но лучшим его другом стал Томас — черный раб, которого местный богач-скотовод прислал прислуживать капитану Марти.

Девятилетний белый и тридцатилетний негр прекрасно понимали друг друга. Пепе рассказывал рабу о Гаване, а Томас плел ему сомбреро из пальмовых листьев; Пепе читал испанские стихи, а Томас пел песни родной Африки. Они бродили вдвоем, и земля рассказывала им о себе запахом цветов и свежей бороздой, тянувшейся за плугом, шелестом травяных равнин и нежной мякотью оранжевого манго.

У Пепе были и заботы. Во-первых, ему нужно было крупно и красиво переписывать пространные служебные донесения дона Мариано, а во-вторых, у него был свой пони. «Я стараюсь как можно лучше ухаживать за ним и кормить его, — писал Пепе матери в Гавану. — Сейчас я учу его ходить взнузданным, и он становится все красивее».

Однажды, когда Пепе вел пони мимо кабачка, его окликнул незнакомец в черной куртке.

— А что, малыш, быстро скачет твоя лошадь?

— Она еще только привыкает к седлу, сеньор.

— Если ты хочешь, чтобы она быстро бегала, научи ее гоняться за черномазыми!

Пепе побледнел. Он представил себе пыльную дорогу из Каймито в Хагуэй-Гранде. Он, Пепе, скачет по этой дороге, пригибаясь к гриве своего пони, а впереди, спотыкаясь и размахивая руками, бежит негр. Пепе догоняет его, негр оборачивается и кричит: «Не бейте меня, сеньор, ведь это я, Томас!..»

Пепе сжал в кулаке поводья.

— Нет, сеньор, — твердо ответил он незнакомцу в черной куртке, — моя лошадь никогда не будет гоняться за неграми.

Вскоре после этого случая спокойная жизнь в Анабане кончилась. На юге округа за лагунами, хранившими, по

преданию, пиратские клады, появились люди, торговавшие живым «черным золотом». Болотистые, заросшие невысоким кустарником берега залива Кочинос стали центром контрабандного ввоза рабов.

Все чаще среди ночи поднимали дона Мариано слова:

— Сеньор капитан, они опять там, у залива Кочинос…

В одну из ночей Пепе и Томас, несмотря на строжайший запрет, отправились следом за ним и спрятались в прибрежных зарослях. На узкой полоске гальки чадили костры. Два баркаса при свете факелов медленно отваливали от низко сидящей шхуны. На вершине песчаного бугра Пепе увидел отца. Ниже, на склоне, лицом к нему стояли трое в сапогах и черных куртках.

— Чего тебе нужно, Марти? — спросил один из трех. — Ты нам надоел.

— Если хоть один негр из баркасов ступит на берег, я арестую вас!

— Марти, тебе платят немного, мы это знаем. Хочешь сто песо?

— Именем закона!..

— К дьяволу закон, упрямый осел! Ты забыл, что ты здесь из милости! Если бы не генерал-капитан, твоя сука и щенки в Гаване давно сдохли бы с голоду!

Первый баркас ткнулся тупым носом в песок.

— Именем закона!..

Три пистолетных дула уставились в грудь дона Мариано. Пепе рванулся вперед, но Томас прижал его к мокрой земле.

— Убирайся, Марти! Ты слишком хорошо служишь Испании! Ну!

Дона Мариано скоро уволили. Под приказом стояла подпись губернатора провинции. Губернатор аккуратно получал проценты от официально запрещенной продажи тайно привезенных на Кубу негров.

РАФАЭЛЬ МАРИА ДЕ МЕНДИВЕ

Человек, носивший это имя, уже в восемнадцать лет выпустил первую книгу романтических стихов. Мадридский литературный кружок «Эль Парнасильо» считал его одним из своих самых значительных членов наряду с Эспронседой. Он упивался идеями Гюго, боготворил Байрона, приветствовал победы освободительных революционных бурь XIX века, которые, начавшись в пороховом дыму, продолжались на страницах книг. Он переводил на испанский Гюго и Томаса Мора. В то же время его собственные стихи переводил на английский Лонгфелло. Но круг интересов и дел Мендиве не ограничивался литературой.

Рафаэль Мариа де Мендиве считал своим долгом продолжать борьбу великих кубинских мыслителей Варелы и Хосе де ла Люса за широкое, всестороннее, подлинно научное обучение. И, глядя на усилия Мендиве на посту директора муниципального мужского училища, многие из его современников справедливо считали, что в те нелегкие времена он был учителем больше, чем поэтом.

Дон Мариано не знал этого. Мендиве был для него всего лишь чиновником, занимавшим заваленный мудреными книгами кабинет. Но судьба, столь суровая к отставному артиллеристу, благоволила к его хрупкому сыну. 19 марта 1865 года Мендиве собственноручно вписал имя Хосе Хулио Марти-и-Переса в списки учащихся училища, хотя, конечно, и не думал о том, что спустя несколько лет с гордостью прочтет написанные мальчиком строки: «Если у меня хватит сил стать настоящим человеком, этим я буду обязан только вам, от которого я видел столько добра и к которому питаю столько любви».

Муниципальное училище было третьим учебным заведением, в которое попадал Пепе. Первые буквы он выучил в бесплатной школе для бедных гаванского района Санта-Клара. Потом один из друзей отца платил за его обучение в частной школе «Сан-Анаклето». Однако лишь теперь восприимчивый, вдумчивый, чувствительный мальчик получил возможность найти себя. Все интеллектуальные силы его пытливой и живой мальчишеской натуры вырвались наружу.

И не удивительно. Мендиве не заставлял зубрить, а, наоборот, всячески поощрял самостоятельность мышления у своих подопечных. Если его питомец отдал все свое время полезной книге, учитель готов был простить даже невыученный урок.

А это случалось и с Пепе, хотя мальчик шел первым по всем предметам. Он бегал с книгой на пляж, с книгой засыпал, читая до рези в глазах. Почти каждый день он брал из библиотеки Мендиве новый том, проглатывая без разбора стихи и романы, драмы и комедии. Он жил удивительной жизнью героев книг, и события, поражавшие его прежде, теперь казались малозначительными — мир, раскрывавшийся в книгах, был куда многообразнее и величественнее. В одном только этот новый мир был похож на все, что Пепе видел раньше, — несчастных в нем было больше, чем счастливых.

Как-то раз в томе Шекспира Пепе нашел переписанные от руки сонеты. В звучных строфах автор призывал бороться за свободу Кубы. От друзей мальчик узнал, что автор стихов — Мендиве. И он вдруг ощутил себя единомышленником человека, который пока что был для него только учителем.

Теперь он совсем по-другому слушал дона Рафаэля и забывал обо всем, когда тот с искусством и страстью прирожденного оратора уводил ребят в лабиринты истории, где блистали умы, звенели мечи, рождались государства.

— В октябрьские дни 1492 года свежий ветер надувал паруса трех каравелл, которые несли на грот-мачтах штандарт испанской короны, — негромко рассказывал дон Рафаэль. — Рыжеватый человек с решительным взглядом стоял на корме флагмана. Наконец-то он, Христофор Колумб, осуществил свою многолетнюю мечту, нашел прямой западный путь из Европы к легендарным, сказочно богатым Индиям. Так европейцы называли тогда страны Юго-Восточной Азии. Путь в Индии был тяжел: приходилось добираться морем до турецких портов, откуда по горам и пустыням тянулись на восток бесконечные караванные тропы. Можно было плыть в Индии и вокруг Африки, но и эта дорога была долгой и трудной, а к тому же по решению папы римского по ней могли плавать только португальцы.

И вот, первым отправившись из Испании прямо на запад, Колумб меньше чем через три месяца приплыл к невиданной и долгожданной земле.

Уже остались позади несколько островов. Теперь каравеллы медленно шли вдоль новых берегов, плотно поросших буйной тропической зеленью и напоминавших кору пробкового дерева.

Адмирал обернулся к юнге:

— Это Индия, чико[5]. Зови шкипера. Будем бросать якорь…

Через полчаса Колумб шагнул на белый прибрежный песок и, сверкая и позвякивая латами, торопливо развернул тяжелое расшитое знамя. От имени Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского[6] он объявил испанским владением землю, которую

туземцы называли Кубой.

«Вся местность, — записывал вечером Колумб, — заросла прекрасными зелеными деревьями, отличными от наших кастильских. Повсюду сладкозвучно поют птицы, а горы у бухты, Где мы бросили якоря, так же красивы и высоки, как Пенья де лос Энаморадос[7]. Я видел огромные и чудесные сосны, стройные и прямые, как веретено. И я решил, что из них выйдут мачты и палубные доски для самых больших кораблей Испании. Здесь можно соорудить столько кораблей, сколько их величества короли пожелают… На морском берегу много камней цвета железа и иных, о которых говорили, что они из серебряных копий… Ничего прекраснее этой земли еще не видели глаза человеческие. У меня так велико удивление, что, думаю, еще большим оно будет у всякого, кто об этой земле услышит. И никто не сможет поверить подобному, пока сам не увидит всего… Не хотелось бы уходить отсюда».

Дон Рафаэль на мгновение замолчал, окинул класс быстрым, все замечающим взглядом педагога. Он увидел, что Торрес дремлет, а Пачеко рисует, Гаррига слушает, подняв светлые брови, а Марти… Как впитывает в себя историю этот мальчик! Он словно сам переживает все.

— И хотя вскоре стало ясно, что открытые Колумбом земли совсем не Индия, испанцы не ушли из новой страны…

Колумб писал об аборигенах Антильских островов: «Легко будет обратить (в христианство. — *Л. В.*) этих людей и заставить их работать на нас».

Но он ошибся. С копьями выходили индейцы навстречу вооруженным мушкетами завоевателям. Они умирали, но не покорялись.

Испанцы нашли выход. Они послали свои корабли в Африку, и многие тысячи африканских негров, обмененных на водку, бусы, ножи или просто захваченных вооруженными огнестрельным оружием работорговцами, были доставлены на Кубу в смрадных трюмах плавучих тюрем.

Кубе индейской пришел конец. Но уже можно было предвидеть конец и Кубы испанской. Историки свидетельствуют, что на острове постепенно складывалась новая, численно преобладающая группа населения, в которую не входили ни индейцы, ни африканцы, ни испанцы, прибывшие из метрополии. Это была группа креолов, и состояла она из людей, родившихся непосредственно на Кубе, — потомков осевших на острове белых завоевателей, мулатов и метисов.

Многие кубинские землевладельцы были креолами. Это на их землях в основном рос уже прославивший остров сахарный

тростник. И они считали себя подлинными хозяевами некогда открытой Колумбом Кубы. И они ненавидели испанских чиновников, приплывавших из-за океана, чтобы надменно управлять чужой им страной, управлять, не желая хотя бы посоветоваться с ее жителями. Они ненавидели и купцов Испании, которые по королевскому указу одни могли торговать колониальными товарами за пределами испанского королевства, одни могли наживаться на кубинском сахаре и табаке, руде и пряностях. И креолы не раз поднимались против испанского владычества.

Их борьба смыкалась с освободительной борьбой на покоренном Испанией континенте. С 1810 по 1826 год шла война народов Испанской Америки за национальную независимость, и, когда она закончилась, у Испании остались только островные колонии — Куба и Пуэрто-Рико…

Мендиве помолчал, прошелся по проходу между рядами скамеек с откидными пюпитрами на спинках. Класс сидел тихо, очень тихо. Мендиве вынул часы — до конца занятий оставалось пятнадцать минут.

— А теперь, мои юные друзья, послушайте несколько строф:

Воздвигнем наш храм в горах,
Пусть кровлею будет небо,
Пусть светят ясные звезды,
Коврами пусть стелются склоны,
И пальмы в алтарь превратятся…

— Зачем он зовет в горы? — шепотом спросил у Пепе его друг Фермин, сын богатого гватемальца Домингеса, уже давно осевшего в Гаване.

— Он зовет туда, где нет испанцев, — ответил Пепе.

Дон Рафаэль благоволил к Пепе и однажды нанес визит его родителям. Донья Леонора приготовила специально купленных крабов «моро», сварила кофе по-канарски. Дон Мариано посоветовал гостю отведать рома. Беседа мужчин касалась многого — падения экспортных цен на сахар и строительства новой железной дороги к западу от Гаваны, массового банкротства мелких плантаторов и стремления янки по дешевке скупить их сахарные заводы.

В конце визита дон Рафаэль попросил Пепе сходить за сигарами. Когда мальчик вышел, учитель перешел к делу: он, Мендиве, понимает, что дону Мариано трудно нести расходы по обучению сына. Он понимает, что лишь поэтому мальчика послали работать в табачную лавку, где он проводит половину

дня. Но Пепе талантлив, и не следует лишать его возможности учиться дальше. Он, Мендиве, готов платить за него. Пепе должен быть бакалавром.

Возвращаясь, Пепе услышал, как отец смущенно говорил:

— Мальчик будет просто счастлив, я знаю…

ПЕРВЫЙ ШАГ

27 сентября 1866 года Пепе сдал вступительные экзамены в среднюю школу.

Школа располагалась на улице Обиспо в здании, которое было частью старинного монастыря «Санто-Доминго». Каждое утро к монастырю подкатывали коляски на мягких рессорах — многие питомцы школы даже на занятия ездили в родительских экипажах. Когда занятия кончались и веселая гурьба школьников высыпала на улицу, из тени тополей выходили черные слуги, ожидавшие молодых сеньоров, чтоб помочь им донести до дома стопку учебников и тетрадей.

Пепе знал, что его семья беднее, чем семьи других, но его гордость не страдала от этого. Он был, как и прежде, первым по всем предметам и никому не отказывал в дружеской помощи.

Донья Леонора была счастлива. Даже дон Мариано, слушая рассказы Пепе о школе, удовлетворенно поглаживал усы. Но в дело вмешалась политика.

Давние расхождения между испанскими колонизаторами и креолами все более обострялись. Дон Мариано раз и навсегда определил свое отношение к этим распрям. Он считал своим долгом верой й правдой служить короне. Для Пепе все обстояло гораздо сложнее.

Мендиве постепенно становился духовным отцом молодого Марти. Пепе читал в кругу друзей книги из его домашней библиотеки, и юношам казалось, что изгнанник Эредиа[8] обращается именно к ним:

> Ведь герои найдутся на Кубе,
> Предпочтут они славную участь:
> Лучше смерть, чем, стеная и мучась,
> Жизнь в неволе влачить, как рабы[9].

Нередко чтения прерывались тяжелым топотом марширующих батальонов. В широкополых сомбреро, полотняных блузах и брюках сероватого цвета по улицам Гаваны проходили вооруженные до зубов волонтеры: сыновья испанских купцов, боявшихся, что независимая, свободная Куба откажется от их «услуг», чиновники, не дослужившиеся до высоких постов и жаждавшие власти в любой форме; просто испанцы, приплывшие на остров в поисках своего счастья и не нашедшие его.

Колониальные власти создали корпус волонтеров, чтобы иметь опору в трудной борьбе с «мятежниками». Они вручили оружие авантюристам, потому что войск всегда не хватало и к тому же приплывшие из Испании крестьяне в военной форме не проявляли особого рвения в карательных операциях.

А волонтеры быстро доказали, что не зря получают щедрое жалованье из сейфов улицы Муралья, где свили гнезда испанские банкиры. Наглые и озлобленные, презиравшие все кубинское, волонтеры готовы были стрелять в каждого, кто хоть взглядом выражал несогласие с лозунгом «единства Кубы с матерью родиной».

А в Гаване множились слухи о «беспорядках» на востоке острова. Мендиве медленными шагами мерял залу библиотеки, и его тихий голос был тверд:

— Истина состоит в том, что мы, кубинцы, созрели для того, чтоб самим управлять своей страной и привести ее к всеобщему равенству, свободе и процветанию…

Весной 1867 года Пепе с отличием сдал экзамены в школе. Председатель попечительского совета, важный толстяк в тесном сюртуке, прикрепил к лацкану курточки юного Марти медаль.

Донья Леонора плакала от счастья, сестры требовали, чтобы Пепе ходил в куртке с медалью с утра до вечера, а дон Мариано подолгу рассказывал о его успехах приятелям.

Мендиве тоже гордился своим юным протеже и заявил, что дальше Пепе будет учиться в его собственной школе — «Сан-Пабло».

Конечно, дон Мариано уже прослышал о «сомнительной» репутации Мендиве. Но тот опять взял на себя все расходы по обучению Пепе, и дон Мариано махнул рукой. Все то, что его сын повторяет вслед за Мендиве, было и останется мальчишескими бреднями. Пусть парень учится. Кто знает, может, и в самом деле станет бакалавром.

Пепе сознавал, что между его идеалами и убеждениями дона Мариано лежит глубокая пропасть. И уважение к отцу постепенно сменялось горечью, которую сглаживала только сыновняя нежность.

Эта нежность и сознание духовного отдаления от семьи выливались в стихи. Сестры читали их и, не очень понимая, но сочувствуя, роняли слезы, мать молча обнимала сына, а отец снова и снова фыркал, заявляя, что сочинение стихов — самое дурацкое занятие на свете.

А Мендиве, напротив, радовали написанные Пепе строфы, легкость его слога, глубина мыслей. Он угадывал в нем будущего поэта.

В пятнадцать лет молодой Марти уже хорошо знал испанскую литературу, изучал английскую и французскую классику. Но, как и других питомцев «Сан-Пабло», его волновали не только проблемы литературы и истории. Каждый раз, когда ровесники собирались вместе, начинался разговор о судьбах Кубы.

Остров давал уже треть мирового производства сахара. Закуривая кубинские сигары, знатоки на всех континентах восхищенно поднимали брови. Но и сахаром и табаком на мировом рынке могли торговать только испанцы. По специальному указу короля только им принадлежало это монопольное право, и кубинцы вынуждены были за бесценок отдавать продукты своего труда испанским перекупщикам. Мало того. Куба выплачивала метрополии почти сорок видов налогов, несла расходы по содержанию королевской администрации и колониальных войск.

Даже самые куцые гражданские свободы, уже давно обещанные Мадридом, оставались недосягаемой мечтой. Брожение и недовольство охватывали остров.

Современники писали: «Войско и полиция суть единственная опора испанского господства на Кубе, население в громадной массе настроено против них».

После королевского декрета, который вводил на острове дополнительный десятипроцентный налог на различные доходы, чаша терпения кубинцев переполнилась. В августе 1867 года группа крупных собствен ников восточной Кубы решила перейти к делу. Нити заговора протянулись от города к городу.

«Независимость или смерть!» — провозглашали заговорщики. И этот лозунг поднимал тысячи людей — от плантаторов до безземельных гуахиро.

Но прошел год, а восстание не начиналось. Испания не хотела терять остров. В Сантьяго-де-Куба и Гавану один за другим прибывали корабли с пехотой и артиллерией. Казалось, ничто не сможет поколебать могущество королевства. Однако монархический колосс стоял на глиняных ногах.

Летом 1868 года лидеры испанской оппозиции повели на революционную борьбу с монархией моряков и горожан Кадиса. В Мадриде генерал Прим объявил о низложении Изабеллы. Королева бежала во Францию, испанцы плясали на площадях своих городов а колониальные чиновники на Кубе растерялись. И патриоты решили, что их час настал.

Утром 10 октября 1868 года адвокат Карлос Мануэль де Сеспедес вышел с кубинским знаменем в руках на крыльцо дома в своем имении «Ла Демахагуа», открыв в истории острова новую страницу — страницу войны за независимость родины.

«Отец независимости» первым освободил своих рабов. С возгласами «Да здравствует свободная Куба!», «Независимость или смерть!» его отряд вошел в местечко Яра близ города Байямо. И гордый «Клич Яры», долгожданный призыв к народной войне, облетел всю Кубу.

Пепе узнал об этом от Мендиве. Необычно строгий, дон Рафаэль стоял перед своим любимцем, испытующе глядя ему в глаза. Сердце глухо билось Свершились, наконец, свершились мечты, в Яре освобождены рабы, к Сеспедесу стекаются патриоты.

— Наше место там, дон Рафаэль, едем!

— Нет, Марти, пока наше место здесь.

Пепе не сомкнул глаз в эту ночь. Всей душой он был с теми, кто поднял знамя свободной Кубы над лесистыми склонами и долинами Орьенте. Как жалел он, что не может сражаться вместе с мамби![10] Он догадывался, почему Мендиве говорил, что их место в Гаване. Улицы столицы наводнили волонтеры. Они ждали, что мятежники вот-вот выступят на западе острова — в Гаване ходил по рукам выпущенный повстанцами «Манифест 10 октября»: «Кубинцы убеждены, что под скипетром Испании они никогда не смогут пользоваться правами, которые им принадлежат». Манифест провозглашал принцип «равенства, порядка, справедливости», в нем говорилось о желании «постепенного освобождения рабов».

Из Орьенте приходили радостные вести. Мамби заняли город Байямо, и он стал первой столицей свободной Кубы[11]. Восстал и был освобожден Хигуани, которому всего тридцать лет назад король пожаловал титул «всегда верного города». Прав был французский журналист, сообщавший в Париж: «Вождь повстанцев Сеспедес может рассчитывать на симпатии молодежи страны».

Пепе и его друзья по «Сан-Пабло» не находили себе места. Наконец решение было принято: покинуть Гавану и пробираться к мамби. Фермин и Пепе решили идти вместе. Но выбраться из города им не удалось: оседлав все дороги и тропы, вокруг столицы жгли костры батальоны волонтеров. Пепе был в отчаянии. Что делать теперь? Как бороться?

Спустя неделю «Сан-Пабло» гудел, как разбуженный улей. Дон Рафаэль, улыбаясь, проходил по коридорам. Нет, не зря говорил он своим питомцам о родине, о Кубе. А Пепе — Пепе просто молодец! Как зажгли всех его стихи! У мальчика светлый талант и большое сердце.

Четко исписанные листки исчезали в карманах, за подкладкой шляп, под стельками ботинок. На другой день они появлялись в других школах и колледжах, их поместил

выпускавшийся учащимися средней школы журнал «Эль Сибоней»:

Сбылась моя мечта… Воспрянул мой народ,
Народ моей страны, народ любимой Кубы!
Три века он страдал, до боли стиснув зубы,
Три века он терпел насилья черный гнет.
От эскамбрайских скал и до обильных вод
Седого Кауто — повсюду бурь раскаты
И наших пушек гром…
И, цепи разорвав, народ мой величаво
Теперь идет путем свободы и побед.
Сбылась моя мечта, ее прекрасней нет!

ВИВА КУБА ЛИБРЕ!

Новое испанское правительство — правительство победившей «либеральной» оппозиции — сделало все для урегулирования колониальных проблем. Шефом министерства заморских территорий был назначен велеречивый поэт дон Лопес де Айяла, и обещания реформ, на которые не скупились и прежние власти, стали еще более изящными и невесомыми.

Генерал-капитан Кубы Лерсунди послал воевать с мамби почти все свои батальоны. Намного опередив войска, на восток скакали тайные агенты с чековыми книжками нью-йоркских и мадридских банков. Лерсунди надеялся, что вожаки восстания предпочтут войне в зарослях обеспеченную жизнь где-нибудь во Флориде.

Но Сеспедес и его соратники «почему-то» отказались от взяток. Вслед за Орьенте пожары запылали в провинциях Лас-Вильяс и Камагуэй.

Спустя ровно шесть месяцев после «Клича Яры», 10 апреля 1869 года в городок Гуаймаро съехались представители восставших. На пыльной площади с усталых лошадей спрыгивали вооруженные люди, в чьих словах и делах рождалось будущее Кубы.

Делегаты ассамблеи в Гуаймаро пошли дальше авторов «Манифеста 10 октября». Они поддержали «известных жирондистов и дантонистов» Игнасио Аграмонте и Антонио Самбрано и проголосовали за двадцать девять статей первой конституции Кубинской республики. Судьбу освобожденной страны должны были решать избранные народом депутаты верховного органа — Палаты представителей. Провозглашалась свобода слова, печати, собраний, образования и культуры. Но главное — 25-я статья конституции гласила: «Все жители республики считаются полностью свободными!»

Пепе и его гаванские друзья с головой ушли в политику. Были забыты другие дела, заброшена учеба. Нельзя было узнать и Мендиве. Он горячился не меньше своих воспитанников.

Пепе знал, что в те дни Мендиве рисковал многим. В здании «Сан-Пабло», в личном кабинете его владельца и директора, уже который день скрывался товарищ Пепе — Хосе де Армас. Волонтеры охотились за Армасом после его стычки с испанским офицером, и только благодаря Мендиве он избежал ареста.

Политический барометр стремительно падал, указывая на приближающуюся бурю. И тогда испанцы решили открыть

предохранительный клапан, «даровав» острову свободу печати, слова и собраний. Они надеялись, что в борьбе за общественное мнение Кубы победу одержат посулы и призывы сторонников постепенных реформ и единства с Испанией.

Но ушедшие в подполье гаванские мамби понимали, что «свободы» объявлены отнюдь не ради подлинной свободы Кубы, что издания, призывающие к независимости, будут запрещены. Однако испанцы не могли теперь запретить ту или иную газету до выхода ее первого номера, и перед глазами властей замелькали десятки неизвестных доселе газетных названий. Кубинцы получили невиданную возможность прочесть и обсудить сотни откровенно тенденциозных статей, памфлетов, стихотворений.

Пепе не остался в стороне от дела пропаганды идей независимости. Выждав по совету Мендиве несколько дней после «провозглашения свобод», он вместе с Фермином Домингесом также решил издавать газету.

19 января газета «Эль Диабло Кохуэло» вышла в свет. На четырех страницах были щедро рассыпаны намеки и реплики, вполне соответствовавшие ее многозначительному названию[12].

Жизнь газеты была недолгой.

— Мы не можем пока что победить в открытом бою, — сказал ученикам Мендиве. — А поэтому, нанеся удачный удар, следует отступить, чтоб неожиданно ударить в другом месте.

Второй номер «Эль Диабло Кохуэло» в свет не вышел.

Дон Мариано Марти, служивший в те дни в полицейском отделении гаванского пригорода Гуанабакоа, очень нервничал. Прошло время, когда он считал пустой болтовней все то, что Пепе слышал у Мендиве и повторял дома. Попытка сына удрать к повстанцам не на шутку встревожила его. Опасность грозила его семье, ему самому.

Дон Мариано решил серьезно поговорить с Пепе. Парень должен оставить политику в стороне. Он достаточно учен, чтобы уже хорошо зарабатывать и помогать семье. Дон Мариано не был оратором и долго готовился к этой серьезной беседе. Но, начав ее, он забыл все приготовленные аргументы. Он кричал и топал ногами. Он обещал выдрать сына и запереть на месяц в темной комнате.

Пепе выслушал отца молча, хорошо понимая, что судьба развела их по разные стороны баррикад. В тот же день он получил разрешение выпускать с помощью Мендиве. еженедельник «Ла Патриа Либре»[13]. Когда он покидал дворец генерал-капитана, дежуривший у входа волонтер занес его фамилию в особую книжечку.

Поздно вечером 22 января Пепе постучался в дом к Мендиве.

Первые оттиски «Ла Патриа Либре» оттопыривали его карманы.

Дон Рафаэль не успел спокойно просмотреть газету. Затихавший город всполошили выстрелы у театра «Вильянуэва».

В этот вечер театр до отказа заполнили студенты и табачники, торговцы и промышленники. Дамы украсили свои платья лентами синего, белого и красного цветов[14]. Зрители восхищались артистами, которые решили дать этот спектакль в пользу «бедных». Склоняясь друг к другу, они негромко произносили имя главного «бедняка»: Карлос Мануэль де Сеспедес. Перед самым концом спектакля со сцены прозвучал возглас:

— Вива страна сахарного тростника!

— Вива Куба! — ответил зал.

И тотчас же до зрителей донесся многоголосый рев:

— Испания и честь! Вива Испания!

— Это волонтеры, спасайтесь! — крикнул кто-то, распахнув двери.

Безоружные люди бросились к выходам, но их встретили выстрелы в упор…

Дом Мендиве находился неподалеку от театра. Учитель и ученик, приникнув к окну, видели, как по Прадо, стреляя и размахивая саблями, проносились конные волонтеры.

От толпы на площади отделилось несколько одетых в форму фигур. Они бегом пересекли Прадо и забарабанили в дверь «Сан-Пабло».

— Открывай, чертов мамби! — орали они. — Сейчас мы разорим твое гнездышко! Ты расплодил слишком много птенцов!

Тяжелая дубовая дверь дрожала от ударов, но не поддавалась. Через полчаса все стихло, и наутро лишь следы пуль на стенах дома № 88 по Пасео дель Прадо говорили о событиях страшной ночи.

Генерал-капитан приказал расклеить по городу прокламации, в которых осуждались «безответственные элементы». Но гаванцы куда охотнее читали «Ла Патриа Либре».

Газета открывалась хвалебной статьей в адрес генерал-капитана — явной попыткой усыпить бдительность цензоров. Следующая статья высказывалась за право Кубы иметь свое правительство. Третий материал посвящался праву кубинцев на революцию.

Но главная взрывная сила газеты была не в статьях. Рядом с заголовком драматической поэмы Хосе Марти «Абдала» стояли слова: «Написано специально для «Патриа».

Герой поэмы, молодой вождь Абдала, звал своих соотечественников на борьбу с жестоким тираном:

…Сраженья час
Настал.
Вперед, на бой, на бой!
Пусть наша воинская доблесть будет
Щитом тебе, о родина моя!
Последний вздох за Нубию отдам я;
Для Нубии одной и наша сила,
И наше мужество, и наша жизнь…

Гаванцы хорошо понимали, кого имел в виду Марти, когда писал о тиране, его солдатах, предателях и победившем их всех народе в незнакомой далекой Нубии. Колониальные власти тоже поняли это.

Стихами Пепе заинтересовался сам Ланса-и-Торрес, королевский прокурор.

К отечеству любовь —
Не жалкая любовь к клочку земли,
К траве, примятой нашими стопами.
Она — бессмертье ненависти ярой
К тирану и захватчику страны…
Чтоб жизнь была достойной, мы должны
Оправдывать ее борьбой и смертью!..
Ведь родина надеется на нас
И ждет, чтоб мы вернули ей свободу!

Прокурор нахмурился и откусил кончик сигары. Из-за бунтовщиков в Орьенте и Камагуэе все вверх дном и здесь, в Гаване. Подумать только, до чего дошло:

На поле битвы мы решим наш спор…
Завоеватель гнусный, пробил час
Твоей позорной смерти!

Да, это не шутки. Марти никого не обманет своей Нубией. Кажется, придется срочно заткнуть глотку этому сопливому стихоплету и всей его компании.

Дома Пепе не понимали по-прежнему. Дон Мариано сердито потрясал скомканным номером «Ла Патриа Либре», и донья Леонора не останавливала его. Она чувствовала, что муж прав в своем предвидении опасности.

Но что значили для Пепе предостережения родителей? Отец

и мать считали его несмышленым школьником, а он чувствовал себя еще не вставшим в строй солдатом. Он очень хотел бы, чтобы донья Леонора походила на мать его любимого героя Абдалы, которая нашла в конце концов силы, чтобы понять сына и гордиться им.

Какие муки!.. Сколько скорби в сердце!
Здесь плачет мать… Там Нубия зовет…
Я сын… И я нубиец… Не колеблюсь:
Прощай! Иду я родину спасать!

Эти слова, вложенные Пепе в уста Абдалы, лучше и лаконичнее любых других передают душевные переживания юноши зимой 1869 года. Он, конечно, догадывался, что сыщики генерал-капитана взяли его на заметку, однако если даже слезы матери не могли поколебать его решимости, то слежка тем более не могла этого сделать.

А террор волонтеров захлестывал Гавану. Облачка порохового дыма неслись над черепичными крышами. На улице Корралес волонтеры закололи двух негритят, кричавших «Виве Кубе!», а неподалеку от Пасео дель Прадо поставили к стенке даже нью-йоркского фоторепортера.

В один из последних январских вечеров с саблями наголо они вломились к Мендиве.

Поэт знал, что рано или поздно эти гости обязательно пожалуют. Он предусмотрительно переправил в надежное место Армаса и все то, что могло оказаться уликой, — карты Орьенте, флаг Яры, портрет Сеспедеса, черновики статей и прокламаций в поддержку независимости.

Но улика нашлась. В столе доньи Микаэлы, жены Мендиве, оказалась повстанческая кокарда.

Мендиве бросили в тюрьму «Кастильо дель Принсипе». На дверях «Сан-Пабло» появился замок.

Грустный и молчаливый, Пепе проводил дни в конторе табачной лавки, куда устроили его друзья Мендиве.

Он попытался поступить в колледж «Сан-Франсиско де Ассиз», где хотел сдать экзамены за третий год обучения на бакалавра. Отца удалось было уговорить, но в дело вмешались волонтеры. Они побывали в гостях у директора колледжа, тот пригласил Пепе и, сокрушенно вздохнув, развел руками. Ему очень жаль отказывать дону Хосе Марти, но что поделаешь, в колледже нет ни одного свободного места.

Юноша чувствовал, как в сердце вползает отчаяние.

Пепе жаждал действия, но, потеряв Мендиве, никак не мог

связаться с заговорщиками Гаваны. Те, кто уцелел после репрессий и еще не перебрался на восток, были очень осторожны. Они не хотели довериться юноше, который, хотя и выпустил «Эль Диабло Кохуэло» и «Ла Патриа Либре», был сыном полицейского. Вести о ходе войны были обрывочны, разноречивы и в общем неутешительны. Даже в «Сан-Пабло» нашелся человек, который счел, что ему по пути с Испанией, а не с Кубой. Карлос де Кастро сын столичного богача, решил вступить в первый батальон гаванских волонтеров.

Теперь Пепе нередко встречал бывшего одноклассника в мундире лейтенанта. Весь вид его, казалось, говорил: «Здесь, в Гаване, хозяева мы, испанцы. Так было, так и будет!»

Но питомцы Мендиве верили, что будет не так. От их имени Пепе составил и вместе с Фермином Домингесом подписал коротенькое письмо: «Компанье-ро, снилась ли тебе когда-нибудь слава предателя? Ты знаешь, как испокон веков наказывали предателей? Мы считаем, что ты как бывший ученик сеньора Мендиве дашь объяснения в ответ на это письмо».

Дон Мариано начинал с уважением поглядывать на сына. Он ценил в людях прежде всего честность и верность. Пепе нельзя было упрекнуть в недостатке того и другого.

Наступила осень 1869 года. Мендиве сослали в Испанию, и гнездом его «птенцов» стал тихий дом Домингесов на улице Индустриа, 122. Здесь нашел молодой Марти то, чего ему так недоставало после ареста Мендиве, — интеллектуальную атмосферу и духовную поддержку. Именно здесь он понял всю правоту слов побежденного и больного Боливара, который на вопрос «Что же теперь делать?», заданный растерянным доктором, ответил: «Побеждать!»

Прежде Фермин Домингес не всегда и не во всем соглашался с Пепе. Сын богатого адвоката, он симпатизировал южанам в годы гражданской войны в Соединенных Штатах. С годами друзья стали единомышленниками. Пылкий, увлекающийся Пене и спокойный, рассудительный Фермин — они прекрасно дополняли друг друга.

Старый дон Эусебио Домингес требовал от сына и его друзей одного — осторожности. Юноши старались, но…

4 октября у Домингесов шел очередной урок французского языка. Фермин, его брат Эусебио, весельчак Сантьяго Бальмин, Пепе и юный Мануэль Сельен, младший из триумвирата братьев-поэтов[15], устали слушать монотонное чтение своего учителя мосье Фортье. Решено было сделать перерыв, тем более что в окне напротив появились две очаровательные сеньориты.

В старой Гаване улицы узки, и поэтому жители

противостоящих домов могут переговариваться без труда. Сельен и Фортье вышли на балкон и стали разговаривать с соседками, а остальные принялись за апельсины. Прошло несколько минут. Пепе слышал, как смеялись девушки, спрашивая у Мануэля, не отведал ли он настоя агуате[16]. Внезапно донесся грохот барабанов. Из-за угла показался волонтерский батальон.

Друзья давно привыкли к подобным зрелищам. Думая, что волонтеры уже миновали дом, Фермин бросил в окно кожицу от апельсина. Но батальон растянулся, оранжевый комочек ударился о шляпу одного из пехотинцев, и волонтеры услышали звонкий смех.

Друзья смеялись очередной шутке соседских сеньорит. Но не в меру самолюбивые вояки приняли смех на свой счет.

Едва стемнело, они вломились в дом Домингесов.

Они нашли экземпляры «Ла Патриа Либре», карты Кубы с условными обозначениями боев на востоке и, наконец, черновик письма Карлосу де Кастро. Сеньор Ланса-и-Торрес просмотрел доставленные ему бумаги. Да их целая шайка, этих подросших мамби, и правильно поступили славные волонтеры, схватив негодяев. Нелояльность, оскорбление чести героического первого батальона и его лейтенанта де Кастро налицо. Заводила у них, как и следовало ожидать, Марти…

Россыпи звезд и золотых крестов сияли на мундирах испанских судей в зале военного трибунала Гаваны. Лишь в этот день, 4 марта 1870 года, Пепе впервые после ареста увиделся с Фермином. Они едва успели кивнуть друг другу — председатель военного трибунала подполковник Франсиско Рамирес предоставил слово прокурору.

Шурша черной шелковой мантией, Ланса-и-Торрес начал издалека. Он долго говорил о злодеях, которым не дороги честь и святость короны, о тех, кто идет пагубной дорогой против наставлений отцов церкви. Он сказал и о том, что эти злодеи пытаются отторгнуть от Испании дарованный ей богом остров Кубу, что в стихотворных аллегориях они прославляют кровопролития и бунты…

Судьи скучали. Председатель, склонившись, прошептал своим неосведомленным коллегам, что это еще не все. И действительно, Ланса-и-Торрес патетически возвысил голос:

— Более того, достопочтенные сеньоры судьи! Преступники запугивают честных испанцев. В письме доблестному сеньору де Кастро подсудимые обвиняют его, а значит, и всех волонтеров в предательстве!

На скамьях для публики раздался рев:

— Смерть бунтовщикам! Повесить их! Отдайте их в наши

руки! Смерть!

Председатель не спешил навести порядок. Благоразумнее было не связываться с головорезами из первого батальона.

Наконец шум утих.

— Подсудимый Домингес, кем написано преступное письмо сеньору де Кастро?

— Это письмо написано мной. — Ответ прозвучал негромко, но решительно.

Подсудимый Марти, вы подтверждаете показания подсудимого Домингеса?

— Нет. Это письмо написал я!

Судьи переглянулись. Парни пользуются тем, что их почерки очень схожи. Но разве не ясно, что в конце концов тот, чья вина окажется большей, может заработать смертную казнь? Зачем они лезут в петлю оба?

— Подсудимые Марти и Домингес, я повторяю вопрос: кто написал это письмо?

Друзья поднялись вместе.

— Но не могли же вы писать одно письмо одновременно!

Пепе сделал шаг вперед, опережая Фермина.

— Уважаемые сеньоры, — прозвучал его голос, — это письмо написано мной. Я писал его в одиночестве. Я не мог не написать его потому, что всем сердцем осуждаю несправедливый испанский гнет на моей прекрасной родине и презираю тех кубинцев, которые хотят увековечить его. Я знаю, что письмо всего лишь предлог. Вы судите нас за верность свободе родины. И я не боюсь вашего приговора.

Суд совещался долго. Повесить, как требует прокурор? За что? За речь в суде и письмо? Председатель покачивал напомаженной головой.

Приговор гласил:

«За оскорбление чести первого батальона волонтеров

Хосе Марти, из Гаваны, 17 лет, приговаривается к 6 годам каторжных работ;

Фермин Домингес, из Гаваны, 18 лет, приговаривается к 6 месяцам тюремного заключения…»

НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СПОКОЕН!

Грубая одежда без белья, цепь на поясе, прикованная к кольцу в холодной стене темного подземелья, деревянные башмаки на босых ногах и, наконец, главный признак «политического» — жесткая черная шляпа с высокой тульей на обритой голове — так выглядел каторжанин Марти уже через час.

Ему разрешили проститься с отцом, и целых пять минут Пепе утешал готового заплакать дона Мариано. Он успел передать отцу клочок мятой бумаги. Дон Мариано ловко сунул клочок в карман, а выйдя за ворота тюрьмы, первым прочел неровные, торопливо нацарапанные строки:

Я иду в страшный дом, в тюрьму,
Где людей убивает горькая жизнь.
Но знамени верен я своему:
Умереть за родину — значит жить.

Дон Мариано не любил стихов, он всегда был лояльным испанцем, но теперь, выйдя за ворота тюрьмы, он остановился посреди мостовой и погрозил кулаком грязно-серым замшелым стенам.

Никто не знал и никогда не узнает, сколько кубинцев встретили свою смерть в поглотившем Пепе каземате. Они задыхались в вонючих и темных камерах, их пытали водой, огнем, светом, темнотой. При пытке звуком заключенных сажали в каменную пещеру. В огромном зале перед пещерой другие заключенные били в набат. Великолепная акустика множила звуки до фантастических раскатов. Люди сходили с ума через несколько часов.

В другой камере была установлена «медленная гильотина». Голову обреченного охватывали полукружьями железных тисков. Еще один узник, осыпаемый ударами плетей, начинал медленно завинчивать тиски, сдвигая полукружья. Проходили считанные минуты, и глаза пытаемого вываливались из орбит, черепная коробка лопалась…

Несчастных не хоронили — их тела по специальным желобам спускали в море, где несли зловещую вахту стаи карибских акул.

Дон Мариано знал обо всем этом. Знал об этом и Пепе. Но если отец молил святую Марию вызволить сына, то сын прочел вечернюю молитву, заклиная бога послать ему новые силы для

борьбы.

Юноша не поддался чувству обреченности. Он страдал едва ли не больше других узников из-за своего слабого здоровья, но неизменно старался помочь окружавшим его людям, менял повязки на их ранах, подкладывал тряпки под ржавые браслеты кандалов. Страдания других были для него большей болью, чем собственные страдания.

Каторга быстро превращала юношу в гремящую цепями тень. Каждый день, по четыре в ряд, заключенные отправлялись в каменоломни «Сан-Ласаро» — гигантские ямы в известняковых пластах. На дне каменоломен стояли лужи нечистот, никогда не оседавшая пыль разъедала глаза. Пепе начал слепнуть. Когда он поднимал голову, ему казалось, что даже небо окрашено в жуткий белесый цвет. Его мучили кашель, сильные боли в нижней части живота. Тюремный доктор был краток:

— Грыжа. К работе в каменоломнях годен.

Однажды в воскресенье Пепе не смог встать, чтобы подойти к решетке на свидание с отцом.

Дон Мариано бросился искать помощи у друзей, донья Леонора вместе с дочерьми выстаивала долгие часы в приемных прокурора и генерал-капитана. Но все было напрасно. Лишь спустя несколько недель бывшие однополчане устроили дону Мариано встречу с владельцем каменоломен «Сан-Ласаро», богатым каталонцем Хосе Сарда. Слывший среди близких друзей добряком, а лично у генерал-капитана верным испанцем, Сарда обещал помочь.

В один из сентябрьских вечеров он навестил генерал-капитана дома. Между двумя партиями в баккара разговор зашел об острове Пинос.

— Я буду счастлив, если ваше превосходительство побывает в моем имении, в «Эль Абра». — Дон Хосе кончил сдавать. — На острове Пинос это лучшее место. Жаль только, не хватает людей, чтобы привести его в порядок…

— Три короля — настоящее баккара! — генерал-капитан торжествующе открыл карты. — А почему бы, любезный дон Хосе, не отправить в «Эль Абра» еще десяток мамби?

Дон Хосе почтительно поклонился.

Дверь клетки открылась. Каторжанин № 113 из первой бригады белых был отправлен на остров Пинос под строгий надзор землевладельца Сарда-и-Хиронелья.

Багаж Пепе был невелик: узелок с бельем и тяжелая сумка, в которой позванивали цепи. Его цепи. Покидая тюрьму, он попросил надзирателя подарить их ему на память. Прикусив прокуренным желтым зубом полученный от дона Мариано реал,

тюремщик согласился. Пусть у сеньора Сарды на всякий случай будет не только каторжник, но и кандалы.

— Сохрани их, Марти, — елейно сказал надзиратель. — Человеку всего дороже должна быть память о днях, когда он простился с крамольными заблуждениями.

— Человеку всего дороже должна быть свобода, сеньор, — ответил Пепе.

Маленькие причалы порта Нуэва Херона, столицы Пиноса, поразили Пепе своей живописной пестротой. Мокрые сети чередовались с корзинами рыбы, темнокожие рыбаки сваливали в кучи желто-розовые губки, перебирали шевелящихся крабов и лангустов. Казалось, Пинос живет полнокровной жизнью. Но на самом деле малолюдный остров уже давно служил местом ссылки. В мраморных рудниках работали рабы и политкаторжане. Они же рубили сосновые леса, копали белую глину в карьерах и добывали золото в штольнях, залитых отравленной мышьяком водой.

В имении «Эль Абра» на Хосе Сарда работало пятьдесят рабов и двадцать «политических».

Сарда поселил Пепе в комнате, где стояли железная кровать, шаткий стол и старый-престарый шкаф. На столе лежала библия. Набожный человек, Сарда хотел, чтобы все вокруг были примерными католиками. По вечерам Пепе мог зажигать свечу в высоком бронзовом подсвечнике. Сарда поручил ему занятия с детьми и изредка посылал с поручениями в Нуэва Херону. После «Сан-Ласаро» эта новая жизнь была поистине раем.

Но в декабре 1870 года Пепе пришлось покинуть Пинос. По-видимому, до прокурора дошли слухи о «строгом надзоре» над каторжником Марти. Как «опасного политического преступника», его ожидало заточение в крепость «Ла Кабанья», а затем — изгнание с Кубы.

15 января 1871 года трехмачтовый пароход «Гипускоа» вышел из Гаваны в Кадис. Хосе Марти не рассчитывал на отдельную каюту. Но угол трюма, предназначенный полицией для ссыльных, был так темен, сыр, грязен и вонюч, что все они отправились к капитану, и толстяк барселонец позволил им коротать время на палубе.

Вечерами пассажиры собирались на юте послушать бывших узников политической каторги. Пепе говорил мало, но однажды на ют пришел тот, кого он давно приметил и ждал, — полковник де Паласиос. Затянутый в светлый мундир, он облокотился на фальшборт и что-то шепнул своей даме, кивнув на ссыльных.

Пепе встал. Ему показалось, что тяжесть цепей снова тянет его вниз, что черная шляпа — «печать смерти» — снова надета на

его голову.

— Может быть, уважаемым сеньорам будет интересно узнать, кто и за что умирал от непосильного труда в каменоломнях?

Я могу рассказать вам о Лино Фигередо. Двенадцатилетнего мальчика испанское правительство приговорило к десяти годам каторги за то, что его отец был повстанцем.

А бедный негритенок Томас? В одиннадцать лет он был осужден как политический преступник!

Мне не забыть еще одного узника — Дельгадо. Он был молод, не старше двадцати лет. В первый же день своей работы в каменоломнях этот гордый и смелый человек остановился на краю высокой скалы, куда втаскивал камни, махнул рукой товарищам и бросился вниз. По случайности он упал на кучу мелкого щебня, и это спасло ему жизнь. Содранная кожа черепа тремя лоскутами закрыла лицо несчастного…

Вы спросите, кто повинен в этом? По странной случайности один из тех, кто повинен в этом, здесь, среди нас. Оглянитесь! Вот он! Вот комендант страшной каторги, высокочтимый полковник де Паласиос! Он стоит здесь, он даже улыбается, и прекрасная дама, не подозревающая о его страшных делах, улыбается ему в ответ…

— Успокойтесь, успокойтесь, Марти! Сядь, Пепе!

— Нет! Пока среди нас есть такие люди, пока люди способны на такое, пока целые народы стонут в неволе, никто не может быть спокоен!

…Полковник дважды повернул ключ в лакированной двери каюты. Этот щенок узнал его! Мятежники способны на все, а до Кадиса еще семь суток плавания…

Толпа на юте не расходилась.

— Вы еще юны, Марти, — мягко говорил седой негоциант. — Вы еще забудете об этом. Не ожесточайтесь…

— Моя юность, сеньор, как и юность многих, кончилась в «Сан-Ласаро».

Глава II
ВЗЛЕТ

ТАК ВОТ ТЫ КАКОЙ, МАДРИД!.

Что знал Пепе об Испании?

Отец, бесхитростно приукрашивая достоинства родного края, рассказывал ему о Валенсии. Школьные инспектора превозносили испанскую королеву по Праздникам 2 мая[17]. Испания чаще других стран упоминалась в литературных спорах Мендиве и его друзей, она была родиной и колыбелью величавого изящества кастельяно[18], средоточием и законодателем прекрасного, которое озаряло многие века и народы.

Но вместе с тем именно из Испании приходили корабли с солдатами, приезжали чиновники, именно туда уплывали кубинские богатства.

Может быть, Испания, ее народ, ее молодежь, литераторы и политики не знают о бесчинствах, творимых именем их великой страны на далеком острове?

В Кадисе юношу поразило обилие нищих. Слепые и безногие, горбуны и паралитики. Подав первую монету и услышав первое «Да поможет тебе бог!», Пепе угрюмо усмехнулся. Пока что бог помогал не очень-то.

Он взял билет до Мадрида. За грязным стеклом вагона проплывали холмы и горы, полоски полей чередовались с садами и пастбищами, где гуляли низколобые, черные, предназначенные для коррид быки. Иногда на дороге мелькала коляска, и в ней ежилась под кучей пледов элегантная дама, но чаще всего Марти замечал работягу ослика, по обоим бокам которого свисали тощие ноги его хозяина.

Изредка появлялись деревеньки: низкие беленые домики сбегали по склонам бурых холмов, и за ними, словно пастухи за стадами овец, зорко следили глазницами колоколен такие же беленые церкви.

Пепе ехал в Мадрид, не имея ни рекомендации, ни денег. Прощаясь у трапа «Гипускоа», дон Мариано успел сунуть сыну кошелек, но в нем были гроши. В кармане лежали два-три адреса кубинцев, сосланных в Испанию до него, но живут ли они еще в Мадриде? Ведь сумел же уехать в Нью-Йорк Мендиве…

Зима 1871 года в Мадриде была холодной. Ледяные порывы ветра с вершин Гвадаррамы срывали шапки и разматывали шарфы. Продрогший юноша в черном пальто с трудом нашел пансион некоей доньи Антонии на улице Десенганьо — этот адрес дал ему в гаванском порту один из провожавших друзей — и занял комнатку на втором этаже.

Из окна было видно немного: выложенная гранитной брусчаткой мостовая, вывеска страховой конторы, мелочная лавка и ателье фотографа. Но у комнаты было и неоспоримое достоинство — из булочной, помещавшейся в первом этаже, доносился восхитительный запах.

На следующий день Пепе разыскал земляка. Его звали Карлос Соваль, и он был сослан почти одновременно с Мендиве. «Вина» Карлоса была поистине анекдотична. Спасаясь от пуль волонтеров, он оставил в раздевалке театра «Вильянуэва» свое пальто. Испанцы, видевшие в каждом кубинце заговорщика, разыскали Соваля по адресу на подкладке пальто и немедленно отправили его подальше от кубинской сумятицы.

Соваль оказался хорошим гидом. В течение полутора недель Пепе был охвачен волнующей страстью узнавания. Он воочию увидел три Мадрида.

Первый фланировал вокруг фонтана на Пуэрто дель Соль[19] — наглый, крикливый и фривольный Мадрид богатых бездельников, видевших смысл жизни в посещении и обсуждении коррид, дам из полусвета, щеголяющих мантильями и поддельными бриллиантами, и модных липких господинчиков, существующих неизвестно на что.

Нищета второго Мадрида смотрела усталыми глазами детей и стариков из-за каждой дощатой двери кварталов Лавапьес и Ла Мореria. Пепе с содроганием бродил по узким улицам. Он не знал, что этот бедняцкий Мадрид уже находит пути к свету. Уже полтора года в Испании под руководством Поля Лафарга и Пабло Иглесиаса боролись за лучшую долю члены секции I Интернационала — первые испанские последователи Маркса.

Впрочем, тогда Пепе волновали не споры о собственности и капитале, а бои за свободу родной Кубы.

Холодными зимними вечерами, когда уроженцам тропиков казалось, что угли камина излучают всего лишь негреющий звездный свет, друзья говорили о родине. Именно в такую, отданную волнующим воспоминаниям минуту юный поэт записал в альбоме Карлоса:

> Под небом чужим побратала нас Куба.
> Тоскуя, мы помним ветра и закаты.
> Ты в сердце, мой остров, родной, благодатный,
> И жизнь и стихи — все тебе, моя Куба!

Друзья знали, что в ближайшие годы им не удастся вернуться домой. И они решили: чтоб быть полезными родине, нужно бороться за Кубу и в Испании. А для этого прежде всего учиться.

Мадридский университет? Да, конечно. Но не только. И Марти начинает знакомиться с третьим Мадридом — великой столицей испанской литературы, живописи, театра и… испанского красноречия.

С красноречием Марти столкнулся в первую очередь, ибо Соваль повел его в литературно-политический клуб Атенео. Пепе внимательно выслушал ораторов, и его поразило, сколько пыла тратят они на незначительные проблемы.

— Нет, Карлос, нет, — говорил он другу, — не об этом должны говорить настоящие люди. На Кубе, которую здесь считают частицей Испании, сотни и сотни тысяч людей полностью бесправны, а в Атенео спорят о пустяковых деталях избирательного ценза!

— Что поделаешь, — отвечал Карлос, — у них свои проблемы…

Испании действительно хватало проблем. Политическая кутерьма в стране достигла апогея, когда в сентябре 1868 года под аплодисменты либералов генералы Прим и Серрано низложили Изабеллу Бурбон. Генералы пошли на это, хотя первый провозгласил ее совершеннолетней в тринадцать лет и преподнес корону, а второй несколькими годами позже был ее интимным другом.

После нескольких месяцев Первой республики кортесы высказались за либеральную конституционную монархию. Срочно потребовался подходящий король. Карикатуры изображали двух генералов перед кучкой претендентов:

«Восемь песет скипетр и корона, господа! Кто больше? Дешево испанские скипетр и корона! Восемь песет раз, восемь песет два…»

Аукцион кончился в ноябре 1870 года. Кортесы «избрали» королем итальянского принца Амедея Савойского. Амедей был неглуп и с первых дней проявил себя либералом настолько, насколько может быть либералом испанский король. Но и клерикалы, и офицеры, и родовая знать игнорировали «избранного» простым большинством монарха, а народу, уже выступавшему за республику с оружием в руках, «Макаронник I» был попросту не нужен.

С появлением Амедея в Мадриде началась чехарда кабинетов. Сторонники короля, расколовшись на консерваторов и радикалов, правили страной по очереди, вдохновенно поливая друг друга грязью.

Взаимные обвинения отнимали много сил, и консерваторы еле успели предотвратить рост действительно серьезной оппозиции, запретив деятельность секции Интернационала.

Право же, при всем этом какая-то каторга на Кубе просто не заслуживала внимания правительства. Ощущение беспокойной неопределенности волновало министров куда больше.

Но Пепе все-таки думал, что Испания просто не знает подробностей кубинской трагедии. Ведь либералы Мадрида так критически разбирают даже туалеты своего монарха! Неужели же они промолчали бы, зная о «Сан-Ласаро»?

И он решил рассказать Испании все то, что узнал и увидел сам. Наивной была вера юноши в честность власть имущих, но именно эта вера стала «виновником» появления на свет книги «Политическая тюрьма на Кубе».

«Я не хочу говорить о себе, когда я говорю о страданиях. Другие страдали больше меня». Пепе написал эти слова и будто наяву увидел своих товарищей по несчастью: Лино Фигередо, негритенка Томаса, Дельгадо и многих, многих других. Избитые, больные, окровавленные, они протягивали к нему руки, прося о помощи. И он снова писал, писал… Стиль восемнадцатилетнего ссыльного сегодня может показаться излишне цветистым, но даже спустя века этим фразам нельзя будет отказать в страсти и убежденности:

«Позор! Другого слова для этого не сыщешь. Бесчестие! Иначе это не назовешь.

Там, в Гаване, во имя национального единства позорят, бичуют, убивают. Здесь, в Испании, оно волнует, возвышает души, воспламеняет сердца.

Народные представители, опьяненные красивыми фразами лжепатриотизма, одобрили действия правительства, ничего не зная о трагической судьбе гаванских узников. Конечно, они не знали об этом, ибо только страна, не имеющая ни достоинства, ни сердца, могла устами своих представителей одобрить столь позорные деяния.

Испания твердит о своей чести. А в моих грезах я вижу, как депутаты испанских кортесов с завязанными глазами, взявшись за руки, кружатся с головокружительной быстротой, освещенные, точно Нерон, страшным заревом. Вокруг них, как факелы, пылают пригвожденные к столбам человеческие тела, над ними залитая зловещим багровым сиянием оглушительно хохочет какая-то призрачная фигура. На лбу у нее написано: «Национальное единство». А депутаты все кружатся в неистовом хороводе.

Кто же осудил несчастных узников? Испанское правительство или — что более точно — национальное единство?

А теперь, отцы отечества, заявите от имени родины, что вы одобряете гнуснейшие надругательства над человеком и полное забвение самой элементарной справедливости.

Заявите это, узаконьте, одобрите этот позор — если только вы решитесь это сделать…»

Едва успев закончить рукопись, Пепе слег. Карлос еле успевал ухаживать за больным другом и бегать на улицу Сан-Маркос, где издатель Рамон Родригес печатал книгу за умеренную плату.

Наконец настал час, когда в комнате Пепе появились связанные бечевкой пачки. Автор перелистал свою первую книгу и грустно усмехнулся:

— Разве можно на тридцати страницах рассказать о страдании народа, Карлос?

Однако оказалось, что рассказать можно. Мадрид заметил книгу юного ссыльного.

Старый дон Калисто Берналь, обосновавшийся в Мадриде кубинский юрист и либерал, добрый гений всех ссыльных, приехал к больному, чтоб познакомиться с ним и обнять его за смелость и честность.

Рупор республиканцев, газета «Эль Хурадо Федераль», постаралась довести содержание книги до республиканских депутатов.

Лопес де Айяла, бывший министр по кубинским делам, пометил в настольном календаре: «Х. Марти — новое (!) имя. Мин. заморск. терр. — ошибочн. полит.».

Прочел книжку Пепе и дон Антонио Кановас дель Кастильо. Лидер испанских консерваторов счел нужным выступить с порицанием «экстремистских» взглядов автора в Атенео, но великодушно похвалил его страстность и яркий дар «агитатора».

Без сомнения, гневные строки Марти о «национальном единстве» были прочитаны и официальным Мадридом. И невозмутимое молчание правительства ясно сказало Пепе, как жестоко он обманулся, веря в неведение сильных мира сего.

«Я ГОТОВ СДЕЛАТЬ ВСЕ…»

К весне у Пепе прибавилось сил, и он решился на операцию. Предстояло удалить опухоль, появившуюся в паху после цепей «Сан-Ласаро». Доктора брали недорого — Марти не знал, что Соваль потихоньку от него сам выплачивает эскулапам львиную долю гонорара.

Операция принесла некоторое облегчение, и через несколько недель вместе с верным Карлосом и новыми друзьями Пепе уже гулял по расцветающему Мадриду.

Издание книги и лечение поглотили почти все, что было в его и Карлоса кошельках. Врачи предписывали Марти усиленное питание, а у друзей хватало лишь на картошку и соленые сардинки. Выход был один — работать. И Пепе, уже зачисленный вольнослушателем в Мадридский университет, по вечерам сам становился учителем.

Вскоре он смог регулярно платить за квартиру. Случайная работа по переводу английского трактата, «полного технических и необычных слов», позволила ему отправиться за новой парой ботинок. Впрочем, до магазина обуви он не дошел, а купил фоторепродукции с картин Лувра. Новые ботинки появились лишь через месяц, когда «Эль Хурадо Федерал» напечатала пару его заметок.

Благодаря поручениям этой газеты Пепе получил доступ в ложу прессы кортесов. Он слушал ораторов, веря, что они хотят добра и процветания своей родине, и поэтому надеясь, что они заговорят о счастье и его острова.

Но скоро он убедился, что великолепие языка, искрящееся остроумие и ливни метафор прикрывают лишь мелкие ссоры группировок. Искренние люди были редкостью и в испанских кортесах.

Когда Марти рассказал о своих впечатлениях старому Берналю, тот усмехнулся:

— Ты не выдумал пороха, Пепе. Впрочем, хорошо, что ты теперь знаешь цену разговорам испанцев…

Берналь был убежденным автономистом. Он считал, что лучшим выходом из кубинской проблемы может явиться предоставление острову автономии. Пепе слушал его внимательно, но соглашался далеко не всегда: Берналь считает, что надежды на полную независимость преждевременны? Нет! Борьба началась и продолжается даже здесь, в сердце Испании.

Марти начал борьбу изданием «Политической тюрьмы на

Кубе». Продолжил полемикой с газетой «Ла Пренса».

«Ла Пренса» финансировалась неким сеньором Кальво, фаворитом официального Мадрида. Кальво владел на Кубе плантациями и рабами, ему давно не нравились горячие сходки ссыльных кубинцев, и однажды «Ла Пренса» ошеломила Мадрид, заявив, что ссыльные — это «флибустьеры, скрывающие за ширмой передовых теорий и радикальных принципов трусость, лицемерие и ненависть ко всему испанскому».

Написанный Марти протест кубинцев появился на страницах «Эль Хурадо Федерал»: «Кубинские ссыльные будут знать теперь, что объявивший о конституционных свободах человека Мадрид не лучшее место, где можно вынашивать идеи кубинской революции».

«Ла Пренса» призвала власти предать Марти суду как опасного главаря тайного общества, готовящего переворот.

Марти ответил, что его убеждения уже прошли через самый строгий суд — суд мыслей и сердца. Дон Калисто Берналь с уважением рассказывал всем о Пепе:

— Когда я только познакомился с ним, мне показалось, что огонь его слов слишком силен для такого слабого тела. Но потом я убедился — это не так. А теперь и весь Мадрид может видеть — этот мальчик будет стоить десятерых…

Осенние холода снова уложили Пепе в постель. Он лежал в комнате Карлоса, где с утра до вечера не смолкали шум и гомон. Присутствие друзей бодрило, и Пепе начал потихоньку поправляться, когда с Кубы пришли страшные вести.

Волонтеры схватили в Гаване около пятидесяти студентов-медиков и предъявили им дикое, от начала до конца вымышленное обвинение в «надругательстве над могилой» некоего волонтера Кастаньона, убитого повстанцами годом раньше. Тридцать пять студентов были приговорены к каторжным работам, а восемь их «главарей» расстреляны 27 ноября 1871 года.

Всю ночь Карлос дежурил около Марти, который бредил, метался на постели и звал Фермина Домингеса. Карлос не удивлялся. Он знал, что мятежный друг Пепе учится на медицинском факультете…

Фермин, «давно известный, по выражению прокурора, своими преступными взглядами», чудом избежал казни и оказался в «Сан-Ласаро». Но пока в Мадрид не пришло его первое письмо, Пепе не находил себе места. Простуженный, с пылающим от жара лицом, он обличал произвол Испании всюду, где только находил слушателей.

Чаще всего ему приходилось говорить в кафе. Пепе

аплодировали в «Фуэнте де ла Теха», где собиралась студенческая молодежь; встречали презрительным молчанием и смешками в «Иберии», набитой отставными офицерами; забрасывали ехидными вопросами в прибежище закулисных политиков «Суисо»; снова аплодировали в «Хаусе», английской пивной. Что же касается собраний республиканцев в кафе «Ориенталь», Марти не раз оказывался на них подлинным героем дня. Он еще не был фигурой первой величины, как, скажем, старый Берналь, но в его будущее уже можно было поверить.

В полемических битвах зима пролетела незаметно. Приближался торжественный день 2 мая: парады, карнавалы, танцы на площадях. В канун праздника Пепе поспорил с Совалем.

— Я считаю, что нам. нечего завтра делать в Мадриде! — горячился Карлос. — Лучше побродить по лесу, чем слушать, как все вокруг будут орать «Вива Испания!».

— Ты не прав, Карлос. — Пепе говорил негромко, он до сих пор чувствовал себя нездоровым. — Испанский народ празднует в этот день победу над иноземными поработителями. Я думаю, Мадрид поймет нас, если в день 2 мая мы напомним ему о его долге перед нашей родиной…

И утром 2 мая прохожие останавливались под окнами квартиры Марти и Соваля. С балкона свешивалось большое полотнище незнакомого флага: вверху красный треугольник с одной белой звездой, а от треугольника вниз — три синие полосы с белыми полосами между ними.

Какой-то парень, сложив ладони рупором, крикнул с улицы:

— Эй, вы чьи, откуда?

— Мы кубинцы! — ответил с балкона Соваль. — Мы поздравляем народ Мадрида!

— Спасибо!. — ответил парень. — А у вас есть такой праздник?

— Пока еще нет.

— Ну так будет! Да поможет вам бог, ребята!

Кампания за спасение гаванских студентов-медиков все же принесла плоды. После усилившихся протестов за рубежом правительство решило помиловать еще оставшихся в живых и заменить им каторгу ссылкой. Прямо из каменоломен Фермина и его друзей отправили в Кадис.

В Мадрид Фермин приехал в июле. Он ввалился в комнату к Пепе грязный и небритый, но уже запасшийся целой сумкой всяких вкусных вещей. Он решительно отобрал у Пепе его последние деньги и сунул их в свой довольно толстый бумажник.

— Теперь у нас все будет пополам, как и полагается по законам дружбы, — сказал он Пепе.

Пепе подчинился нехотя. Дружба дружбой, но разве его скудные заработки можно сравнивать с суммами, которые обещал присылать сыну старый сеньор Домингес?

В первую годовщину расстрела студентов на стенах мадридских домов появились листовки, подписанные Фермином Домингесом и высланным вместе с ним Педро де ла Торре:

«…Восемь юных сынов прекрасной земли были похищены неразборчивой смертью… И мы клянемся бесконечной любовью к родине, что будем верны славной памяти погибших…

Рыдайте от страха те, кто помогал убивать!»

Берналь сразу догадался, что подписи под листовкой — лишь маскировка.

— Почему ты и Педро подписали текст вместо Пепе? — спросил он у Фермина.

— Властям, пожалуй, листовка не очень понравится, дон Калисто. А Пепе несколько дней назад перенес еще одну операцию и не выдержит заключения в случае ареста. Мы запретили ему…

Надвигалось рождество, и депутаты испанских кортесов собрались на последнюю сессию 1872 года, чтоб обсудить вопрос о ликвидации рабства в колонии за океаном.

Ссыльные кубинцы очень ждали этой сессии. Они хорошо помнили осенние речи «большого оратора либерализма» Эмилио Кастеляра, в которых тот призывал к отмене рабства. Но надежды на «прозрение» депутатов не сбылись. Сидя в переполненной ложе прессы, Пепе с горечью слушал, как председатель зачитывает резолюцию: «Действия упрямых повстанцев не дают возможности отменить рабство на острове Куба…»

По дороге домой он сказал Берналю:

— Теперь я уверен, что расстрел студентов двадцать седьмого ноября и сегодняшнее голосование — звенья одной цепи. Когда на Кубе было тихо, рабство не отменяли, потому что кубинцы терпели его. После «Клича Яры» рабство не отменяют, потому что кубинцы выступили против него… Испании не нужна свободная Куба, дон Калисто.

— Разве стоит так переживать из-за какой-то резолюции, Пепе? Бог даст, скоро в Испании будет республика, этой королевской говорильне придет конец…

Над монархией действительно собирались тучи. Вслед за мятежами моряков и артиллеристов Мадрид взбудоражило покушение на Амедея. Бедственное положение крестьян придавало особый вес требованиям социальных реформ. Даже крупные дельцы начали благосклонно посматривать на сторонников республики. Почему бы, считали они, и не отведать

этого пирога?

Испанский трон превращался в весьма хлопотное место, и 9 февраля 1873 года Амедей Савойский отрекся от короны.

В ночь с 11 на 12 февраля площадь перед зданием кортесов была запружена возбужденными людьми. Около 11 часов вечера распахнулось одно из окон, выходящих на улицу Флорида Бланка. В нем показался лидер республиканцев Эстанислао Фигерас:

— Граждане Мадрида! — хрипло крикнул он. — Мы выйдем отсюда только с победой республики или умрем!

Умирать Фигерасу не пришлось. В последние минуты 11 февраля, ровно через четыре года после голосования за монархию, депутаты обеих палат, подбадриваемые криками толпы, провозгласили Вторую Испанскую республику.

На площади и в зале кортесов аплодировали и кричали все: сенаторы и швейцары, журналисты и кучера. Пепе и Фермин вместе с соседями по ложе прессы тоже не жалели ладоней. На их глазах рождалась республика, государство равенства и справедливости!

Когда стихла буря восторга, представители фракций стали выступать с приветствиями. Первым к трибуне засеменил либерал Мартос.

— Все добрые испанцы, — привычно слепляя фразы, затараторил он, — приветствуют рождение республики, знаменем которой станет единство Испании и испанской Кубы…

Пепе оторопел. Так вот какой хотят они видеть «республику»!

Завтракали друзья у Берналя. Наливая из чеканного мавританского кофейника по-кубински крепкий кофе, дон Калисто говорил:

— Ситуация улучшается, кое-что выиграть нам удастся.

Марти выглядел озабоченным.

— Слава и триумф, с которыми рождается республика, — стимул для выполнения ею своего долга. Республика должна доказать, что власть — это прежде всего справедливость. Республика должна уважать мнение Кубы, а не решать за нее.

— Так и будет, Пепе! — воскликнул Фермин.

— Будет ли? Вспомни речь Мартоса!

— Мне кажется, мои юные друзья, вы слишком торопитесь с выводами. — Берналь улыбнулся в седые усы, — У политиков своя логика. Время покажет…

— Нечего медлить, дон Калисто! — резко ответил Марти. — Нужно немедленно, сейчас же заявить республике: «Да здравствует испанская Куба, если она хочет быть испанской, но да здравствует свободная Куба, если она хочет быть свободной».

Несколько дней Марти не вставал из-за стола. 15 февраля он

переписал начисто свою новую работу и отправился к первому министру республики. Этот пост занимал теперь Эстанислао Фигерас.

Марти пришлось долго ждать в отделанной дубовыми панелями приемной. А в это время Фермин читал Берналю его черновики:

«Куба декларирует свою независимость по тому же праву, по которому Испания объявляет себя республикой.

Как может Испания отвергать право Кубы быть свободной, если это право является тем же правом, по которому Испания сама добилась своей свободы? Как может Испания отвергать это право для Кубы, не отвергая его для себя?

Как может Испания решать судьбу целого народа, навязывая ему нежеланный образ жизни? Как может Испанская республика не учитывать полное и очевидное желание этого народа быть свободным и самостоятельным?»

Когда Пепе вошел в кабинет первого министра, Фигерас, высокий и сухощавый, сделал шаг навстречу юноше. Как же, как же, он рад встрече, он слышал об ораторском таланте дона Марти и его влиянии на молодых земляков. Он надеется, что правительство республики найдет общий язык с кубинской эмиграцией, а проблемы острова Куба будут в ближайшем будущем решены и это приведет, наконец, к общему согласию.

Когда Марти вышел, Фигерас перелистал страницы оставленной юношей рукописи. «Испанская республика и кубинская революция». Чего только не наплетут эти ссыльные!

Испанская республика не услышала голоса революционеров. Не дождавшись от правительства ни дел, ни даже обещаний, Марти и его друзья решили действовать сами. Тонкая, бедно изданная книжка легла на прилавки, и мадридцы прочли то, что не захотел прочесть Фигерас.

«Мы давно предупреждали, что так и будет, — тотчас завопила «Ла Пренса». — Секретное общество кубинских экстремистов решилось публично выпустить когти. Кучка помилованных по ошибке преступников хочет отторгнуть Кубу от ее матери — Испании».

Но Марти слышал и другие слова. Однажды ветреным мартовским днем неподалеку от редакции «Эль Хурадо Федерал» его остановил пожилой, скромно одетый человек.

— Добрый день, сеньор Марти.

— Добрый день, сеньор, но мы, кажется, незнакомы…

— И да и нет, дорогой друг. Я набирал вашу книгу, и я хочу сказать, что вы целиком правы. Мои товарищи по типографии просили пожать вам руку. Испании нечего делать на Кубе.

Республике хватает своих проблем.

Пепе почувствовал, как теплая волна подкатывает к сердцу. Он горячо пожал руку наборщику.

— Если бы все испанцы были такими, как вы, счастье, мир и покой давно превратили бы Кубу в частицу рая. Скажите, вам не приходилось бывать на Кубе?

Наборщик, вдруг помрачнев, высвободил синеватую от свинцовой пыли ладонь из руки юноши.

— Нет, но два года назад в Орьенте погиб мой сын.

В те же мартовские дни секретарь революционного комитета кубинских эмигрантов в Нью-Йорке Нестор Понсе де Леон получил пакет из Мадрида. В пакете лежало несколько тонких книжек. На их желтоватых обложках стояло: «Хосе Марти. Испанская республика и кубинская революция».

Де Леон вскрыл приложенное письмо: «Из написанных мною страниц вы можете убедиться, что я готов сделать все, что в моих скромных силах, для дела нашей революции.

Чтобы приблизить час нашей полной свободы, я готов выполнять все ваши поручения…»

ЕСТЬ МЕСТО В ГРУДИ

Шел третий месяц Второй республики. Февральский энтузиазм спал, надежды на справедливость беспомощно барахтались в водовороте патриотических словопрений в кортесах.

Берналь видел, как угнетен этим Марти.

— Что поделаешь, Пепе, республика родилась слабосильной, где уж ей сейчас думать о нашей Кубе…

— Но, дон Калисто, Фигерас преступно медлит! Ведь он первый министр не Амедея или Изабеллы, а республики, понимаете, рес-пу-бли-ки!

— А скажи-ка, Пепе, что изменилось с приходом республики?

— Как вы можете так говорить о республике, Калисто! Вы ведь сами аплодировали ее рождению!

— Я старый человек, мой друг, и знаю: если в трактире сменилась вывеска, а хозяин остался тот же, бифштексы будут подгорать по-прежнему. Я аплодировал лишь потому, что для борьбы за Кубинскую республику самая плохая республика в Испании все же лучше самой либеральной монархии…

Берналь был прав. За спиной Второй республики, как и за спиной монархии, стояли те, кто «имел интересы» на далеком карибском острове. Республике не позволялось отказываться от Кубы. Да и о каких радикальных реформах могла идти речь, если государственная машина по-прежнему была скомплектована из чиновников старого строя?

И все же Марти решил обратиться к новым лидерам страны. В статье «Решение» он писал:

«Нет никакой необходимости доказывать, что правительство, пообещавшее установить в Испании режим обновления, должно установить его и на Кубе; этого требуют простая логика и суровая правда, которая должна быть положена в основу республики.

Однако правительство все еще полно неуверенности, оно слишком боится трудностей и продолжает упорно избегать ответа на вопросы о судьбе Кубы. Его поведение невольно заставляет нас опасаться, как бы и на этот раз правители Испании не продали свои убеждения и не заглушили в себе голос совести.

Куба восстала с большей верой в республику, чем Испания, она восстала раньше Испании, она поднялась на завоевание тех же самых прав, которые сейчас завоевала Испанская республика. С кем же воюет Испания на Кубе?

Говорят, что Куба была права вчера, когда она восставала

против монархической Испании, но не права сегодня, восставая против либеральной и республиканской Испании. Но скажите, зачем вам владеть Кубой вопреки ее воле, владеть по праву силы и пролитой крови, по праву завоевания, отвратительному во все времена и вдвойне ненавистному, когда оно исходит от вас, республиканцев?»

Снова для мадридцев и кубинцев пришла пора удивляться силе, которая звучала в словах юного ссыльного. Но они могли удивляться, сочувствовать, и только. Правительство по-прежнему бряцало оружием на Кубе, выпускало принудительные займы, чтобы обеспечить ведение войны, отправляло на остров корабли с войсками.

Марти написал еще одну статью — «Реформы». Результаты были те же. Вернее, результатов не было никаких. И тогда бессилие и отчаяние взяли верх над волей и стойкостью. Он снова заболел и снова метался в горячке. Приходили и уходили доктора, дон Калисто, по-детски краснея, который раз подсовывал ассигнации под книги на столе, аптекарь уже без рецептов знал, какие лекарства нужны для сеньора Марти, а Пепе все не становилось лучше.

Только в мае больной встал. Но его по-прежнему мучал кашель, а по ночам будили кошмары.

— Пепе, доктор советует нам расстаться с мадридским климатом. — Фермин тоже много болел. — Давай решим, Барселона или Сарагоса? Ты сможешь писать и там.

— Писать? Сколько можно писать? Кому все это нужно? Монархисты, консерваторы, либералы, республиканцы — все эти фразеры погрязли во лжи и подлости, все они против нашей свободы. Ты говоришь, Барселона или Сарагоса? Мне все равно. Если бы ты только знал, как мне сейчас все равно!..

Когда-то, во времена арабского халифата, Сарагоса называлась Саракостой. Через века и битвы город пронес свой неповторимый, созданный арабами силуэт. Посреди главной площади Пепе и Фермин увидели громадную мечеть. Ее центральный зал был так велик, что христиане построили в нем свой храм, и теперь здания стояли одно в другом, словно памятник смертельной борьбе религиозного фанатизма.

Через день город уже знал о приезде ссыльных, и местная газета «Диарио де Ависос»[20] сообщила, что два юных «инсурректо»[21] будут учиться в древнем университете Сарагосы.

Газета считалась весьма либеральным изданием. Быть может, именно поэтому интервьюировавший кубинцев репортер с удовольствием сообщил им, что еще в 1869 году сарагосцы

выступали за Первую республику, против монархистов Серрано и Прима.

— Зная это, сеньоры, — продолжал он, — вы не удивитесь, когда узнаете, что год спустя именно в наш город съехались на свой первый конгресс испанские социалисты. О мой бог, девяносто делегатов кричали так, словно в Сарагосу прибыли все сорок тысяч их избирателей! Мне запомнились Лафарг, Иглесиас и два сторонника русского анархиста Бакунина. Они тогда рассорились, и весьма крупно…

А скажите, сеньоры, вам больше нравится Мадрид или Сарагоса?

Марти мог сразу ответить на этот вопрос. Сарагоса обещала отдых и покой, и юноше хотелось поскорее забыть шумный Мадрид с его политиканами и властью золота.

Каждый день, минуя массивную чугунную ограду, входил теперь Марти в приземистое двухэтажное здание университета. С особым увлечением слушал он лекции по литературе и философии.

Пришла осень с праздником девы Марии и праздником урожая. Липы и платаны на берегу Эбро роняли листья в потемневшую воду. Начинался театральный сезон. Два кубинца стали завсегдатаями театра «Принсипаль». Они подружились с Леопольдо Буроном, игравшим главные роли, и благодаря ему могли бесплатно занимать обычно пустующую ложу № 13. Именно это «несчастливое» место подарило Марти счастье первой любви.

Однажды в антракте он случайно поймал чей-то взгляд из партера. Уже гасили свет, и ему пришлось напрячь зрение, чтоб увидеть золотоволосую головку. После спектакля он провожал Бланку де Монтальво домой. Наверное, светила луна, и фонари, зажженные по указанию экономного муниципалитета через один, бросали на дома и мостовые едва заметные пятна дрожащего света…

Сарагоса решила, что молодой сеньор Марти и очаровательная сеньорита де Монтальво — прекрасная пара. Не прочь был бы сыграть свадьбу и дон Рамон де Монтальво, которому нравился простой и сердечный кубинец, боготворивший его Бланку. Бедность жениха не смущала дона Рамона. Куда больше его беспокоили вести с Кубы. Читая о боях в «Диарио де Ависос», дон Рамон покачивал головой: нет, «инсурректо» не осядет в Сарагосе.

И действительно, события на Кубе внушали тревогу. Рухнули надежды кубинских революционеров на поддержку «великой демократии севера». Потерпев провал в очередной авантюре с

покупкой острова, янки предпочли видеть его испанским и не только не пришли на помощь повстанцам, но, наоборот, стали на сторону «рабовладельца против сотен тысяч рабов». Янки блокировали остров, их сторожевики задерживали суда, везшие винтовки для мамби, и нехватка оружия становилась все ощутимее. Погиб в бою храбрец Аграмонте. Революция вынуждена была сместить Карлоса Сеспедеса с поста президента свободной Кубы — герой Яры и Байямо стал проявлять замашки диктатора. А главное — недальновидно или предательски был отвергнут план вторжения в западные, наиболее населенные районы острова, где к мамби могли бы присоединиться многие тысячи новых бойцов.

Не радовали и письма доньи Леоноры: сестры часто болели и были очень худы, дона Мариано мучила астма, он давно потерял работу в полиции и теперь не мог устроиться даже простым мачетеро[22] — остров лихорадил сахарный кризис, повстанцы жгли плантации и заводы, производство сокращалось. Старый Марти намеревался попытать счастья в Мексике. Ведь туда, возможно, мог бы приехать и Пепе…

Марти не знал, как поступить. Бросить все и уехать в Мексику? Но уезжать, не закончив учебу, бессмысленно. К тому же Бланка…

2 января 1874 года генерал Павиа ворвался со своими кавалеристами в ночной Мадрид. Разоружив охрану президентского дворца, он объявил диктатором Испании маршала Серрано. Это означало реставрацию монархии. И Сарагоса вновь, как и в 1869 году, сказала «нет».

Утром 3 января город покрылся баррикадами. Вместе с товарищами по университету кубинцы носили камни и бревна, переворачивали кареты и взламывали двери оружейных складов.

Но что могли поделать горожане против картечи крупповских пушек? Закупленные республиканским правительством, они оказались повернутыми против республиканцев. Залитая кровью патриотов Сарагоса сложила оружие.

Когда каратели покинули город, в театре «Принсипаль» состоялся вечер, посвященный памяти погибших. Сбор предназначался в пользу их вдов и сирот. На вечере выступал Марти.

После Пепе на сцену вышел Леопольдо Бурон и прочел его стихи — гимн восстанию в защиту республики. Зал аплодировал и кричал «Вива!», забыв об осторожности. Растерянный представитель новых властей счел за лучшее покинуть свою ложу.

В мае Марти съездил в Мадрид. В столичных кафе, как и в

дни республики, горячились политики.

Марти слушал их болтовню и чувствовал, как вновь наполняет его жгучее желание сделать что-то для Кубы, сделать сейчас, немедленно.

— Я скоро уеду поближе к дому, в Мексику, дон Калисто, — сказал он старому Берналю.

Экзамены в университете Марти сдал легко. К концу января он получил титулы лиценциата гражданского и канонического права и лиценциата философии и словесности. Визитных карточек с этими титулами он заказывать не стал. Деньги нужны были на дорогу.

Бланка долго хранила последнее письмо любимого: «Пойми, я должен вырвать твою любовь из своего страдающего сердца, как лис, попавший в капкан, своими же зубами отгрызает плененную лапу. И я должен уйти навстречу своей судьбе, как уходит этот лис, окровавленный, но свободный».

Находившимся под надзором ссыльным в то время легче всего было выехать во Францию. И Марти вместе с Фермином Домингесом отправился в Париж. Вместе — потому что Фермин тоже не захотел оставаться в Испании и решил продолжить учебу на берегах Сены.

Прошло около двух недель, и хмурым январским утром 1875 года пароход «Сити оф Мерида» покидал рейд английского порта Саутгемптон. Невысокий худощавый юноша стоял на палубе, подняв воротник поношенного черного пальто. Он наспех познакомился с Парижем, только один день провел в Англии, но не жалел о расставании с Европой, которая тонула теперь в сером тумане. Он плыл на запад, поближе к Кубе.

«МЫ РАДЫ, ЧТО ВЫ С НАМИ, МАРТИ»

На причале мексиканского порта Вера-Крус шел таможенный досмотр. Влажная жара затрудняла дыхание. Начальник таможни, черноусый майор в сине-белом мундире, вытирая платком шею и лоб, раскрыл, наконец, и паспорт кубинца.

— О, да мы земляки, сеньор Марти! Я ведь тоже кубинец, уроженец Гаваны. Добро пожаловать на землю нашей республики.

— Как вы сказали, майор? «На землю нашей республики»?

— Именно так! — майор протянул Пепе паспорт. — Ведь Мексика — свободная республика, наш президент сеньор Техада говорит…

— Да, да, конечно, — пробормотал Пепе. Он уже не слышал болтливого таможенника.

«Наша республика». Майор, быть может, и не догадывается, как глубоко он прав. Действительно, разве не братья кубинцы и мексиканцы? Разве не сыны они одной великой родины, которая протянулась от Рио-Гранде-дель-Норте до Огненной Земли? Разве не волнуют их одни и те же думы? И, наконец, разве не герой континента Боливар полвека назад стремился принести свободу его многострадальному острову?..

Два широкотрубых паровозика тащили на подъем небольшой пассажирский состав. Паровозикам предстояло преодолеть высокий горный кряж, отгораживающий от прославившегося лихорадкой низменного побережья сухое плоскогорье, где на высоте примерно девяти тысяч футов располагалась столица страны — Мехико.

Полотно дороги скользило по узким карнизам над ущельями, ныряло в гулкие тоннели и снова сверкающими на солнце петлями вползало вверх по склонам гор. Магистраль, одно из наиболее сложных и эффектных достижений мирового железнодорожного строительства тех лет, была гордостью Мексики.

На остановках к поезду подходили индейцы. Они робко предлагали пассажирам домотканые юбки и шали, молоко в глиняных горшках, кукурузные лепешки. Марти поражало смирение, написанное на темных лицах. Казалось, столетия рабства зачеркнули все чувства, все мысли этих полуодетых людей, оставив им лишь покорность.

На одном из безымянных разъездов белый пассажир ударил ногой старую индеанку — в одной из ее лепешек оказался крохотный кусочек угля. Индеанка охнула и упала, лепешки

посыпались в пыль. Никто из ее односельчан не бросился на обидчика, не оттолкнул его, не закричал, но глаза у темнокожих людей сверкнули ненавистью, и Марти понял, что за неподвижной отрешенностью индейских лиц живут и прячутся до поры гордость и ненависть.

Вокзал Буэнависта[23], железнодорожные ворота столицы Мексики, никак не оправдывал своего названия. По обе стороны железнодорожных путей стояло несколько одноэтажных, плохо выбеленных зданий. В поросших жесткой травой тупиках виднелись поржавевшие ряды запасных колесных пар, между которыми бродили задумчивые куры. Когда паровозный гудок разрывал душную тишину, куры бросались врассыпную.

Марти встречали. Стоя на высокой подножке вагона, он издалека увидел седую голову отца. Рядом с доном Мариано переступал с ноги на ногу незнакомый молодой человек.

Пепе радостно помахал рукой. Но ответный взмах дона Мариано был как-то вял и неуверен. И тут Марти заметил, что и отец и молодой человек с ним рядом одеты во все черное.

У Марти сжалось сердце. Он сразу вспомнил последние, полученные уже в Париже письма доньи Леоноры, где говорилось о болезни сестры Анны. Неужели… Когда дон Мариано обнял сына, Пепе почувствовал, как дрожат его руки.

Высвободившись из отцовских объятий, он быстро обернулся к стоявшему рядом молодому человеку.

— Хосе Марти, лиценциат.

— Мануэль Меркадо, сенатор. Я счастлив видеть вас в Мехико…

А, так это Меркадо! У него открытое и симпатичное лицо. До сих пор их знакомство было заочным — о Меркадо и его друзьях много писала в Испанию Анна..

— Как Анна, отец?

Дон Мариано опустил голову. Марти взглянул на Меркадо. Тот тоже смотрел в землю…

Семья Марти занимала три низкие комнаты в большом доме на улице Монеда. Дон Мариано, хотя ему было уже шестьдесят, по-прежнему брался за любую работу. Антония, Кармен и Амелия помогали матери, которая не выпускала из рук иголку, сидя в кресле среди разбросанных по полу лоскутов. Донье Леоноре приходилось, пожалуй, труднее всех. Ее глаза давно туманились от слез и шитья, а в последние годы видели совсем плохо, и теперь, целуя голову сына, припавшего к ее груди, она торопливо и легко касалась пальцами его лба, щек, волос, плеч, веря и не веря, что Пепе, наконец, снова с ней. Хвала деве Марии, мальчик жив и здоров, у него даже усы, совсем как у отца в молодости…

Наутро на могилу Анны легли букеты белых роз. Молодой художник Мануэль Окарранса, жених Анны, и ее брат опустились на колени рядом.

У ворот кладбища в большом открытом экипаже их ждал Мануэль Меркадо. Молодой сенатор был другом Окаррансы и, когда художник учился в Париже, считал своим долгом всячески помогать семье его невесты. Однако основанные на чувстве долга отношения очень скоро сменились настоящей дружбой. Беды и горести горстки кубинцев стали для Меркадо его собственными бедами и горестями.

Встреча с Меркадо решила судьбу Марти. Квартира сенатора была постоянно заполнена политиками и поэтами, газетчиками и художниками. Меркадо представил им своего нового друга, и Марти узнал почти весь либеральный Мехико. Друзья Меркадо помогли ему разобраться в сложной мексиканской действительности 1875 года, когда президент Себастьян Лердо де Техада, наследник «маленького индейца» Бенито Хуареса, пытался обеспечить обещанные конституцией 1857 года буржуазные свободы, ограничить зловещую власть церкви, остановить экономическую экспансию янки. Лердо категорически возражал против строительства американских железных дорог от северной границы Мексики к районам ее богатых рудных месторождений. «Чтобы Мексика осталась независимой, — говорил Лердо, — между силой и слабостью должна лежать пустыня».

После первых, заполненных рассказами о пережитом дней наступило время напряженного труда. Меркадо рекомендовал Марти в редакции «Эль Федералиста», и кубинец написал для этой газеты несколько маленьких статей. Но по-настоящему его карьера журналиста началась в тот счастливый день, когда Меркадо привел своего нового друга в дом № 13 по улице Сан-Франсиско, где помещалась редакция газеты «Ла Ревиста Универсаль де Политика, Литература и Комерсио».

Едва переступив порог редакции, Марти попал в объятия дона Педро Сантасильи. Они не были прежде знакомы друг с другом, но для экспансивного и громогласного дона Педро это не имело значения. Ему было вполне достаточно, что Марти был кубинец-патриотом. Сам Сантасилья также родился на Кубе, но обосновался в Мексике, женившись на дочери президента Хуареса. Теперь Сантасилья играл видную роль в газете, которая была рупором правительства.

Сантасилья представил Марти директору и владельцу «Ла Ревиста Универсаль» полковнику Хосе

Вильяде. Молодой борец за свободу в числе авторов его

газеты — совсем неплохо, решил Вильяда. Если к тому же он проявит хоть треть обещанного сенатором Меркадо таланта, это будет великолепно.

Вильяда давно хотел издать на испанском языке несколько произведений Виктора Гюго.

— Мне кажется, сеньор Марти, что я могу поручить вам часть этой работы, — скажем, «Мои сыновья», — сказал как-то Вильяда юноше. — Вы ведь, кажется, тоже романтик?

Перевод удался.

— Твой текст звучит не слабее подлинника, мой мальчик! — шумел Сантасилья. — Как я завидую тебе! Это так прекрасно — всецело отдаться во власть волшебного слова!

— Слово, уважаемый дон Педро, не должно властвовать безраздельно, — негромко возразил Марти. — Оно само должно быть оружием.

— Вы правы, Марти, — поддержал его небрежно одетый человек, которого вся редакция, от мальчишки-посыльного до самого Вильяды, почтительно звала «маэстро». — Слово — это оружие. И, клянусь, вам оно еще много раз пригодится.

Это был Гильермо Прието, бывший секретарь Хуареса. Консервативная оппозиция как огня боялась его статей и памфлетов.

Марти поздравил и член парламента Игнасио Рамирес, ярый либерал, прозванный «мексиканским Вольтером» за обширные знания, злоязычность и остроумие.

— Я рад не только вашему успеху, мой дорогой, — сказал Рамирес, отечески похлопывая Пепе по плечу, — но и тому, как много этот успех значит для будущего Мексики.

— Перестань шутить, Рамирес, — вмешался Игнасио Альтамирано. — Мы все здесь рады, что вы с нами, Марти,

Сердце гулко билось в груди Пепе. Его хвалили люди, стоявшие у колыбели Мексиканской республики! Когда ему было всего четыре года, Рамирес уже провозглашал лозунг: «Долой богачей, борющихся против свободы совести!» А Игнасио Альтамирано? Разве не он был самым блестящим либеральным оратором конгресса еще пятнадцать лет тому назад? Разве не он, потомок жалких неграмотных индейцев, стал лучшим мексиканским поэтом и новеллистом?

«Мы все здесь рады, что вы с нами, Марти…»

Стремительной чередой полетели дни. Имя кубинского эмигранта стало все чаще появляться под важными статьями на страницах «Ла Ревиста Универсаль».

«Нет ничего лучше, чем делать добро. Больше чем за что-либо, люди воздадут потом именно за это».

«Интересы, рождаемые частной собственностью, должны уважаться в такой степени, чтобы их сохранение не вредило всему обществу».

«…Экономика является не чем иным, как совокупностью решений различных конфликтов между трудом и богатством. Эта наука не имеет постоянных законов, ее законы должны быть и являются, в сущности, постоянно изменяющимися».

«Благополучие многих предпочтительнее, чем богатство некоторых».

«Свобода — это не удовольствие. Это долг бороться за свободу других».

Глава III
ЕГО БОЛЬШАЯ РОДИНА

ЗА КУБУ В МЕКСИКЕ

— Марти — лучшая кандидатура, — задумчиво сказал Гильермо Прието сидевшему у наборной кассы Альтамирано.

— Да, пожалуй, — отозвался тот. — Этот парень вулкан и водопад сразу.

У Вильяды не было возражений. В канун 5 мая, годовщины победы мексиканцев над французскими интервентами, полковник официально предложил Марти стать одним из редакторов «Ла Ревиста Универсаль». Хосе согласился с радостью.

Теперь его имя встречалось на газетных полосах все чаще, он смог сшить себе вечерний костюм и перевез всю семью в новое, более светлое и сухое жилище. В «Ла Ревиста Универсаль» он один делал, быть может, больше, чем все остальные сотрудники. Из-под его пера выходили «Театральные обозрения», «Парламентские репортажи», подборки самых разных новостей под названием «Эхо со всех сторон». Он написал сотни статей и заметок, опубликованных без подписи, а под самыми важными ставил псевдоним.

Он постоянно думал о Кубе и постоянно был готов к борьбе за нее. Он сумел заслужить доверие людей, которые, не называя своих имен, передавали ему объемистые пачки старых журналов. Марти знал, что среди кучи ненужной бумаги спрятан небольшой листок — свежий номер газеты «Свободный кубинец», выпущенный где-то в Орьенте.

«Передо мной лежит, — и в ее чтение я вкладываю всю свою душу, — одна из газет, публикуемых в лагере революционеров на Кубе, — писал он в одном из летних номеров «Ла Ревиста Универсаль». — Позор тем, кто не с революцией!»

Марти развернул в поддержку Кубы целую кампанию, и многие столичные издания приветствовали «неоценимого писателя, который настойчиво продолжает публиковать статьи по кубинскому вопросу».

Однако собственные дела не давали мексиканцам осознать всю серьезность проблемы Кубы. Полемика между либералами и консервативной оппозицией росла, заслоняя собой все и предвещая близкую бурю. Озабоченный Вильяда все чаще отмахивался от статей на кубинские темы. Даже Меркадо, верный и любимый Меркадо, советовал Пепе писать лучше о театральных премьерах.

К счастью, в городе были люди, для которых судьба Кубы никогда не отходила на второй план. Энергичный медик Николас

Кован и тонкий поэт Альфредо Торроэлья — гаванцы, спасавшиеся в Мексике от испанского «правосудия», — стали верными друзьями Марти по борьбе.

Едва закончив дела в редакции, Хосе спешил теперь к Торроэлье. Они обсуждали победы и неудачи повстанцев, способы материальной помощи сражающейся республике, вспоминали родные места. Худой, с землистым лицом, Торроэлья хрипло читал новые стихи:

О, я знаю, наступят рассветы свободы
В алых отблесках пролитой крови…

Он замолкал, когда приходил дон Николас Аскарате, считавшийся как бы старейшиной мятежных кубинцев в Мехико. Марти помнил его еще по «Сан-Пабло», когда известный гаванский адвокат Аскарате проходил мимо почтительно расступавшихся учеников в кабинет своего друга Мендиве.

Испанцы не простили Аскарате его кампаний против рабства, хотя адвокат и слыл сторонником постепенных реформ. Бросив богатую практику на острове, Аскарате оказался в Мехико и долго не мог соразмерить привычные аристократические замашки с жалованьем клерка нотариальной конторы.

Разница в возрасте не мешала Марти и Аскарате. Их беседы обычно начинались с воспоминаний.

— Только кубинец может понять кубинца, когда тот говорит о Кубе, — вздыхал Аскарате.

— Вы правы, дон Николас, тысячу раз правы, — отвечал Хосе. — Мы видели много горя на родине, но ведь даже пески пустыни плохи до тех пор, пока им не скажешь «прощай».

Впрочем, их единство тут же и кончалось — ведь после этого традиционного начала разворачивалась дискуссия: реформы или война. Прохожие с удивлением оборачивались: старик и юноша почти кричали друг на друга.

Рассерженные, они расходились по домам, но на следующий день их снова видели вместе.

Нередко к ним присоединялся Торроэлья.

— Мы ищем свободы, мечтаем о ней, — с тоской в глазах говорил он. — Но как мы сражаемся за нее? На бумаге? Кому здесь нужны мои стихи? Кто из кубинцев читает твои статьи, Пепе? Разве этого ждет от нас родина? У меня опускаются руки…

— Пока нужно бороться здесь, — отвечал другу Марти. — Разве подлинное счастье и свобода Кубы возможны без свободы и счастья Мексики?

Летом 1875 года в дневник Марти, легли решительные строки: «Я посвящаю себя неотложному изучению, пробуждению и обновлению Америки».

Такую задачу мог поставить себе только гигант. И хотя Марти, конечно, гигантом себя не считал, он уже становился им.

Отныне он пишет: «наши проблемы, наша политика, наш театр». Он пишет «народ», а не «народы», имея в виду всю Испанскую Америку. И так отныне он будет писать всегда, до печального рассвета у Дос Риоса, до самого конца.

Огромная, небывалая задача, словно океанский вал, подняла Марти над привычной маломерностью повседневных дел. В его статьях появилась новая, для многих неожиданная глубина. Все попадало в круг его интересов, и в каждом событии он стремился уловить общую для его Америки причину, следствие, закономерность.

В новом свете виделась ему теперь и экономическая отсталость — общая для стран его Америки; и недостаточность образования — опять-таки общая для всего континента; и судьба тех, кто составлял подлинное содержание слова «народ», — судьба кубинцев и мексиканцев, гватемальцев и венесуэльцев.

Он, ратовавший прежде за выпуск занимательного «Эха со всех сторон», теперь дрался за каждую «слишком серьезную» статью.

— Людей волнуют не только грабежи и пожары, — говорил он Вильяде. — Нужно, чтобы печать освещала большие, коренные проблемы, боролась с общественным злом, объясняла, указывала, агитировала. Вот прочтите. Эта статья посвящена трагедии Анатуангина…

Вильяда хмурился, слушая кубинца, но в глубине души соглашался с ним. Церковники то и дело поднимали мятежи против республики в отсталых северных районах страны. Они разорили городок Анатуангин, поддерживавший правительство, и Марти правильно назвал это преступление лишь одним звеном в длинной цепи. Однако не слишком ли резок Марти, не осложнят ли и без того нелегкую ситуацию его строки: «Они укрываются в тени благочестия, прячут в тени сутаны восторженную улыбку молчаливых уст, улыбку, вызванную деяниями злодеев. Отсветы пожарищ Анатуангина освещают их лица»?

И все же Вильяда напечатал статью, в которой Марти требовал, чтобы правительство республики жестоко покарало убийц, прикрывавшихся именем Христа. Он напечатал и многие другие статьи, где Марти призывал мексиканских либералов последовательно проводить четкий курс на упрочение и процветание республики, поднимал важные не только для

Мексики проблемы.

Одной из таких проблем была судьба индейцев. С горечью писал Марти, что эти люди напоминают ему поломанные ирисы. С содроганием смотрел он, как целуют руки торгашам и святошам потомки мастеров и мудрецов, задолго до прибытия испанских каравелл имевших самый точный в мире календарь и грандиознейшие в мире сооружения.

И, требуя «внимания к каждому», Марти писал: «Почему наши братья индейцы бредут босиком по каменистым дорогам, спят на земле, не могут учиться, не знают врачей? Почему в их домах нет зерна? Америка не пойдет вперед, пока не научится ходить индеец!»

Марти правильно понимал, что гарантия политической независимости любой страны — в процветании ее народного хозяйства. «Следует выступить в защиту такого сельского хозяйства, которое в достатке смогло бы дать людям все те продукты, которые дарит земля. Ради роскоши для немногих Мексика не должна отдавать заморским державам то, что нужно ее народу. Мы должны убедить страну, что, только любовно и старательно развивая все отрасли экономики, только умело и выгодно торгуя, она сможет достичь процветания, ради которого погибли в боях тысячи ее благородных сынов!»

Ничто не могло столкнуть его с пути борьбы, — = сражаясь за счастье Мексики, он сражался за счастье всей своей Америки, а значит, и за счастье Кубы.

10 октября 1875 года «Ла Ревиста Универсаль» отдала должное борьбе кубинцев. Номер открывался большой статьей.

«День победы не так уж далек. Ради чести всей Америки Куба должна сбросить гнет угнетения, стереть это позорное пятно. Наша газета посылает чувства горячей симпатии всем кубинцам, которые героически сражаются с врагом как в битвах на родной земле, так и в интеллектуальной борьбе, вдали от родины, переживая горькую тоску о ней».

В тот же вечер, примерно в один и тот же час, этот номер читали два пожилых человека.

Один читал вслух, так как его супруга уже не различала даже крупных букв. Прочитав все, человек сказал:

— Я всегда знал, что мальчик будет честным и смелым.

— О святая Мария! — вздохнула его жена. — Я так волнуюсь за него. Он слишком честен для этой жизни.

Другой пожилой человек просмотрел газету привычно быстро и молча. Потом с оттенком неудовольствия он сказал стоявшему у камина секретарю:

— Если дать Марти волю, он будет заполнять своими

гимнами все полосы. Я симпатизирую делу Кубы, это известно, однако…

— Прикажете вызвать полковника Вильяду, сеньор президент?

— Нет, зачем же? Наша печать свободна. Ей следует лишь помнить, что у Мексики много своих проблем.

Вильяда не был вызван к президенту. Но правительственные газеты все чаще стали называть кубинца лириком, взявшимся не за свое дело политика и экономиста. Марти не опускался до вульгарных пререканий. Он знал: борьба не бывает безболезненной.

— Критика, — по-прежнему мягко говорил он друзьям, — это экзамен, который не подлежит ни осуждению, ни цензуре.

Однажды в кафе отеля «Итурбиде» два подвыпивших господина в вечерних костюмах стали упрекать Марти в излишне резком, простом, а следовательно, и «обесцененном» стиле его статей.

— Разве не вы, сеньор кубинец, обещали писать со всеми изящными оборотами испанского языка? — наперебой кричали они. — Разве не вы говорили, что навечно благодарны Испании за вложенную в вас культуру? Как же тогда понять вашу нелюбовь к ней?

— Скандала не будет, — спокойно сказал Хосе старавшемуся удержать его Аскарате. — Два слова, не больше.

Он встал, и кафе притихло.

— Сеньоры, я пишу просто, потому что есть закон: туманным стилем пишут не имеющие внутренней ясности духа.

Да, Испания дала нам прекрасный язык, но она не может пожаловаться, что мы его испортили. Более того, подлинную чистоту кастельяно сейчас нужно искать не в Испании, где его губит убогая атмосфера мадридского общества, а у скромных юношей и девушек центральной Америки.

Что же до моей нелюбви к Испании — я ненавижу Испанию генералов, грандов, продажных чиновников и богачей, угнетающих мою родину. И я люблю испанский народ, который неповинен в этом угнетении и не хочет его. Я люблю испанский народ и его культуру, которую я жадно впитывал еще в детстве и которую ставлю очень высоко, недосягаемо высоко для вас, сеньоры.

У вас есть еще вопросы? Я готов ответить!

Марти все больше чувствовал перемену климата. Даже Вильяда стал не тот. Да и как мог полковник не охладеть к молодому редактору, если кубинец критиковал уже не только спевшуюся с духовенством оппозицию, но и самого Лердо за

очевидную медлительность в решении важнейших проблем!

30 ноября, взяв еще сырую газету, где был напечатан его последний политический обзор, Марти медленно вышел на площадь Гуардиола. Мануэль Меркадо ждал его.

— Что же ты так долго, Хосе! — с упреком сказал он. — Я хотел познакомить тебя с такой очаровательной кубинкой.

— Быть может, еще не поздно?

— Но мой друг Рамон Гусман уже ушел, а без него мы не можем явиться в дом ее отца, дона Франсиско Сайяса Басана! Ни ты, ни я никого там не знаем!

НА ЛЮБОВЬ ОТВЕЧАЮТ ЛЮБОВЬЮ

Примерно два раза в неделю Марти старался пораньше закончить все дела и отправлялся в театр. Он не испытывал особых привязанностей к той или иной труппе, пока Аскарате не познакомил его с режиссером, по имени Энрике Гуасп де Перес, необыкновенно симпатичным человеком с интересной судьбой.

Чистокровный идальго, Гуасп попал на Кубу незадолго до «Клича Яры» в качестве адъютанта генерал-капитана Лерсунди. Но война нравилась ему не больше чем пожар в театре, и, сумев отличиться лишь неизменным участием в любительских спектаклях, он подал в отставку и покинул неспокойный остров.

Чем ближе узнавал Марти Гуаспа, тем больше нравился ему этот талантливый человек. Однако чем чаще ходил он на спектакли его труппы в театре «Принсипаль», тем больше росло недоумение. Спектакли были, как говорил Аскарате, зеленью без цветов.

— Это оттого, Пепе, — сказал как-то Гуасп, — что у меня нет денег. Попробуй накормить труппу и одновременно купить у автора хорошую пьесу! Нет, сейчас не те времена и не те цены…

Марти решил помочь Гуаспу. На страницах «Ла Ревиста Универсаль» он потребовал от правительства субсидий «труппе, стремящейся к созданию подлинно национального мексиканского театра».

Субсидии были представлены поздней осенью.

Авторы зачастили в «Принсипаль», но Гуасп беспощадно браковал их труды и шумно жаловался на бездарность столичных сочинителей. Он хотел, чтобы пьесу для его труппы написал Марти.

Рукопись была готова, когда Гуасп уже потерял надежду ее получить. Актеры отрепетировали молниеносно. Премьера лирической комедии под названием «На любовь отвечают любовью» состоялась 19 декабря.

Вскоре Марти выступил в «Ла Ревиста Универсаль» с большой статьей. Он писал, что пришло время театра народа и для народа, театра, который мог бы формировать самосознание нации.

Он мечтал о создании обширного героического и драматического репертуара, несущего идеи независимости. Он хотел организовать для этого специальное литературное общество «Аларкон», но… судьба решила иначе.

8 января 1876 года Марти долго не давало уснуть экстренное сообщение: «Розенкранц заявил, что даст 3 миллиона песо тому,

кто свергнет нынешнее мексиканское правительство.

Именно этого железнодорожного магната прежде всего ущемил Лердо своим отказом строить дорогу из Соединенных Штатов в Мехико. Хосе зажег лампу, взял дневник: «О Мексика любимая! Я вижу: с севера грозит тебе алчный сосед. Я бы умер, о Мексика, защищая и любя тебя. А если твои руки ослабнут и ты не выполнишь достойно свой континентальный долг, я и мертвый буду плакать под землей слезами, тяжелыми, как пули».

Едва начался день, он помчался на площадь Гуардиола. Вильяда, сухой и недоступный последнее время, первый протянул ему руку.

«Мы должны заявить прямо и непреклонно: долой североамериканский цезаризм! — прочли вскоре в «Ла Ревиста Универсаль» жители Мехико. — Именно странам, говорящим на испанском языке, предстоит снова открыть этот континент для достойной человека жизни!»

Меркадо был взбешен. Разве Марти, познакомившийся, наконец, с сеньоритой Кармен Сейяс Басан, той самой красавицей кубинкой из Камагуэя, в дом которой когда-то должен был привести их Рамон Гусман, не говорил о своем намерении жениться и зажить спокойной семейной жизнью? И вот, когда ему, Меркадо, ценою невероятных трудов удалось добиться для Марти — иностранца и, более того, бежавшего из ссылки кубинца! — почетного поста секретаря правительства штата Пуэбла, этот человек предпочитает оставаться в Мехико, писать статьи, наживая могущественнейших врагов среди оппозиционеров и за рубежом! Неужели Хосе не понимает, чем это грозит? Ведь того и гляди все пойдет вверх дном.

У Меркадо были основания для опасений. Оппозиция президенту Лердо перешла в наступление. Ее разноперые отряды, возглавляемые генералом Порфирио Диасом, получали оружие на территории «великого северного соседа» Мексики. Переправившись через Рио-Браво, они превращались в «Армию революции».

Однако верные правительству Лердо войска оказались сильнее, и Диас бежал, переодевшись в белый халат американского хирурга. В Мехико снова стало спокойно. В Мехико — но не в жизни Хосе Марти.

Поздним вечером в его дом постучал запыхавшийся посыльный из «Ла Ревиста Универсаль».

— Сеньор Марти, вас спрашивают какие-то всадники…

У входа в редакцию, прямо на плитах тротуара, сидели шесть человек. Их кони были привязаны к тополям на площади. По всему было видно, что всадники проделали дальний путь. Их

белые панталоны были в грязи, и яркие краски домотканых сарапе[24] заметно потускнели от дорожной пыли.

Увидев Марти, шестеро вскочили на ноги. Плечистый метис с сабельным шрамом через лицо выступил вперед.

— Добрый вечер, сеньор Марти! Простите нас за непристойный вид и за то, что мы расселись здесь. Но уже несколько дней мы не знаем отдыха. Мы очень торопились сюда, в Мехико.

— Добрый вечер, друзья. Откуда вы?

— С севера, из штата Чиуауа. Мы приехали на рабочий конгресс.

Метис вынул из кармана завернутый в кукурузные листья номер «Ла Ревиста Универсаль»:

— Вот здесь, сеньор Марти, вы пишете, что благополучие многих предпочтительнее богатства некоторых. Мы читали и другие ваши статьи и видим, что вы честный человек. Мы сами не умеем хорошо говорить и писать. Мы просим вас быть нашим делегатом на конгрессе, делегатом от рабочих штата Чиуауа. Не откажите нам, сеньор.

Метис ночевал у Марти. Они проговорили до рассвета.

— Я сам из Парраля, — рассказывал метис. — Вокруг нашего городка пастбища да рудники. И те и другие принадлежат богачам, которые не считают нас за людей.

Когда мы возмущаемся, священник, наградивший брюхом не одну девчонку в округе, читает нам проповеди. Тот, кто не хочет работать, говорит он, будет мучиться в аду. Мы говорим ему, что хотим работать, но не даром, и тогда он начинает кричать, что господь будет оскорблен нашей дерзостью…

Марти не мог спокойно слушать метиса. Он встал, подошел к окну, представил себе Парраль — основанный испанцами городишко с островерхими церквами. Потом он подумал, что все его трудности и мучения ничто по сравнению с мучениями тех, кто пытается прожить, обрабатывая клочок бесплодной земли или ставя клеймо на бесчисленных полудиких быках богача хозяина, который сорит деньгами где-нибудь в Париже. Народ несчастен, потому что не получил обещанной земли, несмотря на «реформу»; поля и пастбища, отобранные когда-то у индейцев церковью и конкистадорами, теперь перешли в руки генералов, политиков и дельцов.

За окном начинало светлеть. Марти обернулся. Метис неподвижно сидел на стуле, словно высеченный из обсидиана великан. Его глаза были закрыты. Он спал.

Марти задумался снова. Из одиннадцати миллионов мексиканцев несчастны десять миллионов. Что даст им конгресс,

вдруг созванный плохо организованными еще рабочими? Впрочем, это только первый шаг. К тому же шаг, который сделан на глазах у всех.

Да, несомненно, стачки горняков на шахтах Пенсильвании оказали влияние и на рудокопов Чиуауа. Североамериканские рабочие боролись два года — и 1874-й и 1875-й. А результат? Десять казненных, десятки в тюрьме. Что-то ждет их мексиканских братьев?..

Через несколько дней в низком зале окраинного кабачка собрались делегаты первого рабочего конгресса в истории Мексики. Лица собравшихся были серьезны, и в глазах горела страсть, какой Марти никогда не видел у лощеных депутатов федерального сената.

Когда выступили ораторы от южных штатов и Мехико, метис поднял руку.

— Компаньерос, меня прислали рудокопы Парраля, — негромко сказал он. — Мы уже просто не можем жить. Двадцать лет назад наших братьев продавали в рабство по двадцать пять песо. Теперь порядок изменился. Мы сами продаем себя хозяину.

Я не знаю, что еще сказать. Если здесь, на конгрессе, мы решим сломать рудники, я первый пойду и сделаю то, что нужно. Мы должны бороться, это ясно.

Я прошу, компаньерос, пусть скажет ученый сеньор Марти. Он с Кубы, где сейчас война за республику. Он был на каторге и знает, что к чему.

— Уважаемые сеньоры организаторы и делегаты конгресса! — привычно начал Марти. И тут же остановился. Здесь ждали не такого начала. — Друзья! — решительно сказал он, и причесанные, как на праздник, головы одобрительно закивали.

Друзья! Пусть вас не удивляет, что я, кубинец, решился выступить как делегат мексиканцев. Человеческая совесть не является достоянием одного какого-то народа, у нее гражданство вселенной.

Я знаю, вы собрались, чтоб обсудить пути продуманной, разумной борьбы. Что же, в борьбе за правду и справедливость нет противодействия законам, а правда лучше видна бедному и тому, кто страдал.

Эта борьба потребует от вас героизма. Но у простых людей, более чем у кого-либо другого, более чем у тех, кто по воле обстоятельств получает большие деньги и громкие имена, есть великолепная способность посвящать себя героическому. Требуйте достойной человека платы за ваш честный труд! Требуйте новых школ и земли для всех! И пусть каждый из нас тем самым заботится о благе других, ибо это и есть лучшая форма

собственного блага.

Не говорите мне, что сегодня вас мало, что вы и ваши братья разрознены. Все в мире начинается со слабости, растет в страданиях, но, выжив, завершается расцветом. Упорство создает людей, обладающих всем.

Простой камень становится драгоценным после десятков жестоких ударов, придающих ему нужную форму. Путь к лучшей жизни тоже принесет вам удары, но в них родятся братство и счастье всех людей. Так объединимся же во имя этого и победим!..

Он еще долго потом вспоминал, как взметнулась пыль под копытами коней, умчавших на далекий север шестерых из штата Чиуауа. И на всю жизнь он запомнил метиса со шрамом через лицо. Не из-за этого страшного шрама, полученного в боях с французами, нет. Из-за слов:

— Спасибо, брат. Ты сказал за всех нас. Придет время, и мы победим.

Конец весны принес с собой болезнь. Грыжа, полученная в «Сан-Ласаро», снова дала о себе знать. Каждый шаг стоил Марти огромных усилий.

Кармен навестила его, и донья Леонора, не отходившая от постели сына, вдруг вспомнила о целой куче неотложных дел.

— Почему ты грустишь, Пепе, что беспокоит тебя? — спрашивала Кармен, нежно гладя тонкие пальцы Марти.

И вздыхала с недоумением и обидой, услышав:

— Пусть простит меня бог, дорогая, но из-за сладкого рабства любви я не делаю ничего для Кубы…

Франсиско Сайяс Басан, напротив, считал, что молодой Марти делает для Кубы слишком много. Разворачивая газеты и до и после болезни юноши, дон Франсиско первым делом искал на страницах его имя. Если оно стояло под отзывом о театральной премьере или отчетом о дебатах в конгрессе, дон Франсиско одобрительно оттопыривал губу, поправлял очки и прочитывал все до последней строчки.

Но если Марти писал о Кубе, почтенный плантатор врывался к дочери:

— Скажи своему кавалеру, девчонка, чтоб он кончил эти штучки! Ты думаешь, я не вижу, что он хочет на тебе жениться? Я не против, он мне нравится, но если он будет писать всякую ерунду, испанцы и после войны не позволят нам вернуться на остров!

Кармен опускала голову. Она-то знала, что Пепе будет писать о Кубе столько, сколько даст ему места в «Ла Ревиста Универсаль» ставший очень несговорчивым полковник Вильяда.

Положение в Мексике снова становилось тревожным. Порфирио Диас снова собрал отряды, и над правительством либералов нависла реальная угроза.

Марти призывал Лердо к спокойным и обдуманным шагам:

«Вы должны предугадывать, предусматривать и создавать во имя свободы. Вы должны овладеть искусством, которое называется — бытие американского либерала».

Но Лердо было не до искусства. Мятежники рвались к столице, и никто уже не верил успокаивающим правительственным манифестам.

1876 год подходил к концу под гром новеньких американских пушек «Армии революции». На сторону Диаса перешел даже председатель верховного суда Иглесиас — второе лицо республики. 21 ноября Лердо бежал. Под звон колоколов Диас вступил в Мехико, чтобы отныне единолично править страной тридцать четыре года — больше, чем любой другой диктатор в Латинской Америке.

Политический водоворот поднял на гребень волны любителей расправ и реквизиций. Нагло зазвучали их голоса, требовавшие покончить с «предателями народа» и устроить «Варфоломеевскую ночь» защитникам сбежавшего президента.

Друзья настойчиво просили Марти скрыться. Слишком много угроз раздавалось в адрес «горластого кубинца». Ранним утром 24 ноября Хосе переселился в квартиру Домингеса Кована.

У Кована его посетил Мануэль Гутьеррес Нахера, Они встречались и раньше и знали друг друга, как знают собратьев поэты, живущие в одном городе.

— Я не понимаю тебя, Марти, — говорил Нахера. — Ты мог бы стать певцом новой эпохи…

— Я не хочу даже думать об этом, Нахера.

— Дорогой Марти, зачем думать? Еще француз Малларме говорил, что стихи создаются из слов, а не из мыслей!

— Что же, быть может, стихи и можно сделать из величественных слов — ведь кирпичам безразлично, что из них строят, тюрьму или школу. Но поэзия создается только из мыслей. Я думаю, что уеду из Мексики…

Марти обсудил план отъезда с Кармен: он поедет в Гавану под чужим именем, познакомится с обстановкой, а оттуда отправится в либеральную Гватемалу, расцветающую страну, где они смогут устроить свой семейный очаг, избежав гнетущей атмосферы диктатуры. Кармен обещала ждать.

Но в глубине души Марти не был уверен, что, попав на Кубу, покинет ее. Он знал, что использует любую возможность уйти к

повстанцам. И, чувствуя себя не вправе покинуть Мексику, не высказав вслух всего, что накипело у него в груди за последние месяцы, он написал статью под названием «Жребий брошен».

«Необходима еще одна революция, но не та, которая лишь делает президентом своего вожака. Нужна революция, направленная против всех переворотов; восстание всех миролюбивых людей, которые единожды станут солдатами для того, чтобы ни им и никому другому никогда больше не приходилось браться за оружие…»

С помощью Торроэльи ему удалось напечатать статью в «Эль Федералиста», одной из немногих газет времен Лердо, продолжавших выходить при новом режиме. Сразу после рождества он выехал из столицы на побережье.

Как и два года назад, в Вера-Крусе было жарко, рубашка прилипала к мокрой спине. Рыбачьи сети блестели на солнце серебряной паутиной. Все было, как прежде, и вместе с тем совсем не так, ибо сам Марти был другим.

2 января 1877 года он поднялся на борт парохода «Эбро» с паспортом, где стояло имя: «Хулио Перес». Он не хотел другого имени, хотя друзья упрекали его в легкомыслии. Он отвечал, что даже в такой ситуации следует лгать как можно меньше. Он был еще очень молод.

РАЗОЧАРОВАНИЯ И НАДЕЖДЫ, ПОБЕДЫ И ГОРЕСТИ

В Гаване он нашел приют под крышей печально знакомого дома Домингесов на улице Индустриа и в первый же вечер заспорил о будущем с доном Эусебио, отцом Фермина.

Адвокат Домингес устал от войны с испанцами. Его сыновья, еле уцелевшие в дни репрессий, теперь разлетелись по свету, и собрать их, как думал старик, могли только мир и амнистия, на которую намекал новый генерал-капитан, «миротворец» Мартинес Кампос.

— Мы добьемся большего, Пепе, — говорил юноше адвокат, — если попытаемся спокойно договориться с Мадридом…

Тем не менее он помог найти нескольких уцелевших друзей, и Марти целыми днями стал пропадать неизвестно где, а ужинать садился усталый и озабоченный.

По официальным сообщениям властей, на острове было спокойно, и лишь в провинции Орьенте действовали «небольшие кучки бандитов». Верить этим сообщениям Марти не хотел. Он видел, что Гавана заполнена солдатами, что оккупанты боятся кубинцев. Но вскоре он понял: борьба уже миновала высшую точку своего развития. Большая часть острова осталась в стороне от войны.

Что мог предпринять Марти? Уйти на восток, чтобы попытаться убедить правительство сражающейся республики решительно двинуть войска на столицу?

Он был уже достаточно опытен и трезв, чтобы понять бесполезность такого поступка.

Тогда, быть может, следовало остаться в Гаване и попытаться поднять восстание горожан? Но кто захочет взяться за оружие? Большинство патриотов сослано, томится в тюрьмах и на каторге. Никаких надежных связей наладить не удалось.

Так что же делать, что делать на девятом году кровопролитной войны, которая не стала победоносной?

Ждать. Ждать и готовиться к новой войне. Ибо туман испанских обещаний и посулы реформистов никогда не заменят подлинную свободу.

И Хулио Перес покинул Кубу 24 февраля 1877 года на пароходе «Сити оф Авана». Он намеревался отправиться в Гватемалу. Денег на дорогу хватало. Тысяча песо, одолженная

добрейшим доном Эусебио, пришлась кстати.

Как странно скрещиваются пути людей на земле, размышлял Марти. Президент Гватемалы дон Хусто Руфино Барриос когда-то учился у старого Домингеса. Барриос не посчитался ни с кем, объявив во всеуслышание, что Гватемала поддерживает стремления кубинских повстанцев.

Впрочем, даже если президент и будет холоден к нему, несмотря на рекомендательные письма своего учителя, помощь окажут эмигранты-кубинцы. Домингес говорил о доне Хосе Мариа Исагирре, который прежде учительствовал в Байямо, а сейчас руководит «Эскуэла нормаль», лучшим учебным заведением республики. Это подлинный патриот.

Воротами Гватемалы считался тогда Ливингстон — поселок метисов в устье реки Дульсе, громко именуемый городом.

О Ливингстоне у Марти остались хорошие впечатления. Жители были добры и приветливы, солнце светило ярко, а попугаи, привязанные за ногу к веткам растущих у хижин деревьев, орали какую-то веселую, бесшабашную чушь. Гватемала встречала кубинца улыбкой.

В утлой лодчонке он отправился вверх по Дульсе, торопливо описывая в дневнике зеленые лесные завесы на берегах, которые, казалось, были «прикреплены к небу и совсем не держались за волны».

От озера Исабаль, заповедника болотной лихорадки, к столице Гватемалы, носившей то же имя, что и сама страна, вели подчас непроходимые тропы.

«Мы отправились в путь, — записал в дневнике Марти, — я, проводник, его жена и пять мулов, которые были сущими дьяволами. Лишь избыток деликатности не позволяет мне назвать в числе дьяволов погонщика и его жену. О, эта женщина!»

Проводник ехал впереди, и кубинец старался не терять из виду его яркую куртку с изображением священной летучей мыши на спине. Индеец не выпускал мачете из рук — с джунглями, поглотившими без остатка даже величественные города майя, шутки были плохи.

На привалах съедали по нескольку лепешек. Потом проводник и его жена отправляли в рот кусочки желтоватой смолы «копал» (той самой, из-за которой спустя всего несколько лет начали драку североамериканские фабриканты жевательной резинки), а Марти записывал: «Мы должны были сидя скользить вниз по камням и двигаться по тропам то среди джунглей, то в облаках пыли. Эта дорога куда больше пригодна для орлов и диких кошек, чем для людей».

Исагирре встретил Марти объятиями, заявив, что еще пять

лет назад, в Нью-Йорке, прочел «Политическую тюрьму на Кубе». Наутро он повел новичка смотреть Гватемалу. Город лежал на плоскогорье, как шахматная доска: проспекты под прямым углом пересекались улицами. В стенах многих зданий виднелись ниши, и оттуда хмуро глядели глиняные и деревянные святые.

— В Гватемале расцветает, как я слышал, новая Америка, — говорил спутнику Марти.

— Пока что ни я, ни другие кубинские эмигранты не в обиде на президента Барриоса. Здешние либералы — тоже, — задумчиво отвечал Исагирре. — Что будет дальше — покажет время…

В 1877 году Гватемала делала первые трудные шаги по дороге прогресса. Свободу принес 1871 год, когда отряды патриотов во главе с либеральным генералом Мигелем Гарсиа Гранадосом вошли в столицу и свергли власть клерикалов. Над Гватемалой подул ветер реформ. Хусто Руфино Барриос, преемник Гранадоса, объединил страну, национализировал имущество церкви, закрыл монастыри и подчинил школы государству.

Еще в Мексике молодой кубинец находил реформы Барриоса «талантливыми и хорошо осуществленными». Приехав в Гватемалу, он сразу же написал президенту, прося аудиенции, и тот быстро ответил, назначив день и час.

Марти вошел в кабинет, пропустив вперед Исагирре. На разбросанных по большому столу бумагах валялся хлыст. На стуле рядом лежали перчатки.

— Прошу простить, — небрежно сказал Барриос, — я только что ездил верхом.

Плотный, с индейским лицом и удивительно быстрыми глазами, он вдруг вплотную подошел к своим гостям и спросил таким тоном, словно не спрашивал, а утверждал:

— В Гватемале любят кубинцев, не так ли, сеньор Исагирре? — И неожиданно сурово, резко добавил — В Гватемале любят всех, кто содействует ее прогрессу.

Аудиенция не затянулась. Барриос произнес еще несколько общих фраз и, не дослушав Марти, который начал говорить о значении либеральных реформ для народа, бросил:

— Да, да, именно в этом направлении усилия моего правительства наиболее эффективны.

Марти, недоумевая, смолк. Он хотел предложить свои услуги, свою посильную помощь в большой и далеко не оконченной работе по национальному возрождению Гватемалы. Но Барриос уже вставал с кресла.

— Я рад, что колония кубинских патриотов в моей стране

пополнилась таким человеком, как вы, сеньор Марти…

Исагирре предупреждал друга о нраве президента. И все же по дороге из дворца Хосе не мог сдержать разочарования. Барриос, либерал, в котором Марти хотел видеть счастливое сочетание всех добродетелей, оказался не похожим на живший в мыслях Марти образ. Кубинец увидел перед собой «сильного человека».

В конце мая Марти начал преподавать в «Эскуэла нормаль» французскую, английскую, итальянскую и немецкую литературу. Спустя некоторое время по просьбе учеников, к которым присоединился Исагирре, он стал читать и курс истории философии. Ему не нужно было призывать к тишине — она сама входила в класс, едва только Марти поднимался на кафедру. Он чувствовал на себе нетерпеливые взгляды и быстро начинал лекцию, понимая, что никогда прежде бросаемые им семена не находили такой благодатной почвы.

В июне он уже мог позволить себе покупку книг. Впервые у него появился дом — две комнаты, снятые в небогатом квартале, где жили кубинские эмигранты. За преподавание истории литературы ему платили шестьдесят песо. Историю философии он читал бесплатно.

Первые недели он почти никуда не ходил по вечерам, просиживая над Платоном и Шеллингом, Спенсером и Гюго. Но потом, когда необходимые знания вновь стали свежи в его памяти, он начал гулять по Авениде Реаль с поэтом кубинцем Хосе Хоакином Пальмой, и тот опытным глазом гватемальского старожила отмечал, что Марти уже знают в столице.

Кубинец интересовал не только обывателей. Прощупать гостя решил сеньор Макаль, министр внутренних дел Гватемалы. К этому времени Марти был в курсе многих событий. Он знал, что церковь не желала примириться с реформами и интриговала против президента, знал, что-среди либералов у Барриоса есть тайные завистники, а среди вельможных консерваторов — явные враги. И кубинец правильно понимал, что неофициальное, любезное и внешне ни к чему не обязывающее письмо сеньора Макаля — предложение точно определить свое место в сложной политической жизни Гватемалы, предложение, на которое отвечать следует со всей серьезностью:

«Я приехал, чтоб отдать то малое, что я знаю, и почерпнуть то многое, чего я еще не знаю.

Я приехал, желая заглушить печаль, порожденную тем, что волей обстоятельств я не могу сражаться на полях моей страны.

Я приехал, чтобы посвятить себя работе, которая будет мне утешением и почетом, и готовить себя для активной борьбы».

Марти положил перо, задумался. Макаль, конечно, знает, почему он покинул и Кубу и Мексику, Но напомнить следует:

«Существует одна великая, общая для всей Америки политика, которой я придерживаюсь, — политика новых доктрин».

Макаль показал этот ответ Барриосу. Президент остался доволен. Марти заявляет о поддержке «новых доктрин»? Что же, он, Барриос, проводит именно эту политику. Каждый, кто хоть чем-то может содействовать развитию новой Гватемалы, — от ремесленника до философа — желанный гость.

И кубинскому юристу и литератору дону Хосе Хулио Марти-и-Пересу было поручено прокорректировать новый свод законов Гватемалы.

Марти с радостью взялся за порученное ему дело.

Он хотел стать настоящим сыном страны, которая была частицей его огромной латиноамериканской родины и доверила ему столь важную работу. И чувство благодарности за это доверие заглушило возникшее после аудиенции у Барриоса чувство настороженности. Но тем не менее он не желал ничего, что выглядело бы высочайшим покровительством, и категорически отказался принять от университета Гватемалы звание лиценциата права без экзамена по действующим национальным кодексам Гватемальской республики.

Ректор университета решил не спорить. Президент благоволит к Марти, кубинцу присвоят звание, даже если он будет только мычать, как теленок. Он хочет такого экзамена? Что ж, пожалуйста.

После нескольких ночей подготовки Марти предстал перед вежливыми экзаменаторами. И пораженные метры услышали не сухое изложение кодекса, а раздумья мыслителя.

— Законы должны охранять человека, — говорил кубинец, — ибо только из величия каждого гражданина создается блеск и величие нации. Новые нации требуют новых законов. Право свободных наций должно быть ясным, должно стоять на защите народа.

История древних цивилизаций дает нам много великолепных примеров, и будущее нашей Америки вообще, как и американской юстиции в частности, кроется в возрождении ее прекрасных национальных форм в духе новой эры исследований и анализа…

Спустя пару недель Марти начал редактировать университетскую газету, а вскоре ректор университета объявил, что по совету президента назначает его профессором истории литературы и истории философии.

Марти помчался к Барриосу. Он протестовал, искренне

считая свои знания недостаточными для такого поста. Барриос ответил коротко:

— Ваши убеждения, сеньор Марти, и ваш талант — вот что нужно сейчас Гватемале.

Все, казалось, подтверждало эти слова. Гватемала жадно впитывала соки революций других народов. Когда члены общества «Эль Порвенир» — цвет гватемальской интеллигенции — собрались в театре «Насьональ», Марти выступил перед ними с чтением романтических стихов.

Слушая своего молодого коллегу, Исагирре не переставал поражаться его образной речи, великолепным жестам, сильному голосу.

«Откуда все это у него в двадцать четыре года? — думал Исагирре. — Каким он будет в тридцать?»

Уже наутро газета «Эль Прогресо» призвала избрать «великолепного кубинца» вице-президентом «Эль Порвенира».

После вечера в театре «Насьональ» и нескольких других собраний за Марти укрепилось прозвище «Доктор Торренте». На русский язык это слово переводится по-разному: и как «гром» и как «водопад».

Однако какое бы значение ни вкладывали в это прозвище прогрессивные гватемальцы, оно выражало восхищение человеком, который звал бороться во имя их Америки.

Но, думая о судьбах континента, Марти, как и в Мексике, не забывал о своей пылающей родине, о Кубе:

Вести с острова приходили все реже и становились противоречивее. Достоверно было одно: повстанцы еще дрались, дрались без поддержки извне, без оружия, питаясь порою только похлебкой из пальмито — мягкой сердцевины пальм.

Подолгу просиживали над картой Кубы Марти, Исагирре и Пальма. Снова и снова вглядывались они в тонкие нити рек и дорог, перечитывали названия городов, рисовали стрелы ударов и контрударов. Но легче не становилось. Сознание бессилия угнетало. Уезжая из Гаваны, Марти решил ждать и накапливать силы. В Гватемале он понял, что ожидание боя может быть хуже смерти в бою.

Душевное смятение усиливали новости с севера. «Нью-Йорк уорлд» сообщала, что «Питсбург полностью во власти людей, одержимых дьявольским духом коммунизма». «Чикаго в руках коммунистов», — била тревогу «Нью-Йорк таймс».

Читая эти строки, Марти вспоминал метиса из Чиуауа. Если забастовку железнодорожников, людей, у которых голодают дети, называют «бандитским заговором», значит обездоленный мексиканский рудокоп тоже бандит? Мир платит за поиски

счастья океанами крови. Неужели это будет продолжаться всегда и всюду?

Хмурясь и негодуя, он отправлялся к Исагирре. Тот брал у него газеты, сжав тонкие губы, читал отчеты репортеров о заявлении миллионера Гульда: «Я могу нанять одну половину рабочего класса и заставить ее убивать другую половину». Как и Марти, Исагирре был противником чрезмерной концентрации богатства, вслед за Марти считал идеалом республику, где каждый чем-то владеет и поэтому счастлив.

Оба они хотели такой республики для Кубы, мечтали и говорили о таком счастье.

Оба они не понимали, что такое классовая борьба, и не видели ее неизбежности.

ЦЕНА ЧЕСТИ

Почти ежедневно Марти писал длинные и пылкие послания Кармен. Каждое ответное письмо было для него событием. Все занимавшие ее новости — моды и рауты, постановки Гуаспа и новые мундиры генералов Диаса — казались ему важными и интересными. Он любил эту красивую и капризную девушку и мечтал о семье и ребенке.

Но до Мехико было далеко, почта шла медленно, с перебоями, и долгими лиловыми вечерами в окна Марти стучалась тоска. Он бежал от нее, принимая все приглашения в дома гватемальских либералов. «Великим спасением» называл он свои вечерние визиты, не думая о том, что сам дает куда больше, чем получает.

Генерал Мигель Гарсиа Гранадос приглашал Марти чаще других, и кубинец ни разу не отложил визита. Он участвовал в спорах гостей, читал новые стихи, помогал организовывать благотворительные лотереи, играл с генералом в шахматы. Но больше всего этого его отвлекали и успокаивали часы, проведенные в белостенном зале, где брали почти невесомые аккорды тонкие пальцы Марии, любимой дочери дона Мигеля.

Однажды он написал в альбом Марии о своих дружеских чувствах. Слезы девушки лучше слов сказали ему, что она мечтает о большем. Он перестал бывать у генерала.

Приближалось 15 сентября — День независимости Гватемалы. Марти получил большой, запечатанный черным сургучом пакет. В углу стоял штамп канцелярии президента. Барриос писал, что в день праздника он был бы рад увидеть на сцене «Насьоналя» пьесу, написанную поэтом, чья родина воюет за свободу.

Марти улыбнулся. Можно подумать, Барриос читает его мысли. Пьеса «Морасан», посвященная знаменитому борцу за свободу[25], уже почти готова. Он перебрал черновики:

«…Как неотвратимо летят шары, пущенные вниз по наклонной плоскости, так идеи, чья верность несомненна, вопреки всем препятствиям доходят до цели… На земле нет другой власти, кроме власти ума человеческого… Свобода — это буйный расцвет, отец которого — самый ласковый из отцов — любовь, а мать — самая щедрая из матерей — мирная жизнь… Эту свободу в Америке должны спасти земли, говорящие на испанском языке…»

Пьеса «Морасан» успешно прошла в канун национального

праздника. Барриос был доволен. Нет, он не ошибся, доверяя молодому Марти. Великий Морасан — вот образец человека, по-которому строит свою жизнь он, Хусто Руфино Барриос. Центральная Америка, объединенная под знаменем либерализма, — ради этой цели стоит бороться[26].

А у Марти уже были новые замыслы. Он должен написать книгу. Именно книгу, а не пьесу — ведь не каждый грамотный может прийти в театр. И он назовет ее не именем одного человека, а именем счастливой земли.

Марти сел к столу и выпрямился лишь с рассветом, когда ласковые солнечные блики рассыпались по дощатому полу. Новую книгу он назвал «Гватемала». «И песни несут славу земле гватемальской, где труд — обычай, добродетель — естество, любовь — традиция, где небо сине и земля плодородна, где женщины красивы, а мужчины добры».

Какой хотел видеть книгу Марти? Своеобразным путеводителем по приютившей его стране? Перечнем духовных и материальных богатств либеральной республики? Гимном «вождю свободы» Барриосу? Ни первым, ни вторым, ни третьим. Главной целью, главным героем книги была несуществующая пока страна, сказочный край, где каждый владеет землей своих предков. И Марти знал точный адрес этой будущей независимой республики независимых людей — его Америка.

День 15 сентября наступил в грохоте петард, веселом гомоне детей и ритмичном поскрипывании карусели на площади. Усталый Марти бродил, наблюдая за праздником. Он с удовольствием чувствовал себя частицей толпы, нестройно растекавшейся к лоткам торговцев, ступенькам церквей и бродячим оркестрам, которые залихватски исполняли на виолах, маримбах[27] и гитарах все что угодно — от севильских серенад до прусских маршей, занесенных в Гватемалу немецкими поселенцами.

Он уже успел отведать обжигающих, сваренных в кукурузных листьях лепешек с начинкой из курятины и свинины, когда на его плечо легла большая рука и густой голос генерала Гранадоса стал выговаривать за то, что он перестал бывать в его доме.

— Приходит такая куча людей, — басил генерал, — все говорят о политике, но никто не может сказать, чего же сегодня хотят либералы Гватемалы…

— Я тоже, пожалуй, не знаю этого.

— Бросьте скромничать, Хосе. Вы всегда говорите то, что думаете, а эти пустомели болтают лишь за

тем, чтобы их услышали мои дочки. Заходите, заходите обязательно, мне привезли матабурро, от которого — ха-ха-ха! —

действительно сдохнет любой осел![28]

— Но, дон Мигель, у меня нет ни часа! Нужно редактировать стихи в «Эль Порвенир», читать лекции. Я должен сделать еще тысячу дел до отъезда в Мексику.

— В Мексику? Это еще зачем?!

— Я еду, чтобы жениться, дон Мигель.

Когда до отъезда Марти оставалось всего две недели, Гватемала была взбудоражена попыткой государственного переворота. Заговорщики ставили своей целью свержение правительства, возврат к власти клерикалов и консерваторов.

Однако Барриоса недаром называли «бесстрашным демоном». С одним хлыстом, даже без адъютанта, он ворвался среди ночи в дом, где заседала хунта заговорщиков, и выгнал растерявшихся политиканов на пустынную ночную улицу. Он сам составил их список — список обреченных — и утром присутствовал на расстреле заговорщиков у стены дома, где они заседали всего несколько часов назад.

Город был потрясен быстротой и жестокостью расправы. Даже некоторые либералы стали поговаривать о деспотизме. Первое впечатление Марти о Барриосе подтверждалось, и кубинец перечитал рукопись «Гватемалы»:

«Президент носит бедное платье и поношенную шляпу. Когда он смотрит, он мыслит. Когда он перестает говорить, он рассуждает сам с собой. Он проницателен, щедр и бесстрашен».

Марти хотел было вычеркнуть этот абзац, но остановился. Разве не такие люди должны стоять у руля его Америки?

Наутро он сел на мула и тронулся в путь. Он загодя написал в Мехико о скором приезде и теперь думал о том, как его письмо обрадовало семью Басан.

Еще бы! Уехавший неизвестно куда жених возвращался за нареченной с профессорским званием, обласканный президентом далекой страны. Все складывается отлично, и Кармен, наверное, покупает шляпку за шляпкой, чтобы очаровать неведомую пока столицу.

В дороге он закончил «Гватемалу» и, уже подъезжая к Мехико, вдруг забеспокоился, опасаясь, что не найдет издателя. Но через несколько минут он забыл об этом. Ему было двадцать четыре года, и он собирался обвенчаться самое позднее через неделю.

Церемония бракосочетания состоялась в пышном храме «Эль Саграрио», что стоит в Мехико, чуть восточнее кафедрального собора.

Газета «Эль Сигло XIX» коротко сообщила о ней в разделе «Свадьбы»: «Вдохновенный поэт Хосе Марти и красавица

сеньорита Кармен Сайяс Басан-и-Идальго вступили в брак в пятницу, 20 декабря». Друзья шумно поздравляли новобрачных, писали стихи в альбом Кармен.

Семья же Марти могла поздравить Хосе только заочно. Примерно месяц назад дон Мариано взял билеты до Гаваны — Антония, как когда-то Анна, все чаще болела в разреженном воздухе мексиканской столицы.

Теперь Марти удерживала в Мексике только рукопись книги, но с помощью Меркадо была решена и эта проблема. Осевший в Мехико гватемалец, сеньор Уриарте, брался отпечатать книгу почти задаром.

Получив рукопись, Уриарте внимательно прочел ее.

— Сеньор Марти! — сказал он затем. — Если мне не изменили глаза, здесь написано: «Впервые мне кажется полезной цепь для того, чтобы связать внутри единого круга все народы моей Америки», И еще: «Разлад — наша гибель».

— Да, сеньор Уриарте, — улыбнулся Марти. — Ваши глаза служат вам верно.

— Что же, — сказал гватемалец. — В таком случае эта книга будет издана бесплатно.

Кармен перенесла путешествие в Гватемалу неожиданно легко, и спустя день после приезда Марти уже шел под руку с женой по Авениде Реаль, с мальчишеской гордостью замечая завистливые взгляды сверстников. Им встретился генерал Гранадос. Он расшаркался, чмокнул руку Кармен и загудел:

— Заходите, заходите! Девочки должны познакомиться с Кармен! Жаль, Мария сильно больна, простудилась во время купанья. Но все равно, заходите!

Марти кинулся к Исагирре, и тот подтвердил слова генерала. Мария металась в горячке. У докторов почти не было надежд.

Через неделю над городом плыл перезвон колоколов старой церкви «Ла Реколексьон». Марти подошел к гробу и поцеловал руку Марии. Может быть, этого и не следовало делать на улице, на глазах у толпы обывателей, отлично знавших о визитах кубинца и о чувствах Марии. Но Марти не думал о пересудах.

Он запомнил Марию на всю жизнь и через много лет, в холодном Нью-Йорке, посвятил ей стихи:

Там, где зори вечерние алы,
Эта сказка-цветок расцвела:
Про девочку из Гватемалы,
Она от любви умерла…

Он писал так в горькое время разлада с женой, в минуты

одиночества, когда ему казалось, что дальше жить незачем. Мария умерла от простуды, но ему хотелось думать, что он встречал женщину, способную умереть от любви к нему.

В феврале город шумно восхитился присланной из Мексики книгой Марти. Уважение к Гватемале усматривали даже в хорошей печати. Либеральные критики считали, что в Гватемале нет пейзажа или обычая, который не получил бы своей порции восторженных похвал со стороны кубинца.

Исагирре поздравил друга, Кармен сияла, а Марти стал уставать от торжественных рукопожатий. Странное дело: чем больше его поздравляли, тем меньше нравилась ему собственная книга. Он писал о своих мечтах и планах, о возможностях страны, которая была частицей его Америки. Он надеялся, что познание народами Америки этих общих для всех стран континента возможностей послужит достижению подлинной независимости, процветанию и единству всех латиноамериканцев. Он писал о будущем. А гватемальские либералы поспешили сделать вид, будто нарисованное им будущее уже стало сегодняшним днем Гватемалы.

Впрочем, среди либералов были люди, которым книга Марти должна была кое в чем прийтись не по душе. Что значит «каждый чем-то владеет»? Марти пишет о будущем страны и не замечает, что зовет ее назад, к тому времени, когда индейские общины располагали неотчуждаемыми участками земли, которые нельзя было ни продать, ни заложить. Правда, в то время индеец всегда имел мешок кукурузы на зиму, но зато теперь он может заработать его, став наемным рабочим, солдатом и вообще кем ему угодно. Разве Марти не понимает, что идти вперед, развивать свою экономику Гватемала может, только вывозя кофе и какао, бананы и каучук, и что только крупные плантации могут дать достаточное для экспорта количество этих товаров?

Надеясь на решение гватемальских проблем с помощью мелких земельных наделов, Марти витает в облаках. А Хусто Руфино Барриос твердо стоит на земле. Столь необходимые Гватемале железные дороги, электричество и экспортная торговля несовместимы с патриархальной тишиной индейской деревни.

Прошло некоторое время. И, чувствуя, что после выхода «Гватемалы» у Барриоса есть основания быть недовольным Марти, кое-кто из вчерашних доброжелателей стал судачить: «Доктор Торренте»? Право же, сеньор президент слишком осчастливил его!»

Марти не ввязывался в публичную перепалку. С горечью писал он друзьям: «Мое молчание толкуется как враждебность,

моя сдержанность — как гордыня, мои скромные знания — как высокомерие и заносчивость.

Консерваторы крестятся и отмахиваются от меня, и они правы. Я им, наверное, кажусь дьяволом во фраке. Но либералы! Они не хотят потесниться, чтобы дать место за столом тому, кто в их глазах является просто еще одним едоком».

Ректор университета, «не враг, но ничтожество», предложил Марти оставить кафедру истории литературы «в связи с экономическими проблемами Гватемалы».

— Мы с гордостью и радостью оставляем за вами кафедру истории философии…

— Где я преподаю бесплатно, — заметил Марти.

— Мы знаем, что ваша творческая работа требует уединения. Мы отдали распоряжение, чтобы ни один ученик не входил в ваш класс…

Марти вышел, хлопнув дверью. К черту испанскую вежливость! Он обойдется без университета. В Гватемале есть еще «Эскуэла нормаль». Работая в ней, и только в ней, получая гроши, он сумеет доказать свою честность, искренность, бескорыстность. Человек чести, Марти надеялся на честь других. Но случай, который, как и большинство случаев, выглядел случаем только внешне, разрушил его надежды.

Барриос, конечно, не походил на идеального президента из «Гватемалы». Он искренне желал своей стране добра, прогресса. Но он считал, что для достижения этой цели хороши любые средства. Не умея терпеливо убеждать и доказывать, он постепенно превратился в диктатора и, не колеблясь, увольнял в отставку даже ближайших соратников, если они осмеливались высказать мнение, хоть немного отличное от его собственного. Он все больше верил, что успеха можно добиться лишь громкой командой или ударом кнута.

«Генерал никогда не покидает в нем президента, — писал в те дни Марти Мануэлю Меркадо, — даже когда он позирует для портрета, опираясь рукой на кодексы, принесшие ему славу «реформатора». Весной 1878 года Барриос не расставался с плеткой даже на приемах, а докучливых посетителей принимал, лежа на диване лицом к стене.

В фавор входили те, кто славил особу президента. Недавний вождь либералов отворачивался от честных сподвижников и верил лишь десятку телохранителей. Неотвратимо близилось время, когда люди, верные революционным идеалам и принципам, должны были оказаться персонами нон грата.

В день именин Исагирре в зале «Эскуэла нормаль» были открыты окна и знамя восставшей Кубы трепетало на легком

сквозняке. Кто осудит изгнанника за мечту о родине? Такие нашлись. Барриосу доложили, что первый тост кубинцы подняли — какая наглость по отношению к приютившей их свободной республике! — за свободу Кубы и всей Америки.

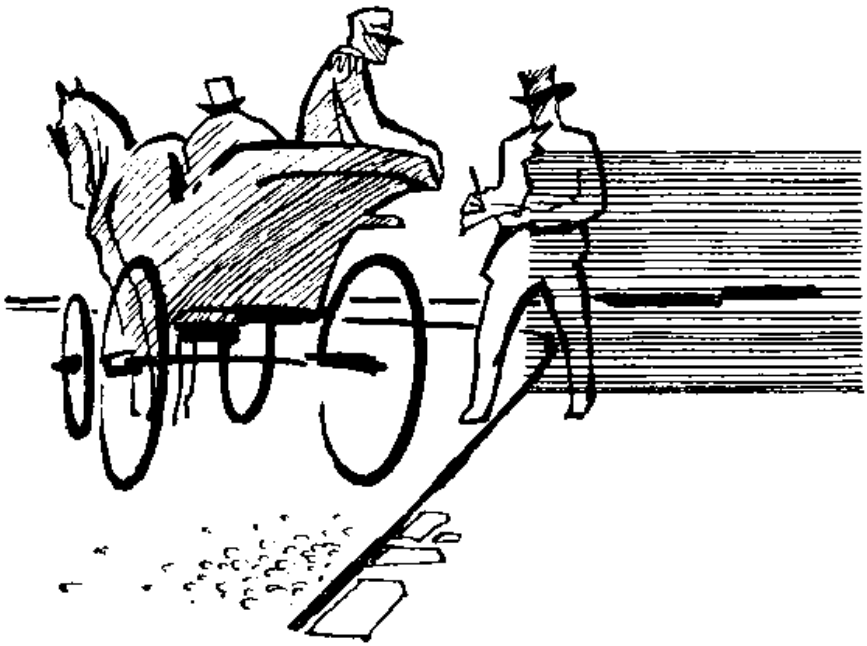
Барриос вызвал Исагирре. Не считает ли сеньор, что методы преподавания некоторых его коллег страдают излишним обилием несвоевременных призывов? Не сказываются ли на репутации школы в целом репутация и поведение некоторых ее педагогов?

Исагирре пожал плечами, и его карьера директора закончилась. Как метко заметил один из историков, учитель из Байямо не был. человеком, который может верноподданно «давать объяснения».

В знак протеста против увольнения Исагирре Марти также подал в отставку. Он еле сумел успокоить учеников, решивших устроить демонстрацию протеста под окнами президентского кабинета.

Оставшись один, он распахнул окна душного класса. Где-то в середине цветочной клумбы назойливо трещали цикады. Марти крепко сжал зубы. Было потеряно все, кроме счетов портного Кармен и любви учеников. Пришло время покинуть Гватемалу.

Глава IV
ОПАСНЫЙ БЕЗУМЕЦ



НАША СТРАНА

В сентябре 1878 года в маленьком белом домике по гаванской улице Индустриа появились новые жильцы. Соседи быстро узнали, что молодые супруги приехали из Гватемалы, побывав по дороге в Гондурасе. Оказалось, что сеньор Марти, как и его лучший друг, сеньор Фермин Вальдес Домингес, старший сын известного адвоката, смог вернуться в Гавану лишь после окончания войны.

Да, к этому времени война на Кубе кончилась. Согласно условиям пакта, подписанного представителями колониальных властей и повстанцев в маленьком городке Санхоне, испанцы обещали объявить всеобщую амнистию, освободить рабов, сражавшихся в повстанческих отрядах, и провести, наконец, кое-какие реформы. От кубинцев требовалось одно: прекращение борьбы.

Пакт был подписан 10 февраля, но тогда сложили оружие только отряды провинции Камагуэй. И это говорило о многом.

Да, Куба устала от войны, Куба была истерзана, кубинцы ждали мира. Но не такого, как в Санхоне. Санхонский мир с испанцами заключила не восставшая Куба, а испугавшиеся размаха народной войны плантаторы и сахарозаводчики. Лучшим людям сражающейся республики условия этого мира были не по душе, и не случайно Максимо Гомес, главнокомандующий силами мамби, под давлением собственных генералов вынужденный поставить свою подпись под пактом, тотчас покинул остров в знак несогласия и протеста. Поступок Гомеса еще более увеличил ряды недовольных. Гомеса любили, ласково звали «стариком».

Уроженец Доминиканской республики, Максимо Гомес считал Кубу своей второй родиной. За годы антииспанской войны он прошел путь от сержанта до главнокомандующего всеми вооруженными силами повстанцев. Он был верным соратником Игнасио Аграмонте, его честность и принципиальность служили образцом. «Он прекрасный солдат, один из лучших, которыми обладал Новый Свет» — этот отзыв принадлежит человеку, отнюдь не симпатизировавшему кубинской революции[29].

Другой герой, генерал Антонио Масео, «бронзовый титан», за которым шли повстанцы провинции Орьенте, также остался верен делу, начатому десять лет назад. «Мы, Масео, клянемся умереть за родину!» — так говорили тогда семь братьев мулатов, вступая один за другим рядовыми в армию Карлоса Сеспедеса. 15 марта

1878 года в местечке Барагуа Масео встретился с генерал-капитаном Кубы Кампосом и его советниками.

— Я не хочу свободы, если она связана с бесчестьем, — сказал отважный мамби.

Лишь к концу лета на Кубу пришла тишина. Но и она была обманчивой. И недаром жестокий генерал Ховельяр, правая рука «миротворца» Кампоса, писал в официальном донесении правительству: «Вся страна целиком мятежна, в этом нет никаких сомнений. Из корней этой войны вырастет другая».

Испания согнула повстанцев, но не сломила их. Не помогли ни крупповские пушки, ни пять миллионов золотом, ассигнованные «для распределения среди соединений, согласившихся на капитуляцию». Угли от большого десятилетнего пожара тлели по всему острову.

Когда сентябрьским вечером Марти сошел с парохода «Нуэва Барселона» на гаванский причал, уже было ясно, что испанцы не торопятся проводить обещанные реформы. Королевские декреты даровали Кубе новое административное деление — шесть провинций вместо трех департаментов — и перенесли на остров муниципальные и избирательные законы провинций метрополии, разумеется с десятками ограничений и оговорок.

Только амнистия и освобождение сражавшихся рабов были проведены в жизнь. Да и то лишь потому, что рабы держали в руках оружие.

На острове оказались, однако, люди, которых вполне устраивало такое поведение испанцев. Двести тысяч убитых, разоренные селения и выжженные плантации не помешали гаванским дельцам устроить в честь «миротворца» Кампоса торжество, на котором за шестисотметровым столом 2 712 человек пили, ели и орали «Вива Испания!». Люди, вернувшиеся из зарослей Орьенте, хмуро глядели на эту оргию. Но было поздно. Их оружие уже хранилось в испанских арсеналах.

Шли месяцы, и ясные слова «Клича Яры» стали застилаться туманом словоблудия. Милостиво «забыв прошлое», Испания объявила свободу слова, и этим не замедлили воспользоваться как консерваторы, так и либералы-автономисты.

Консерваторы категорически возражали против отмены рабства, требуя «примирить традиции незабываемого прошлого с острыми необходимостями настоящего и благородными надеждами на будущее». Под этим на редкость «конкретным» лозунгом строились в ряды крупные торговцы, землевладельцы и аристократы.

Могущественной, но сравнительно малочисленной группе консерваторов «противостояли» либералы-автономисты, среди

которых были креольские интеллигенты, мелкие буржуа, представители средних классов и даже некоторые из бывших повстанцев. Эти люди на всех углах кричали о необходимости постепенных и легальных реформ «в лоне древнего национального единства».

Нужно ли объяснять, что Марти было не по дороге с консерваторами? Программа автономистов также не манила его. И он с горечью убедился, что легальные партии не склонны добиваться подлинной свободы Кубы. Сам он жаждал борьбы, мечтал о ней, но в его жизнь уже стучались другие, новые, волнующие и радостные события — примерно через два месяца у Кармен должен был родиться сын.

В том, что будет сын, Марти почему-то не сомневался. Ради спокойствия будущего Хосе Франсиско он и вернулся на Кубу лишь в сентябре, когда обстановка прояснилась и соглашение об амнистии все же стало соблюдаться.

Озабоченный состоянием семейного бюджета, он подал в канцелярию генерал-капитана заявление с просьбой разрешить вести адвокатскую практику. Франтоватый клерк заверил его, что разрешение последует максимум через два дня. Но ни через два дня, ни через две недели разрешения не последовало. Имя Марти было слишком хорошо знакомо колониальным властям.

На помощь опять пришли друзья. Частные уроки позволили перебиться на первых порах, а потом Марти обосновался в адвокатской конторе покинувшего Мехико Николаса Аскарате.

Потянулись одинаковые дни, наполненные скучнейшей писаниной. Мятежный поэт, следя за почерком, сочинял просьбу за просьбой, жалобу за жалобой.

«…Сейчас я тороплюсь в контору, потом приду домой, чтобы поесть, и снова отправлюсь в контору, куда зовет меня жестокий долг…» — так писал Марти Агустину де Сендеги, товарищу по мадридской ссылке, с грустью отказываясь от приглашения на литературный вечер. Он редко бывал даже у поседевшего Мендиве, выкраивая время лишь для ежедневных визитов к отцу и матери.

Аскарате видел, что Марти не по душе его новая работа. Старик сам тосковал над делами, повествующими о низменных стремлениях и поступках людей, в которых он, Аскарате, хотел бы видеть только героев. И однажды патрон и помощник махнули рукой на клиентуру, заперли контору и с сияющими лицами отправились на открытие лицея в гаванский пригород Регла.

Одноэтажное здание лицея окружала пестрая толпа кубинцев. Едва выйдя из коляски, Марти очутился в крепких объятиях Педро Койулы, старого товарища по каторге и ссылке. Следом за

Педро, покинув своих дам, к нему бросилось еще человек пятнадцать — сверстники, прежде разбросанные по ссылкам, а теперь снова слетевшиеся в родное гнездо.

Аскарате поднял руку, требуя тишины:

— Я привез в Реглу кубинца, к словам которого прислушивались Мадрид, Мехико и Гватемала. Его имя знакомо многим — Хосе Марти! Я прошу внести это имя в список сегодняшних ораторов. Именно сегодняшних — ведь сегодня десятое октября!

Рассказывая о выступлении Марти, приходится снова употребить слово «сенсация».

«Каждое его слово, — вспоминал Педро Койула, — отражало нашу надежду и наши чувства. Марти вызывал волны энтузиазма…»

Можно представить себе эту речь. Марти бледен, его голос дрожит, рука нервно трогает край дощатой трибуны с вырезанной на ней одинокой звездой — звездой с кубинского флага.

— Огромное, нетерпеливое желание видеть родину счастливой заставляло меня думать о Кубе всюду, где бы я ни был. Горькие вести ранили сердце, но мысли о добре, чести, прогрессе и свободе помогали мне, как и всем кубинцам, в душах которых цвели печальные цветы изгнания. И вот теперь здесь, на земле Кубы, я говорю: давайте сеять добро. У нас есть руки, мы мыслим ясно и чувствуем горячо. Мы кубинцы, наша свобода, обагренная кровью братьев, зачата в нашей груди, и именно сегодня, в годовщину «Клича Яры», мы клянемся ей в верности…

Куба узнала, что Марти вернулся, а Марти узнал, что кубинцы помнят его. Теперь даже переписка жалоб казалась не таким отвратительным делом.

Изменился и Аскарате. Бурный вечер в Регле словно влил в него свежую кровь, и теперь все чаще и чаще на дверях конторы висел замок, а по улицам Гаваны, как когда-то по улицам Мехико, бродили, размахивая руками и споря о политике, два кубинских патриота.

— Ты зря торопишься, Пепе, нужно взять от Испании все, что можно…

Марти хватал Аскарате за пуговицы сюртука:

— Сколько я могу убеждать вас, дон Николас, что теории ассимиляции так называемого национального единства и реформизма уводят кубинцев в сторону от борьбы? Куба — американская страна, она воевала за свою и американскую свободу десять лет. И вдруг Куба — испанская провинция. Абсурд!

12 ноября 1878 года Марти стал отцом. Хотя нужные для

крошечного Хосе Франсиско Марти-и-Басана вещи были куплены заранее, расходы резко возросли. Не бросая работы у Аскарате, Марти начал вести дела в адвокатской конторе дона Мигеля Вионди, старого друга Рафаэля Мендиве.

Теперь он уставал еще больше и дома иногда валился на диван, не снимая ботинок. Однако он не позволял себе забывать о лицее в Регле.

Каждый свободный час он проводил среди новых друзей — педагогов. Он считал свою деятельность в Регле очень важной для себя — ведь семена знаний неминуемо прорастают ростками свободы, и обучение юных кубинцев — тоже бой за будущее Кубы.

Его избрали членом совета лицея. Выступая перед коллегами, Марти говорил:

— Мы должны думать о будущем родины, и поэтому каждый должен чувствовать себя учителем и быть им, хотя бы в благодарность за знания, полученные от других. Нужно множить наши кубинские школы, ибо школа является наковальней духа народа. Счастлива страна, которая видит своих детей образованными, образованный народ всегда силен и свободен…

Скоро Марти стал часто появляться и в другом гаванском пригороде — Гуанабакоа. В шумном литературном кружке расположенного там лицея секретарствовал совсем больной Альфредо Торроэлья. Он знал, что его болезнь неизлечима, и проделал тяжелое путешествие Мехико — Гавана, чтобы провести на родине последние дни. Он приехал осенью, а в январе осунувшийся от горя Марти говорил у свежей могилы друга:

— Сегодня мы хотим воздать должное человеку, столь любимому своей страной, своим народом, что он не может умереть. Моей дрожащей руке, еще хранящей тепло его руки, нелегко описать искристый и оригинальный талант, положивший много лавров на печальное чело нашего народа…

Забывая о торжественности момента, Аскарате беспокойно затоптался на месте. Зачем зря дразнить испанцев? «Печальное чело нашего народа»! Разве Пепе не знает официальной терминологии: не «наша страна», а «остров», не «наша родина», а «национальное единство»…

Речь Марти получила небывалый для осторожной в ту зиму Гаваны резонанс. Газета «Ла Патриа» хвалила «молодого, но бесспорно талантливого и уже широко известного сеньора Марти, друга детства Альфредо Торроэльи и его товарища по изгнанию».

«У гроба Торроэльи мы увидели рождение нового великого оратора и поэта, — писала «Эль Триумфо». — Его слова — словно поток, который выходит из берегов. Кто сможет собрать эти воды, эти силы, подчинить их себе и направить их в одно русло?»

АНАУАК

Весной 1879 года Марти был обеспечен хорошей работой. Ежедневно, с восьми до одиннадцати утра, он читал курсы риторики, поэтики, философии испанского языка в колледже «Эрнандес-и-Пласенсиа», а потом проводил пару часов за разбором особо сложных дел у Вионди.

Теперь он уже не переписывал бумаг в конторе Аскарате, но его по-прежнему, словно магнит, притягивала узкая комната, в которой за длинным столом принимал клиентов его седовласый друг. Осторожный внешне, Аскарате не мог жить без острых дискуссий и в ущерб доходам постепенно превратил свою контору в заповедник «бандитов».

Ежедневно за плотно прикрытыми дверями его конторы велись нескончаемые споры. Республиканцы и либералы, вчерашние ссыльные и повстанцы приходили сюда, зная, что их мнение будет внимательно выслушано и обсуждено.

В этом клубе Марти встретил однажды невысокого изящного мулата, чье лицо показалось ему уже виденным где-то.

— Разве я не знакомил вас в Мехико? — воскликнул Дскарате. — Это же Хуан Гуальберто Гомес!

Молодые люди улыбнулись и пожали друг другу руки. Хуан был чуть младше Хосе, но и ему пришлось пережить многое. Родители Хуана были рабами, и его ждала судьба простого мачетеро, если бы не прихоть хозяина. Плантатору захотелось иметь собственного каретного мастера, и смышленый зеленоглазый парнишка был отправлен на пароходе «Ла Франс» в Париж.

Двадцать один день в море сдружил Хуана с Франсиско Висенте Агилерой, вице-президентом первого правительства сражающейся Кубы. Агилера плыл в Европу, чтобы рассказать правду о войне за независимость. Юный Хуан стал его верным помощником и уже никогда не вернулся к хозяину.

В Гаване, как и в годы изгнания, Гомес заслужил опасную славу сепаратиста. Марти много раз читал в газетах его умные статьи, неизменно отзываясь о них с одобрением. Гомес, в свою очередь, высоко ценил талант Марти.

После встречи у Аскарате Хуан и Хосе стали неразлучны. Хуан очаровал Кармен, которая обычно относилась к «цветным» довольно сдержанно, и стал часто бывать в доме Марти. Но прошло немало дней, пока Марти узнал его тайну: Гомес участвовал в подготовке нового восстания.

Это могло показаться невероятным. Ведь только что закончилась ужасная война, тянувшаяся целых десять лет! Однако Марти не удивился. Разочарованность заключенным в Санхоне пактом владела даже многими из тех, кто когда-то выступал за него. Негодующие возгласы и обвинения в предательстве неслись в адрес людей, променявших честь мамби на золото Мадрида, то самое золото, которое было скоплено испанцами за счет грабежа Кубы. Возмущение вновь распространялось по острову, словно степной пожар.

Новое движение возглавили кубинские эмигранты в Нью-Йорке. Их совет, называвшийся Хунтой пяти, еще в марте 1878 года призывал повстанцев Орьенте не сдаваться и собирал средства для закупки оружия.

Спустя несколько месяцев в Нью-Йорк из Мадрида прибыл известный ветеран Десятилетней войны, генерал Каликсто Гарсиа. Он категорически отвергал условия мира в Санхоне и принял руководство Хунтой пяти, которая стала называться Революционным кубинским комитетом. Одним из ближайших его помощников по комитету стал Карлос Ролоф, провоевавший за дело Кубы все десять лет, от первого до последнего дня.

О Карлосе Ролофе следует сказать несколько слов особо. Варшавский еврей по происхождению, он покинул родину после восстания 1863 года. Русский царь утопил восстание в крови, Польша осталась в составе Российской империи, и судьба забросила спасавшегося от царской виселицы бунтаря на далекую Кубу. Он стал сражаться за свободу и здесь. Кубинцы прозвали его «бесстрашным русским».

С каждым днем все новые и новые нити связывали работавший легально Нью-Йоркский революционный комитет с подпольщиками на острове. В тайную работу на Кубе включились многие ветераны Десятилетней войны, популярные и отважные вожаки повстанцев: Флор Кромбет, Хосе Майа Родригес, Хосе Масео, Гильермо Монкада. Все больше кубинских городов сообщало Каликсто Гарсиа о создании революционных клубов.

Быть может, обещанные испанцами реформы и могли бы ослабить или отдалить подготовку нового взрыва. Но колонизаторы в Мадриде и не думали держать слово, данное ими в Санхоне. Делегаты кубинских либералов, заикавшиеся о реформах перед депутатами кортесов, слышали в ответ брань и насмешки.

В десятую годовщину «Клича Яры», когда Марти говорил о «нашей стране» в лицее Реглы, Революционный комитет обратился к кубинцам с подписанным Каликсто Гарсиа манифестом. Гневно осуждая капитулянтов, которые испугались

всенародной войны за независимость, манифест призывал патриотов к борьбе, к созданию революционных организаций на острове и за его пределами.

Когда Хуан Гомес принес манифест Марти, в конторе Вионди не было посетителей. Марти сидел в маленькой задней комнатке и читал газету «Ла Либертад», которую издавал Адольфо Стерлинг.

— А, Хуан! — Марти встал навстречу другу. — Стерлинг не стесняется в выражениях, критикуя консерваторов. Он создает республиканскую партию, это неплохо. И все же главное — вооруженная борьба.

Гомес сел, вытянул ноги, вынул из кармана сигару. Он верил Марти, но опыт конспиратора заставлял его быть осторожным. Окажется ли этот, безусловно, выдающийся человек решительным борцом? И, словно угадывая его мысли, Марти сказал:

— Конечно, революция не всегда пахнет цветами… Но легкие победы, мой дорогой Хуан, — главный враг революции.

— Я тут принес тебе кое-что, Хосе. — Гомес решительно протянул Марти сложенный вчетверо листок с текстом манифеста. — Прочти сейчас, я подожду…

Спустя несколько недель после этой беседы в контору Вионди вошел незнакомец.

— Сеньор Марти у себя?

Вионди кивнул, и незнакомец прошел через маленькую боковую дверь в заднюю комнату. Марти, низко склонившись над столом, сосредоточенно писал. Он составлял отчет о прошедшем накануне совещании представителей всех гаванских подпольщиков.

— Здравствуйте, сеньор Марти, — сказал незнакомец. — Я привез вам привет из Нью-Йорка.

На ладони гостя блеснул пароль — половинка монеты в одно песо.

Марти обрадованно улыбнулся.

— Мы долго ждали от вас вестей. Что нового?

— Каликсто Гарсиа и Карлос Ролоф просили меня передать, что комитет гордится вашим участием в борьбе. Ваш талант и ваши убеждения делают честь…

— Довольно, довольно, дорогой друг! Это революция оказывает мне честь, принимая в число своих бойцов!

— Сеньор Марти, за вами наверняка идет слежка. Учитывая опасность, комитет присваивает вам подпольную кличку. Отныне для Нью-Йорка и других клубов нет Хосе Марти, а есть Анауак[30]. Пожалуйста, расскажите теперь о вчерашнем. Ведь я не ошибся, патриоты Гаваны объединились именно вчера?

Взволнованно шагая, Марти рассказывал о состоявшемся собрании, о мерах предосторожности, об энтузиазме подпольщиков.

— Как названо новое объединение? — спросил незнакомец.

— Революционный клуб Гаваны номер двадцать два.

— Кто президент?

— Я.

Посланец комитета улыбнулся и встал:

— Разрешите мне поздравить вас. Комитет в Нью-Йорке будет рад поздравить вас также. Я передам все Гарсиа и Ролофу. До свидания, Анауак. Будьте осторожны. Родина и Свобода!

Вионди ворчал долго:

— Из-за твоего гостя, Пепе, я выпроводил четырех отличных клиентов. Верных пять сотен песо!

— Но, дон Мигель, этот человек приезжал из Нью-Йорка!

— Э, послушай, на всей Кубе ты один хочешь новой драки…

Марти весело похлопал доброго старика по спине. Он-то знал, как неправ был Вионди.

Элегантные молодые люди уплывали с Кубы на почтовых пароходах. В их чемоданах из крокодиловой кожи лежали тысячи песо, собранные патриотами острова для покупки оружия.

Молодые люди сходили на берег в США и Мексике, Гаити и Ямайке, и вскоре к берегам Орьенте отправлялись баркасы и шхуны. На них надвигался темный ночной берег, прибой заставлял бешено плясать на гребнях волн. Но из прибрежных зарослей долетал протяжный призыв — кто-то дул в большие раковины. Рулевые правили на звук, и Куба получала патроны и карабины.

В порту Гаваны грузчики спускали по трапу тюки с мануфактурой из Нью-Йорка. Когда попадался тюк, испачканный красной краской, за него брался огромный негр. Только он мог пронести такой не по размеру тяжелый тюк, скаля зубы и приплясывая на прогибающихся сходнях под взглядами шпиков. Негр играл со смертью. В испачканных тюках под тонким слоем холста и ваты лежали карабины.

Да, Вионди ошибался. Первые капли дождя уже падали. В феврале в Гавану съехались представители патриотов со всего острова. В контору дона Мигеля «клиенты» входили один за другим. Скептически поджав губы, почтенный юрист наблюдал, как с Марти беседуют белые и негры, крестьяне и рабочие-табачники, пропахшие морем рыбаки и те, кто под любой одеждой не мог скрыть офицерской выправки. И хотя Вионди по-прежнему не верил в возможность восстания, события убедили его, что Марти руководит нешуточным делом.

В один из первых мартовских дней Марти шел по тесным улочкам негритянского района старой Гаваны. Он улыбался знакомым, и многие подбегали пожать ему руку, похлопать по плечу. Здесь знали, что белый доктор Марти большой друг «маленького Хуана», который всегда пишет правду в газетах.

У домика, на двери которого было написано «Гомес», Марти остановился, постучал. Старая мулатка укоризненно сказала, откидывая щеколду:

— Зачем вы пришли сами, сеньор Хосе? Я ведь говорила Хуану, что сыщики крутятся у дома, как голодные кошки у корзинки с рыбой.

— Что слышно от полковника, Мария?

— Вот, — мулатка протянула кожаный мешочек.

Марти развязал его и высыпал на ладонь кучку монет по одному сентаво. Их было восемнадцать.

Полиция не смогла помешать подпольщикам собраться в назначенный срок. 18 марта полковник Педро Мартинес Фрейре на правах ветерана председательствовал на совещании, которое решило создать Центральный революционный кубинский клуб взамен Революционного клуба Гаваны № 22.

Когда совещание началось, Марти выступал в лицее Гуанабакоа. Патриоты Гаваны перехитрили испанцев, которые были уверены, что без Марти совещание не состоится. Раз Марти в лицее, считали сыщики, значит нечего беспокоиться, разыскивая сборище бандитских главарей. Но они ошиблись. Закончив речь, Марти сел в ожидавший его экипаж и через десять минут на ходу спрыгнул с подножки в глухом переулке.

Он постучал в дверь ветхого дома с коваными решетками на окнах и затем быстро прошел через внутренний дворик, в дощатую пристройку, откуда доносился голос Фрейре. С победным видом полковник чертил на карте Кубы стрелы наступления еще не собранных повстанческих отрядов на город Сантьяго-де-Куба.

— Не очень нравится мне этот Фрейре, — быстро сказал другу Хуан Гомес. — Называет себя «главой движения в Орьенте», а кто дал ему на это право?

— Как голосование?

— Большинство поддержало Фрейре. Решено руководить борьбой из Гаваны, а не из Нью-Йорка…

— Но если руководящий центр будет в Гаване, то в случае провала мы поставим под удар все остальные клубы острова!

Подошел ветеран Хосе Антонио Агилера, плотный креол средних лет.

— Ни Максимо Гомес, ни Антонио Масео, ни Каликсто Гарсиа

не сделали бы такого опрометчивого шага, — хмуро сказал он. — К сожалению, тебя не было, Анауак. А мы с Хуаном переубедить остальных не смогли…

УЗКОЙ И ОБХОДНОЙ ДОРОГЕ — НЕТ!

26 апреля 1879 года в кафе «Лувр» либералы Гаваны устраивали банкет. Старый вожак либералов, опытный политикан Гальвес возлагал на этот вечер большие надежды. Гальвес хорошо знал, что гаванцы с удовольствием читают «Ла Либертад» и «Ла Дискусьон» — газеты республиканца Адольфо Маркеса Стерлинга. Он знал также, что эти газеты называют двадцатишестилетнего поэта и юриста Хосе Марти «молодым орлом кубинской трибуны».

И вот ему, Гальвесу, удалось сделать так, что и Марти и Стерлинг будут сидеть с ним за одним столом. Только бы все прошло тихо, а уж тогда кампания в прессе навсегда прилепила бы к ним обоим звание «единомышленников либералов».

Гальвес стоял в стороне, наблюдая, как в зал входили соратники по партии — адвокаты, владельцы табачных фабрик, плантаторы, оптовые торговцы. Наконец на пороге показался Стерлинг и с ним большелобый бледный молодой человек с пышными, волнистыми волосами.

— Я готов отдать многое, Говин, — наклонился Гальвес к невысокому толстяку, то и дело вытиравшему лоб и шею желто-красным, как испанский флаг, платком, — лишь бы после сегодняшнего вечера этот парень был с нами.

— Ты все шутишь, Гальвес, — отозвался тот, — наконец-то после десяти лет войны на острове мир, а Марти зовет к новому восстанию. Нет, с меня хватит. Во имя свободы Кубы я давал деньги и скот отрядам повстанцев, а они во имя свободы Кубы жгли мои плантации и заводы! Сейчас, когда я закупил в Чикаго новое оборудование и пригласил механиков янки, ты хочешь, чтобы я подружился с Марти? Нет, независимость, которая разоряет деловых людей, Кубе ни к чему. Нам следует идти путем постепенных реформ, Куба должна стать полноправной провинцией Испании. И все!

Гальвес недовольно поморщился. Право же, Говин хорошо соображает лишь там, где идет купля-продажа.

— Ты должен понять меня, Говин. — Гальвес взял толстяка под руку. — Люди верят тому, что говорит Марти, а газеты Стерлинга печатают речи этого парня и статьи его дружка, черномазого Гомеса, на первых страницах. Если мы приручим эту птичку, она будет петь наши песни, и люди пойдут за нами…

Торжественно протянув руки Стерлингу и Марти, Гальвес позвал всех к столу, легонько постучал высоким бокалом по

желтоватой бутылке бакарди:

— Уважаемые сеньоры, либералы Гаваны счастливы приветствовать вас сегодня. Я надеюсь, что все мы поднимем первый бокал за процветание острова, за его будущее, которое придет в полном соответствии с нашим древним национальным единством…

Марти слушал вкрадчивый голос Гальвеса, и неприязнь к этому человеку охватывала его. Конечно, среди либералов есть честные, искренние люди. Их даже большинство. Но Гальвес… «Вы, но не вам», — как говорил Вергилий. Вы, кубинцы, старайтесь, дискутируйте, убеждайте, даже голосуйте, а он, Гальвес, сядет в депутатское кресло. Больше ему ничего не надо.

— Мы все хотим видеть остров уважаемой провинцией испанского королевства…

Марти поднял голову. Так вот зачем его зазвали сюда! Вот почему Гальвес так мил и любезен! Они хотят причислить его к тем, кто ползает на коленях перед Испанией? Не выйдет!

— Высокочтимые сеньоры! Собравшись и беседуя здесь, мы пожинаем плоды той неполной свободы, которая была завоевана нашей родиной в трудной и жестокой борьбе, а не подарена ей кем-то, — слова Марти словно взрывали напряженную тишину. — Эта неполная свобода стоила нашей нации многих сотен тысяч жизней и ран, которые дают нам право не униженно молить, а требовать.

Произнося эти слова, я чувствую, как в моей груди пламенеет частица революционного огня нашего народа, огня, который может быть успокоен только потоком полных, немедленных и действительных свобод…

Гальвес плотно сжал губы. Теперь их совсем не было видно под черной щеточкой усов. Черт побери, можно подумать, что Марти приготовил эту речь заранее. И все слушают его, словно он новый мессия, смотрят в рот, будто он плюется золотом. Да, вместо пристойного банкета получается политическая стычка. Что ж, придется ответить. Но кто будет говорить? После Марти выступать нелегко. Говин — тот просто дрожит от испуга и злости.

А голос Марти сильной птицей бился под тентом открытой веранды кафе, вылетал на улицу:

— Если либеральная политика выбирает узкую и обходную дорогу вместо того, чтобы быть эхом желаний нашей исстрадавшейся родины, — нет, я не могу поднять тост за такую политику!

О событиях в кафе «Лувр» генерал-капитан Кубы Бланко, сменивший Кампоса на этом посту, знал уже через час. Он

внимательно перечитывал записку Говина. Марти действительно позволил себе слишком многое. Вчера «наша нация», «наша родина», сегодня «поток полных, немедленных и действительных свобод», а завтра, как и десять лет назад, — «независимость или смерть». Да, это не Гальвес, который за депутатское жалованье готов твердить, что Куба «всегда верный Испании остров». Генерал вздохнул и откусил кончик сигары. Что-то слишком много говорят о Марти в прессе, да и фискалы подозревают, что он плетет заговор. Интересно бы самому послушать, как поет эта птичка.

Такая возможность представилась генерал-капитану Бланко на следующий же день. В лицее Гуанабакоа состоялось чествование кубинского композитора и скрипача Рафаэля Диаса Альбертини.

Карета генерала, эскортируемая верховыми адъютантами, проехала по узким улицам предместья, мимо низких выбеленных домов, покрытых каталонской черепицей, и старой церкви с круглыми окнами. У входа в колледж карету встретил Аскарате. Генерал-капитан пытается изображать друга кубинцев? Что же, пожалуйста… За вежливостью и церемонностью Аскарате пряталась тревога. Конечно, он предупредил Марти, чтобы тот выбирал выражения, но ведь известно, что стоит Хосе увлечься и…

Когда Бланко, неподвижно просидевший весь вечер в первом ряду, покидал колледж, к нему подскочил репортер:

— Ваше превосходительство, «Ла Дискусьон» очень просит: два слова о речи доктора Хосе Марти…

Бланко нахмурился, помолчал. Потом он вспомнил, что Кампос советовал заигрывать с прессой, и, зазвенев увешанной орденами грудью, доверительно склонился к репортеру:

— Мне не хотелось бы вспоминать то, что я услышал здесь сегодня. Я не могу понять, как мог доктор Марти говорить так в присутствии представителя испанского правительства. Мне кажется, мой друг, что Марти безумец…

Бланко смолк, и в это мгновение генерал победил в нем дипломата. Бланко выпрямился и жестко докончил фразу:

— И безумец опасный.

Вернувшись домой, Марти застал жену в слезах. Кармен прочла в газетах отчет о банкете в кафе «Лувр» и плакала весь вечер. Хосе не смог ее утешить. Кармен слово в слово повторяла доводы отца, который звал ее в Камагуэй, а зятю советовал подыскать себе солидное место с хорошим окладом.

Тщетно пытался Хосе говорить жене о свободе, о независимости своей страны, о страданиях кубинцев, о

революции. Она отвечала, что тоже кубинка и тоже страдает, но как раз из-за революции.

— Ты что, не знаешь, что негры сожгли тростник отца! — почти кричала Кармен. — В Камагуэе после войны не осталось ни одного целого завода, город Пуэрто-Принсипе разорен совсем! Ты хочешь, чтобы нам не на что было жить? Подумай о Пепито, ведь ты зарабатываешь все меньше и меньше!

Марти подошел к колыбели, склонился над сыном. Подумал: «А нос у него мой». Он молча обнял Кармен и поцеловал. Шаткое перемирие водворило в доме тишину. Анауак уступил мужу и отцу. Весной 1879 года Марти почти не произносил речей и много работал. Но его связь с революцией не прерывалась. И лето этого года стало для него, как и для других патриотов, горьким летом.

В трудных условиях Кубы, когда многие еще надеялись на испанские милости, недальновидность полковника Фрейре, настоявшего на размещении руководящего центра нового движения на острове, а не в эмиграции, оказалась роковой. Патриотов предали, Фрейре был арестован, испанцы захватили секретные планы и списки. Аресты в Орьенте — самой мятежной из всех провинций — начались прежде, чем туда дошли тревожные письма Агилеры, Хуана Гомеса и Марти. За решетку попали многие, и в их числе Кромбет и Родригес. Марти уцелел чудом. Полиция не узнала, кто скрывается под кличкой Анауак.

Провал Центрального клуба, который показал испанцам широту движения, насторожил генерал-капитана. Стоя у мраморного столика с моделью колумбовой каравеллы, Бланко смотрел на расстилавшуюся за окном гавань. Вечерело. Рыбаки поднимали паруса. Бланко нахмурился. Что-то будет, если каждая из сотен этих лодчонок привезет на Кубу хоть по одной винтовке!

— Еще раз предупреждаю вас об опасности сепаратистского движения. — Генерал-капитан обернулся к стоявшему у двери человеку в светло-сером сюртуке. — Если вам не хватает людей и средств — подайте рапорт. Для вашей работы мы не пожалеем ни того, ни другого…

И тайная полиция начала настоящую охоту за патриотами. Люди исчезали бесшумно и бесследно. Марти похудел. «Клиенты», приходившие в контору Виондди, приносили невеселые вести, да и дома он не знал спокойной минуты.

Все же ему, Агилере и Гомесу удалось кое-что сделать, и оружие снова начинало поступать, а уцелевшие революционные клубы заявили о признании Нью-Йоркского комитета своим главным руководящим центром.

В июне из Нью-Йорка прибыл новый посланец.

Руководители Революционного комитета официально

сообщали, что председателем (делегадо) патриотической хунты в Гаване и, следовательно, полномочным представителем комитета на острове назначается Агилера. Субделегадо, его заместителем, назначался Марти.

Положение улучшалось, хотя и очень медленно. Оружие шло в основном из США, а полиция янки, по-видимому, предупрежденная послом Испании в Вашингтоне, проявляла невиданную бдительность. К Гомесу и Агилере приходили рыбаки и рассказывали, как порой им приходилось выбрасывать оружие в море, чтобы избежать ареста или расстрела североамериканскими канонерками.

Снова и снова собирали деньги кубинцы. Каждая доставленная на остров винтовка обходилась им в пять раз дороже ее действительной стоимости. И бывали дни, когда и Агилере, и Марти, и Гомесу трудности казались непреодолимыми. Особенно Марти и Хуану Гомесу. Ветераны не очень-то доверяли «зеленым новичкам». Людям, воевавшим вместе с Максимо Гомесом и Антонио Масео, хотелось снова идти в бой под их испытанным руководством.

Но Максимо Гомес был в Гондурасе, а Антонио Масео — на Ямайке. Оба они покинули Кубу, не желая пользоваться «правами» испанской амнистии. И многим казалось, что прославленные вожаки не желают лезть в новую драку. Агилера и Марти убедились в обратном, когда состоялась их встреча с доктором Эусебио Эрнандесом.

Прежде чем приехать в Гавану, Эрнандес проделал долгий путь. Он беседовал в Гондурасе с Максимо Гомесом, затем посетил Нью-Йорк, а в городе Сантьяго-де-Куба брат Антонио Масео, Хосе, вручил ему коробку сигар домашней закрутки.

Откусив кончик одной из сигар, Марти увидел вложенную в нее бумажную трубочку. Когда были распотрошены все сигары, Марти и Агилера прочли полученное в Сантьяго-де-Куба послание Антонио Масео. «Бронзовый титан» не терял времени в эмиграции на Ямайке. Он посылал на родину тщательно разработанные инструкции своим бывшим соратникам и всем будущим командирам повстанческих отрядов. В письме перечислялись имена, подпольные клички и воинские звания верных людей и предлагалась дата и место нового восстания.

Теперь в подготовку новой войны могли влиться испытанные в былых боях люди. В Орьенте — темпераментный Хосе Масео и Кинтин Бандерас, в центральных провинциях — Франсиско Каррильо и Серафин Санчес. Запад должны были поднять сами гаванцы — Агилера, Марти и Хуан Гомес. Антонио Масео ждал сигнала на Ямайке, а в Нью-Йорке и Флориде руководили

отправкой добровольцев Каликсто Гарсиа и Карлос Ролоф. Осень 1879 года должна была стать военной осенью.

Кармен видела, что муж все больше и больше отдается опасному и ненужному, по ее мнению, делу. Она хотела было вместе с сыном уехать к отцу в Камагуэй, но любовь победила недовольство, и она осталась в Гаване. Надежда на благополучное окончание всех волнений мелькнула у нее в тот вечер, когда в их доме ужинал приехавший из Орьенте юрист, дон Урбано Эчеварриа. Кармен оставила мужа и гостя в столовой, зная, что услышит разговор из-за неплотно закрытой двери. И действительно, до нее отчетливо донесся баритон Эчеварриа:

— Я уверен, на выборах депутата в кортесы большинство избирателей Орьенте с готовностью голосовало бы за вас, доктор…

Кармен хотелось распахнуть дверь и крикнуть: «Он согласен!» Но голос мужа остановил ее:

— Мой друг, если я решусь баллотироваться и приму мандат депутата, то лишь затем, чтобы защищать в испанском парламенте курс на полную независимость нашей страны.

Кармен не слышала ничего больше. Слезы навернулись у нее на глазах, и в ушах зазвучал другой голос, сердитый голос отца: «Он не думает о семье, твой Пепе, ему нужна дешевая слава…» Кармен знала, что отец не прав, что Пепе любит ее и сына больше жизни, но раздражение поступками мужа росло. Она, Кармен, предпочла бы жить в самом глухом и бедном селении Камагуэя, лишь бы не думать, что за Пепе могут прийти с часу на час.

Осень приближалась, напряжение росло. За Марти беспокоилась и семья Домингесов, и Рафаэль Мендиве, и другие друзья, знавшие, что он занят опасным делом. Но уж если Марти не удерживали слезы Кармен, то предостережения друзей он и подавно пропускал мимо ушей.

Правда, иногда он позволял себе отвлечься и посетить литературный вечер в доме Агустино Сендеги. Однажды он оставил хозяину звено из цепи от своих кандалов. Агустин был страстным ювелиром-любителем, и Хосе попросил его сделать из звена железное кольцо на безымянный палец правой руки.

— Пожалуй, только его я и смогу носить, — грустно сказал Марти старому другу.

В августе на гаванском вокзале упал при погрузке и разбился один из ящиков, предназначенных к отправке на восток. Тускло поблескивая, по перрону вокзала рассыпались винтовочные патроны. Полиция, уже знавшая о существовании подпольной организации, получила отличный повод к новым репрессиям.

Генерал-губернатор Орьенте Камило Полавьеха получил от

Бланко приказ очистить провинцию от заговорщиков. Сотни патриотов города Сантьяго-де-Куба оказались в каторжных тюрьмах испанских колоний в Африке. Аресты множились с каждым днем, и стало ясно, что с восстанием медлить нельзя.

В ночь с 24 на 25 августа, на полтора месяца раньше намеченного срока, огонь запылал. Первыми подняли флаг «одинокой звезды» мамби, которыми командовал генерал Велисарий Граве де Перальта, ветеран Десятилетней войны. Его отряд стал действовать между городами Хибара и Ольгин. Через день, проделав марш-бросок через горы, к Перальте присоединился Гильермо Монкада, или, как любовно называли его негры, «наш Гильермон». Он привел с собой почти пять тысяч черных бойцов.

Спустя еще день отряды Хосе Масео и Кинтина Бандераса атаковали казармы в Сантьяго-де-Куба, но были вынуждены покинуть город и прорываться в горы. Война началась, но не так, как хотелось революционерам. Вместо одновременного восстания на всем острове поднялась только одна провинция.

Марти, Агилера и Гомес встречались теперь каждый день. Уже некогда было соблюдать правила конспирации. Игра шла ва-банк.

17 сентября Хуан Гомес обедал у Марти. Кармен не любила табачного дыма и после кофе пошла к себе, но тут же вернулась.

— Пепе, — сказала она, — тебя спрашивает какой-то человек. Он уже заходил утром, но тебя не было…

Марти вышел в прихожую, и испанец в штатском показал ему жетон капитана полиции.

— Проститесь с женой и сыном, сеньор Марти, — сказал капитан. — Я не могу точно сказать, как долго продлятся наши беседы.

Агилера и Гомес были арестованы вскоре. Они едва успели сжечь документы.

В те сентябрьские дни человек в светло-сером сюртуке часто появлялся в кабинете Бланко. Генерал был не очень доволен.

— Ваши фискалы бездарны, полковник. Даже после того, как вы подарили мешок золота какому-то революционеру, у вас нет прямых улик против Марти и Агилеры!

— Но, ваше превосходительство, они не отрицают, что хотят отделения острова от королевства…

Бланко резко повернулся к шефу полиции.

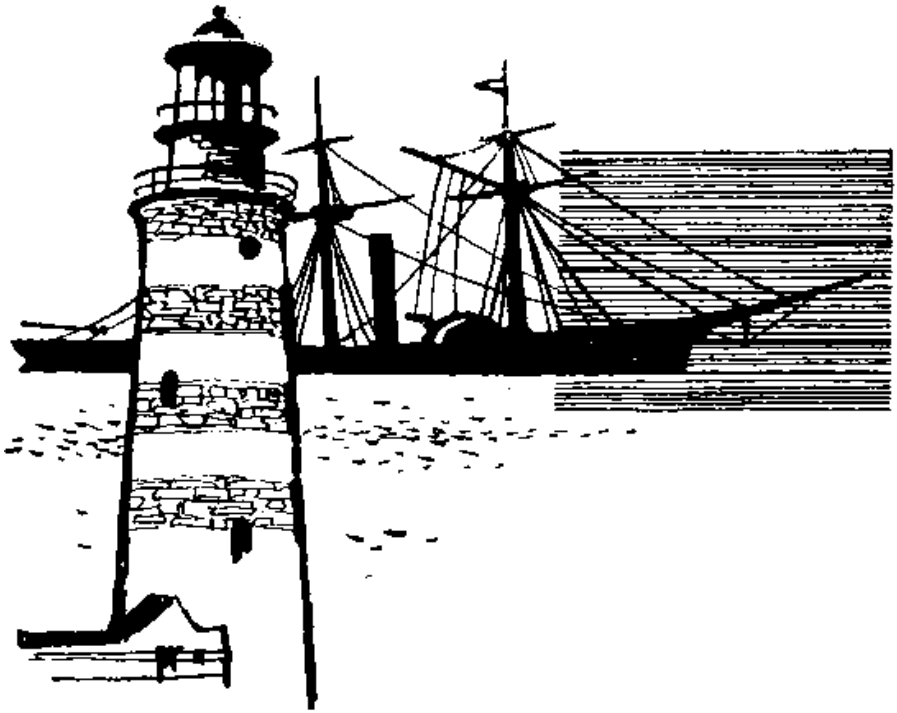
— Вы забываете о том, что их нельзя расстрелять, как простых мачетеро. Имена этих людей, особенно Марти, знает Америка, о них пишут в европейской прессе. Еще пять месяцев назад я предупреждал вас о том, что Марти особенно опасен.

Ваше счастье, что он не ускользнул. Предложите ему выступить в газетах с заявлением о лояльности. Это очень важно для нас. Думаю, он согласится. Он очень умный человек, к тому же беден, и у него красивая жена-аристократка. Обещайте ему свободу и деньги. Если нет — ссылка в Испанию под особый надзор.

25 сентября 1879 года почтовый фрегат «Альфонсо XII» медленно отошел от гаванского причала Кабальериа. Марти махал платком маленькой кучке людей, которым разрешили проводить его: родителям, сестрам и Кармен, которая держала на руках одиннадцатимесячного сына. Он махал, пока фигурки на причале были видны, а потом, не дожидаясь, пока Гавана исчезнет совсем, ушел в каюту.

Быть может, он постоял бы на корме дольше, но он не знал, что покидает Гавану навсегда.

Глава V
НА ЧУЖИХ БЕРЕГАХ



ПОБЕДА НАД ПЫТКОЙ

Уже третий раз Марти плыл дорогой Колумба, и снова она была для него грустной дорогой.

Серо-свинцовая Атлантика угрюмо вздымалась вокруг «Альфонсо XII», и корабль, вздрагивая от киля до клотиков, ронял клочья дыма в пенную борозду за круглой кормой. Пассажиры предпочитали отсиживаться в каютах, и никто не мешал Марти подставлять лицо мокрому соленому ветру, стоя между канатных бухт у бугшприта.

Мысли мелькали беспорядочной чередой.

Опять ссылка, опять одиночество. Пепито, наверное, сейчас гуляет с Кармен. Мама плачет, отец курит. Агилера и Гомес — что с ними? Генерал Бланко требовал лояльности. Сначала они берут Кубу за горло, а потом требуют радостных гимнов. Нет, достоинство и человека и народа упруго, ущемите его — и почувствуете силу противодействия. Десять лет войны позади. Если верить испанским попам, конца кровопролития пожелал сам святой Яков Компостельский, покровитель королевства. Что же, благочестивые проповедники могут провозглашать что угодно. Чем больше провозглашений, тем больше пожертвований. А кровь льется снова, ее не остановить суесловием и молебнами.

Агустино Сендеги не успел сделать кольцо из звена каторжной цепи. А обручальное стало велико, сустав еле удерживает его. Кармен не хочет ничего понимать. Новый завод отца ей дороже, чем свободная Куба. Он, Марти, думал, что сможет примирить любовь и долг, но пока что — нет, это ему не удается…

— Добрый вечер, дорогой доктор, я думал найти вас в салоне…

Марти резко обернулся. Высокий человек с обветренным лицом стоял перед ним, заложив руки за спину. Марти узнал его. Полковник побежденной республики Рамон Роа, один из тех, кто подписал Санхонский пакт, плыл в Испанию, чтобы попытаться заставить правительство выполнять обещания.

Когда на бортах и мачтах «Альфонсо XII» зажглись ночные сигнальные огни, разговор двух кубинцев еще не был кончен.

— Вы правы, полковник, мир — великое благо, но мир в Санхоне — позор! Куба больна не от войны, а от рабского порабощения. Наша страна созрела для независимости, и реформы Санхона — лишь причиняющие боль перевязки на ране, которая ждет смелой руки хирурга…

— Послушайте, Марти, Куба устала. Никто не хочет воевать…

— Куба устала, это так. Но жаль, что сюда, в океан, не доносятся выстрелы из Орьенте — лучший ответ на слова о нежелании сражаться. Разве мишура внешних свобод может обмануть народ? Разве не остались в земле Кубы корни чуть отступившего зла?

— Не будем спорить, дорогой Марти, — вдруг неожиданно мягко сказал Роа. — Мы оба рождены на Кубе…

«Альфонсо XII» рассекал тьму слабо освещенной стрелой бугшприта. Звуки неспокойного ночного моря сливались в глухой ропот.

Роа, высокий и грустный, ушел в каюту, и на сердце у Марти стало еще тяжелее. Вот и еще один солдат устал, сдался, стал вымаливать милости. А ведь это его песню запевали мамби:

Когда над траншеей черной
На грозном ветру — знамя Кубы…

Губернатору Сантандера, куда 11 октября 1879 года прибыл корабль из Гаваны, было в высшей степени наплевать на ссыльных вообще. Он осуществлял «строгий надзор» прежде всего за контрабандой рома и сигар. Сказывалась личная заинтересованность.

Марти понял это и не замедлил уехать в Мадрид.

Он помнил бурный водоворот республиканского Мадрида, красоту его революционного духа и энтузиазм. Теперь ему казалось, что время остановилось и для города на берегах Мансанареса нет ничего важнее свадьбы Альфонсо XII Бурбона с австрийской и венгерской принцессой Марией Кристиной.

Оставив чемодан в дешевом пансионе на узкой улочке Тетуан, он отправился искать давних друзей. Их оставалось совсем немного — старый Берналь, заседавший теперь в кортесах, как один из. трех вест-индских депутатов, да несколько завсегдатаев театра «Эспаньоль».

Мадрид был чужим, холодным. «Я не нашел здесь ничего, что было бы достойным восхищения, — ни театров, ни кружков, ни собраний в Атенео. Ничего».

На почтамте ему дали несколько писем — от Кармен, матери, Вионди, Аскарате. Вионди писал о делах и обещал помогать семье, Аскарате сообщал о ссылке Агилеры и Гомеса в Африку, мать заклинала его беречься от простуд, а Кармен…

«Сто кинжалов не причинят мне столько боли, — записывал в дневнике Марти. — Она не хочет понять меня…»

Дела, порученные ему в спешке Вионди, не отвлекали от

мыслей о доме: «Мне тяжело, я хочу убежать от самого себя — ведь я оторван от родной земли, от ребенка, головку которого можно поцеловать. Я покинул их, чтобы сильнее их любить».

По вечерам он шел в музей Прадо к любимому Гойе или просиживал в зале Национальной библиотеки над грудами Монтескье и Руссо. Он с грустным сожалением смотрел, как жадная до зрелищ уличная толпа приветствует спектакль королевской свадьбы — «бесполезную, помпезную византийскую церемонию…».

В конце концов он заболел и по ночам будил хозяйку пансиона долгим кашлем. Добрая толстуха носила жильцу горячее молоко и грелки. Право же, он заслужил это, он был таким скромным и бледным, вежливым и одиноким. И к тому же пока что платил вперед.

Старый Берналь привез доктора, а когда тот ушел, оставив листки с рецептами, сказал с хриплым вздохом астматика:

— Ты сам себя сжигаешь, Пене…

Едва поднявшись на ноги, Марти отправился к депутату Мартосу. Виондi считал, что Мартос стал «способным координатором либеральных сил», и надеялся, что он сможет хоть чем-то помочь Марти в защите дела Кубы. У Марти были основания не соглашаться с Виондi — он помнил речи Мартоса на сессии кортесов в первые дни Второй республики. Но он все же пошел к «координатору» — «пусть никто не упрекнет меня в том, что я не использовал все средства».

У Мартоса была вытянутая, странной формы голова, очки в черной оправе сидели косо. Депутат был наслышан о Марти прежде, но особого значения этой фигуре не придавал. И вот теперь в течение двух часов он не переставал удивляться фанатической, как ему казалось, убежденности сосланного поэта.

— Санхон — это обман, — быстро говорил Марти, — в стране нет мира, Кубой по-прежнему правят страх и ненависть. Нам обещали реформы и амнистию, а каторжные тюрьмы Сеуты, Чафаринаса и Махона[31] набиты секретно высланными патриотами.

Революция живет в сердце каждого, Куба видит, что реформизм — ложный путь, что ему не суждено погасить огонь борьбы, потому что не в интересах испанцев покинуть остров…

«А ведь он прав, — вдруг растерянно подумал Мартос. — Или его дорога войны, или, как прежде, испанский гнет. Третьего не дано…»

На следующий день они встретились в кортесах. Марти сидел на галерее для публики, и горькая усмешка кривила его губы. Ничего, пусть Мартос, как попугай, повторяет с трибуны

услышанное вчера. Лишь бы его услышали депутаты. Чем он кончит, чего потребует?

— …Прошу милости для несчастного острова. Лучшей щедростью его величества в связи с бракосочетанием была бы обещанная эмансипация рабов…

Марти поглядел на Берналя. Старик тонул в кресле, устало склонив голову.

«Не верит, — подумал Марти. — Поддержит, конечно, Мартоса, но уже ни во что не верит…»

Мартос взглянул на Марти, чуть развел руками, словно говоря: «Я сделал все». Марти вежливо кивнул.

Спустя месяц Вионди читал письмо Мартоса: «Марти произвел на меня такое впечатление, что я должен тебе сказать: он самый талантливый человек, которого я знаю».

Вионди вздохнул, сунул листок в конверт. Мартос не открыл Америки этим отзывом. Где-то сейчас Пепе? Что он делает?

А Марти собирался в дорогу. Ничто не удерживало его в Испании. Министры короля так и не отменили рабства. Призывы Роа не помогли, и Марти стал свидетелем исполнения своих предвидений, свидетелем бессилия либералов. Он жалел только одного из них — Берналя, и только старик что-то значил для него теперь во всем Мадриде.

Марти покидал Испанию, но путь его лежал не на Кубу. Билет на родину был слишком дорог: ссыльные могли заплатить за него лишь публичным отречением.

В канун отъезда он перечитывал последние письма. Кармен всегда хотела для него должностей и чинов, а он оставался опасным безумцем. Теперь она уехала с Пепито к отцу, и конверты со штампом Камагуэя леденили ему ладони.

«…Трудности громоздятся на моем пути, — написал Марти Вионди в тот вечер. — Но они предназначены для меня и ни для кого другого. Во мне борются долг перед страдающей родиной и семейный долг, каждый из которых требует принести другого в жертву. Это молчаливая пытка. Однако было бы трусостью взять на себя большую ответственность, а в тяжелый момент сбросить ее… Легко преуспевают лишь те, кто не боится быть несправедливым.

Пусть все, что предназначено мне, придет. Без слабости и усталости я протягиваю свои руки навстречу».

В Париже Марти встретил Огюст Вакери. Они познакомились еще в январе 1875 года, и теперь Вакери устроил обещанную тогда встречу с Гюго. На улице Клиши, 21 кубинец и француз вошли в полутемный подъезд и поднялась на пятый этаж.

К сожалению, не сохранилось документов, достоверно

повествующих о беседе двух гениальных сынов своего времени. Мы знаем лишь, что Марти записал: «Наш век и Гюго неразделимы…»

3 января 1880 года Марти шел по улицам Нью-Йорка. Он решил сразу испробовать свой английский и после нескольких бесед с упитанными полисменами разыскал дом кубинца Мануэля Мантильи. Дон Мануэль и его жена Кармен Мийярес, которую друзья звали просто Кармитой, сдавали комнаты внаем.

Марти купил большую бутылку хереса, и обитатели дома Мануэля Мантильи подняли бокалы «за здоровье доктора». В тесной гостиной стоял шум, знамя Кубы над камином, словно в бою, заволакивало синим дымом. Марти снова был среди друзей.

Как и всякого новичка, его неудержимо тянуло на улицу. В тот год, на его счастье, нью-йоркская зима была теплой, снег таял, едва выпав. Все же Кармита заставила Марти истратить кучу денег, и он стал похож на стопроцентного янки: тяжелое широкое пальто, калоши, теплый шарф и шляпа знаменитого фасона «дерби».

Теперь простуда была не страшна. Изучая Нью-Йорк, Марти медленно проходил мимо хмурых фасадов Уолл-стрита, улыбался при виде деревенских домишек, уцелевших в районе 59-й улицы, пил жидкий кофе с молоком в крохотных закусочных на углах, катался на поездах городской железной дороги, грохотавших над улицами по стальным пятиметровым эстакадам и пугавших впряженных в фаэтоны лошадей. Он покупал каракасские газеты и кубинские апельсины, слушал песни негров в Гарлеме и сравнивал бульвары Испанской Америки с претенциозной Пятой авеню. К вечеру пляшущий свет газовых фонарей ронял на его усталое лицо неверные блики. Он шел домой, а Нью-Йорк по-прежнему гудел и свистел, кутался в драные шарфы и норковые манто, спешил и фланировал, стенал и улыбался, покупал и продавал… Почти полуторамиллионное сердце Соединенных Штатов 1880 года восхищало и подавляло своей грандиозностью.

Внешне все было действительно великолепно. Почтенные дамы раздавали бедным бесплатный суп, в Метрополитэн-опера пела Аделина Патти, а «Общество толстяков», куда мог быть принят каждый, кто достиг, веса в двести пятьдесят английских фунтов, насчитывало уже более тысячи человек.

На деле было другое. Соединенные Штаты переживали трудные годы экономического становления.

Минуло едва тридцать лет с того дня, как у Тихого океана на маленькой мельнице Суттера были найдены первые крупицы желтого металла — микробы, заразившие страну золотой

лихорадкой. Как ни странно, больше всего золота осело в карманах Корнелиуса Вандербильда, который и не думал ездить в Калифорнию. С шестизарядным кольтом в руках он грузил золотоискателей на свои суденышки, отправлявшиеся к берегам надежд. Теперь этот джентльмен носил сшитые в Париже сюртуки, прятал кольт в письменный стол и откровенничал с прессой: «Что мне законы? Разве у меня нет власти?»

Отгремела великая гражданская война между Севером и Югом, между свободой и рабством. Из недр Аппалачских гор, из рудников Огайо, Индианы и Иллинойса потекли угольные реки, подвластные воле еще одного нувориша — Марка Ханна. Уже родилась «Стандард ойл компани», и Рокфеллер хладнокровно разорял мелкую нефтяную сошку.

Темп жизни убыстрялся все более. Уже не осталось свободных земель на востоке, города росли не вширь, а ввысь. Два плечистых висконсинца, Армор и Свифт, прославили Чикаго консервами из пахнущей конским потом «говядины». Словно гигантский стальной бич, страну перехлестнула трансконтинентальная железная дорога. Вместе с дымом в паровозные трубы вылетали надежды мелких акционеров. Спекулируя их доверием, Джей Гульд, которого Гвен назвал «проклятием Америки», заграбастал четверть миллиарда.

«Migt is right» — «Кто силен, тот и прав». А силен тот, кто богат. Суды над высокими мошенниками заканчивались оправданием подсудимых или не начинались вовсе. Судьи стоили недорого в стране, где продавались сенаторы, министры и президенты.

Казалось, что ничего не поделаешь. «Each man for himself» — «Каждый за себя» — гласил еще один одобренный Всемогущим Долларом принцип. Но Справедливость, Честь и Человечность нашли своих защитников.

Весной 1864 года выступления рабочих заставили законодателей штата Нью-Йорк отказаться от принятия антизабастовочного билля. В том же году бостонский слесарь Айра Стюарт организовал Ассоциацию рабочей реформы для борьбы за восьмичасовой рабочий день. Это движение поддержали Уэнделл Филлипс, в недавнем прошлом крупнейший деятель аболиционизма, Уильям Сильвис, вожак профсоюза, объединявшего сталеваров США и Канады, и многие другие борцы. Летом 1866 года первый американский рабочий конгресс провозгласил в Балтиморе создание Национального рабочего союза. Враг уже был известен — промышленная и финансовая буржуазия.

Рабочие Америки начинали понимать правильность пути,

избранного I Интернационалом. В 1870 году состоявшийся в Цинциннати конгресс Национального рабочего союза принял резолюцию, в которой говорилось: «НРС заявляет свою приверженность принципам Международного товарищества рабочих и надеется присоединиться к упомянутой организации в ближайшее время».

В дни Парижской коммуны пролетарии США собирали средства для восставших, а после падения Коммуны протестовали против подлого поведения американского посла во Франции Уошберна, который ратовал за расстрел коммунаров. Выражая мысли рабочих, Уэнделл Филлипс говорил:

— Я приветствую Париж как авангард мирового Интернационала. Люди, возглавлявшие Коммуну, являются самыми передовыми, честными и благородными патриотами.

13 сентября 1871 года двадцать тысяч рабочих прошли по Нью-Йорку, требуя восьмичасового рабочего дня. Над одной из колонн колыхалось алое полотнище со словами: «Если мирные попытки окажутся безрезультатными, тогда революция».

Митинги специалистов проходили с неизменным успехом. Пролетариат США нащупывал верный путь, но успеху рабочего движения помешал разразившийся в 1873 году кризис. На улице оказалось три миллиона человек. В Нью-Йорке полиция расстреляла демонстрацию союза безработных, в других городах их травили собаками и избивали. Кризис тянулся до 1878 года. Пятилетний террор и голод привели к почти полному развалу еще не окрепших рабочих организаций.

В 1879 году Межнациональный рабочий союз, созданный последователями Маркса в Соединенных Штатах, провел все же ряд успешных забастовок. Но начинавшийся промышленный бум сбил остроту классовых боев. Страна понеслась вперед на всех парах. По меткому выражению Марка Твена, богом № 1, самым большим, надежным и лучшим в мире американским богом, окончательно стал «самодовольный Доллар» — достойный потомок «самодовольного английского Фартинга». Кошмарные отчеты о варварстве «красных» сменились на первых полосах газет сенсациями из уголовного мира.

И сквозь бесстыдную мишуру просперити лишь немногие видели истинное положение дел.

В первые дни после приезда в Нью-Йорк Марти считал США образцовым государством. Но еще не истек январь, как в душе кубинца появился холодок разочарования. Он заметил следы перерождения на лице американской свободы и постепенно начал понимать, что преступный альянс между дельцами и политиканами медленно, но верно превращал демократию в

удобный для гульдов и морганов оффис.

И все же Марти, вырвавшийся из монархической Испании, дышал полной грудью. Никто не следил за ним, никто не принуждал к чему-либо. Кубинские эмигранты вокруг были полны неясных, но и неугасающих надежд.

— Э, дон Хосе, — говорил вечерами Мануэль Мантилья, — мы надеялись на завтрашний день на Кубе, мы ждем его и здесь…

— Я вижу, как трудно жить в Нью-Йорке, — отвечал Марти, — но все-таки здесь свобода. Что же до трудностей — разве они не закаляют нас, не делают более сильными?

Он написал в Гавану о своем намерении вызвать жену и сына в Нью-Йорк, «как только обретет свою крышу в новой стране». Последние деньги он истратил на картуз и пальтишко для любимого Пепито.

Кармен ответила сердитым письмом, но Марти понял, что она хочет приехать. И он кинулся искать работу.

В издательстве бывшего президента Революционного комитета Понсе де Леона и его друга, венесуэльца Болета Перасы, которое выпускало литературу на испанском языке, не было ничего. Симпатизировавший кубинцам издатель Фрэнк Лесли погряз в долгах. Знаменитый Эпплтон, на которого Марти возлагал самые большие надежды, путешествовал по Европе, а его заместитель отказал даже в аудиенции.

Это было закономерно. В погоне за осязаемыми благами людям было не до духовной пищи. Французские и испанские профессора филологии радовались месту корректора или переводчика. Марти снова и снова пешком проходил из одного конца города в другой, прочитывал все объявления в газетах, но переводчики и корректоры не требовались никому.

В конце концов гонорар за перевод писем для нескольких мелких торговых фирм позволил ему воспрянуть духом. Он подарил детишкам Кармиты шоколад, а Вионди отправил письмо, где говорилось: «Может быть, все январские тучи исчезнут в феврале».

Теперь, с первыми заработанными долларами в кармане, он мог отправиться в нью-йоркский Революционный комитет, куда не хотел идти в первые дни, чтобы не выглядеть беспомощным просителем. Его встретили Каликсто Гарсиа и новый председатель комитета Хосе Франсиско Ламадрис.

Когда после краткой беседы он ушел, получив приглашение на обед в дом генерала, Гарсиа сказал Ламадрису:

— Очень, очень милый молодой человек. И образованный, и умный, и, очевидно, смелый. Мне много говорили о его работе в Гаване до провала. Но какой из него солдат? Он пробыл в

комитете полтора часа, из которых мы беседовали тридцать минут. Остальное время он кашлял…

«НАМ НЕ СДЕЛАТЬ БЕЗ НЕГО РЕВОЛЮЦИЮ»

Марти остался не очень доволен беседой.

Он вспоминал тесную комнату комитета с длинным и узким столом посредине, где склонялись над мятой картой острова усатые люди в длинных пиджаках и повязанных бантом галстуках. Он вспоминал их разговоры — отрывистые и четкие фразы профессиональных военных, для которых не существовало ни сомнений, ни проблем. Их заботило только одно: деньги и оружие.

Оружие… Восемь винтовок, стоявших в углу. У кого-то на квартире хранится еще четырнадцать. Ролоф обещал принести дюжину револьверов. И это пока все.

Члены комитета — храбрые ветераны, славные представители поколения, которое подняло знамя восстания в 1868 году. Но ведь они хотят воевать вслепую! Идет январь, а последние известия с острова датированы ноябрем. В ноябре в Орьенте сражались негритянские отряды, в центре острова дрались патриоты под командованием Серафина Санчеса, Эмилио Нуньеса, Франсиско Каррильо. А сейчас уже январь.

Генерал Гарсиа возглавляет войну по праву. После Максимо Гомеса и Антонио Масео он, несомненно, один из самых популярных и талантливых военачальников, вставших во главе повстанцев. Он не подписал Санхонского пакта — после ста дней боев в окружении он выстрелил себе в голову, чтобы не сдаваться живым. Вылечив пленника, испанцы посадили его в смердящую одиночную камеру. Какой страшный шрам пересекает лицо дона Каликсто!..

Но почему генерал нарушил слово, данное Антонио Масео? Ведь он специально ездил в Кингстон, на Ямайку, чтобы согласовать с Масео планы войны. Масео должен был командовать первой же большой экспедицией на Кубу. А теперь вместо него назначен генерал Бенитес. Конечно, Бенитес храбрый и преданный человек. Но разве пойдут за ним гуахиро Орьенте, разве откликнется Камагуэй? Они ждут одного вождя, и этот вождь — Масео.

Что же случилось? Как поговаривают, Масео отстранен, потому что он мулат, а Бенитес назначен, потому что он белый. Неужели снова «fear of the negro»[32]? Хуан Гомес считает, что только из-за этого в Десятилетнюю войну был отклонен

выдвинутый Масео план прорыва из Орьенте и Камагуэя в западные провинции Кубы. Тогда богатые плантаторы испугались, что все негры по всей Кубе возьмутся за оружие; что, разгромив испанцев, они поднимут руку и на своих бывших хозяев; что война за свободную от Испании Кубу станет «черной войной» и остров превратится во второе Гаити, в республику негров. Не случайно слышались возражения против выдвижения «цветных» на командные должности, не случайно еще тогда плелись интриги против Масео.

Но неужели члены комитета и сам Гарсиа — единомышленники расистов-плантаторов? Нет, это невозможно! Но, быть может, они вынуждены были уступить чьему-то давлению?

Так или иначе, отстранение Масео выгодно только врагам. «Fear of the negro» — этим призраком запугивают кубинцев сторонники аннексии острова Соединенными Штатами, страной, где расизм лишь слегка пошатнулся после удара, нанесенного ему Линкольном. Но программа аннексионистов не годится для бойцов за независимость. Тот, кто разделяет народ, отдаляет победу.

Неужели Ламадрис и Гарсиа не понимают, что войну решает не только количество винтовок?..

И все-таки Марти решил участвовать в работе комитета, хотя и был не согласен со многим. В конце концов, думал он, эти люди готовы платить жизнью за свободу Кубы.

Теперь вечерами он шел туда, где готовили революцию. Он выполнял любые поручения — составлял письма с призывами жертвовать на войну, пересчитывал винтовочные патроны, встречал в нью-йоркском порту эмигрантов.

Он не думал о себе, забывая укутывать горло, надевать под пальто теплый свитер. И вскоре он простудился. Казалось, кашель разорвет ему гортань. Кармита уговаривала его лечь, несдержанный Ролоф ругался по-русски и по-испански. Марти так и не лег. Он счел, что болеть ему некогда, и по-прежнему пропадал в комитете.

— А мы не ошиблись, назначив его субделегадо гаванской хунты, Каликсто, — сказал как-то Гарсиа осторожный Ламадрис.

24 января 1880 года из подъезда старинного четырехэтажного здания «Стик-холла» чинно выходили группы членов какого-то религиозного братства. На смену им в зал вливались шумные, оживленно жестикулирующие люди — живущие в Нью-Йорке кубинцы. Они приходили с семьями и в одиночку, желая увидеть друзей и блеснуть новыми туалетами. Они уже много раз собирались вместе, каждый примерно знал, что ждет его на этом

вечере, и поэтому всеобщее настроение было благодушно-спокойным.

Марти должен был участвовать в таком собрании впервые. Ему стоило немалых трудов убедить генералов, что народом нельзя командовать, как военным лагерем, что необходимо выступить с терпеливым разъяснением целей революционной войны сразу перед сотнями кубинцев, большинство которых еще не принимало участия в координируемой комитетом деятельности. Однако генералы слабо верили в силу слова, и Марти не раз был близок к отчаянию, видя, что комитет по-прежнему предпочитает иметь дело лишь с узким кругом ветеранов, уже не мыслящих своей жизни вне боев и походов.

Все-таки он сумел перетянуть на свою сторону Ролофа, затем Ламадриса. После этого великодушно позволил убедить себя и Гарсиа.

Теперь у Марти была одна мысль — победить равнодушие к борьбе родины, которое еще жило в сердцах многих озабоченных своими насущными нуждами соотечественников. С самого утра он не выходил из своей комнаты, склонившись над набросками речи. Тихо входила Кармита, ставила на край стола кофе и сандвичи. Марти благодарно кивал и писал, писал…

К вечеру, как ему казалось, он сделал все. Он снова выпил кофе и надел жестко накрахмаленную рубашку.

Выйдя на сцену «Стик-холла», он услышал, как шумит зал. Но это не был шум одобрений или протестов. Это был самый ужасный для оратора шум — безразличия.

Лишь немногие в Нью-Йорке хорошо знали Марти. Основная масса кубинцев, эмигрировавшая восемь-десять лет назад, не слышала ни его фамилии, ни его речей, ни стихов. Первые слова, сказанные им негромко, вернулись, словно отскочив от первых рядов. Марти сделал шаг вперед и четко повторил их:

— Долг нужно выполнять просто и естественно…

Дрожащее пламя газовых рожков заставляло приплясывать невысокие тени на полу и на стенах. Аудитория постепенно замолкала, люди смотрели на сцену, откуда на них несся поток страстных, огненных слов. Молодой человек, сжавший в руке листки с набросками речи, был не похож на выступавших здесь прежде.

— Минувшая Десятилетняя война была необходимостью для народа Кубы, который еще совсем недавно пребывал в рабстве. В этой справедливой войне кубинцы сделали героические подвиги ежедневной реальностью, а необыкновенное — обыкновенным…

Зал слушал все внимательнее. Многие спрашивали у соседей имя оратора.

— Марти? Кажется, это парень из «Сан-Пабло», которого испанцы судили в шестьдесят девятом… Марти? Я знаю от Аскарате… Марти? Мне говорил полковник Роа… Ну да, это он! Все такой же бледный. Тише, тише, слушайте, слушайте!

— Взгляните на тех кубинцев, которые склонны скорее теоретизировать, а не бороться. Их образ мыслей целиком испанский, и они более всего боятся нарушить свои финансовые дела. И каким поразительным контрастом выглядят сердца и лица тех, кто, полный спокойной смелости, предпочитает работать, чтобы построить свои новые дома на своей земле, освобожденной ценою бескорыстных усилий и жертв. Я вижу эти лица здесь, в этом зале, я слышу биение этих сердец, и я верю, что единая воля кубинцев спасет Кубу…

Он говорил больше часа, и больше часа «Стик-холл» сидел как на иголках, подхваченный полетом его ясной мысли. Аплодисменты и крики «Браво!» гасли быстро — люди хотели услышать каждое слово.

— Пусть будет сказано на этой пуританской земле: несправедливо обвинять граждан нашей Испанской Америки в бунтах и неповиновении. Грехи раба целиком лежат на его хозяине!

Аплодисменты вспыхнули лишь в середине зала и сзади, и Марти почувствовал, как настороженно напряглись первые ряды. Вот он, вечный камень преткновения, вот оно, лицо скрытых рабовладельцев, сторонников присоединения Кубы к Штатам, где до сих пор негр не чувствует себя свободным. Вот она, причина отставки Масео!

— Я верю в людей, отдающих жизнь во имя всеобщего блага. Я помню молчаливых индейцев, которые тысячами гибли в боях за свободу нашей Америки, я помню негров и мулатов, без которых не было бы многих побед минувшей войны.

И не нам говорить о подозрениях в строю бойцов. Янки, эти саксонцы севера, считают слегка цветными всех кубинцев без исключения, и дело тут не в цвете кожи, а в мании владычества, в цезаризме янки, которые хотят повелевать на землях всей нашей Америки.

Решение кубинцев в час новой войны может быть только одно: прежде чем мы откажемся видеть нашу родину свободной и процветающей, сольются воды Севера и Юга, а змея родится из яйца орлицы. Так пусть эта война, эта революция станут общим делом!

Аплодируя вместе со всеми, Гарсиа наклонился к Ламадрису:

— Я бы не сумел так сказать.

— Ему не сделать революцию без нас, а нам — без него,

Каликсто, — ответил Ламадрис.

Речь Марти явно помогла патриотам. Негры и мулаты, охладевшие было к новой войне после отставки Масео, снова стали откликаться на призывы комитета, пожертвования возросли. Кубинцы, казалось, стали более единодушны.

Еще в канун собрания в «Стик-холле», 24 января, Гарсиа не был уверен, стоит ли выпускать Марти на сцену. А 25 января он мог в пух и прах разнести любого, кто отозвался бы о Марти нелестно. Впрочем, таких не находилось. Колония единогласно признавала за Марти блестящий талант и редкий патриотизм.

Когда в комитете решался щекотливый вопрос о том, кому идти за деньгами к богатому торговцу Мигелю Кантосу, первым было названо имя Марти. С ним вместе отправился Ролоф.

Сеньор Кантос уже привык к американской манере вести дела. Выслушав Марти, он достал коньяк и ответил:

— Ты мог бы говорить покороче, сынок. Я ведь был в «Стик-холле». Я обещаю комитету корабль и часть оружия…

Спустя пару недель в комитет прибыл посланец с Кубы. Из провинции Лас-Вильяс от Франсиско Карильо он привез собранные среди кубинцев песо.

Гарсиа ликовал. Деньги Кантоса, Каррильо да и его собственные сбережения уже позволяли кое-что сделать. 17 апреля во главе группы вооруженных экспедиционеров суровый генерал отплыл из Джерсей-сити на борту маленькой шхуны «Хэтти Хэскел».

Марти остался в Нью-Йорке. Так решил комитет. Все, кроме, разумеется, его самого, считали, что он лучше поможет революции, отвечая за поставку всего необходимого для войны.

Бурный водоворот внешне неприметных, но весьма важных и знаменательных событий захватил Марти. Газета «Ла Индепенденсиа», которую выпускал комитет, в каждом номере призывала кубинцев к пожертвованиям, и в кассе снова появились доллары. Их приносили те, кто был беден. Дворники и разносчики дров, кучера фаэтонов и сигарочники. Кубинцы и американцы.

Денег все-таки не хватало, и Марти, надев свой единственный костюм, сам отправлялся в богатые кварталы. Чаще всего он шел пешком — билет городской железной дороги стоит пять центов, как и чашка кофе. Еще по дороге он чувствовал, как в груди нарастает раздражение. Он знал, что хозяева особняков будут любезны, а когда разговор зайдет о покупке винтовок, пообещают дать ответ позднее. Слишком многим из них не дорога свобода Кубы.

Да, конечно, думал Марти, янки ориентируются в политике

куда лучше. Воротилы сахарного треста, например, не пожалеют денег, чтобы прибрать к рукам кубинские плантации. Те, кто хочет аннексии, давно предлагают постучаться в их двери. Но разве это нужно Кубе?

Марти отдавал комитету свои последние доллары и снова скоро оказался в долгах. Но Нью-Йорк уже влил новые соки в его несколько академичный английский язык, и проблема работы была, наконец, решена. 21 февраля 1880 года только что созданный еженедельник «Аур» познакомил американцев с первой статьей Марти.

Статья была посвящена работам художника Мадрасо и понравилась знатокам. Редакция, прежде видевшая в Марти случайного автора, тут же поручила ему вести отдел критики искусства.

Марти оправдал и надежды и гонорары.

«Аур» получил серию очерков о «сверхтонкости» француза Фортуни, которого влекли исключительно испанские сцены, «бедности фантазии» баталиста Мессонье, «розоватой гладкости» поклонника женской прелести Бугро и многих других вопросах.

Снова, как когда-то в Мексике, Гватемале и на Кубе, Марти стал желанным гостем на литературных вечерах и домашних спектаклях, дискуссиях и обедах. Почтенные дамы благосклонно улыбались, когда он приглашал их на вальс, а юные сеньориты требовали стихов в альбомы.

И он писал пустяковые четверостишия, спорил о новых пьесах, а вернувшись домой, устало говорил Кармите:

— Сегодня, танцуя с женой одного сеньора, я убедил ее купить для Гарсиа пять винтовок…

Кармен и Пепито приехали в весенний день, когда неяркое нью-йоркское солнце высушило тротуары и крыши, и традиционный ритм жизни в пансионате Мантильи рухнул под бурным натиском двухлетнего сорванца. Марти перестал ходить на диспуты, товарищи по комитету понимающе кивали, когда он торопился домой. Кармен не изменила своим привычкам, и сейчас же по приезде она заказала на Парк-авеню новое платье, но была необычно тиха и нежна.

Жизнь, казалось, начиналась сначала. Все чаще в черную кожаную папку ложились листки с набросками будущих стихотворений, и Пепито затихал, слушая ритмичную речь отца:

Мальчик, ты для меня
Опора моя и корона…

Да, все как будто бы шло хорошо, но раны прошлого не рубцевались. «Я не чувствую себя одиноким сейчас, — писал Марти Виронди, — но корни, даже после того как вырваны, оставляют свой след в земле…» Обостренная интуиция поэта предсказывала возможность нового взрыва.

Он случился, когда Ламадрис отправился в Ки-Уэст, основанный кубинскими эмигрантами на скалистом островке в двух третях пути от Кубы до Флориды. Там жили табачники, называвшие свой город на кубинский манер — Кайо-Уэсо и свято хранившие вольнолюбивые традиции.

Ламадрис не без оснований рассчитывал получить у них финансовую поддержку и уехал, возложив обязанности президента комитета на Марти.

Опять, потратив день на переводы и журналистику, Марти пропадал на митингах и собраниях. Кармен была вне себя. Нет, не затем она ехала в Нью-Йорк, чтобы смотреть, как получает туберкулез ее муж и простуживается ее ребенок. Нет, она не оставит Хосе в покое, пока тот не бросит пустую игру в революцию и не начнет спокойную жизнь. Уж лучше жить в Камагуэе, где нет электричества, но зато есть тишина…

Марти молчал. Кармен была права — на Кубе они могли бы не знать нужды. Один из родственников ее отца занимал в колониальной администрации весьма и весьма важный пост. Он давно обещал, что власти смогут закрыть глаза на прошлое Марти и предоставят ему достойное его поэтической славы место.

Марти молчал, но не колебался. «Ты знаешь, Виронди, — писал он в те дни в Гавану, — ты знаешь, что, каким бы ни был я фантазером и идеалистом, в моем сердце нет места для несбыточных иллюзий. Невозможное возможно. Нас называют сумасшедшими, но мы, сумасшедшие, — мудрецы. Я по-прежнему буду растить дерево, хотя, — я это чувствую, мой друг, — тень его ветвей никогда не упадет на мой дом».

Весна была ясной, с жаркими полднями, а в доме Марти становилось все холоднее. Даже маленький Пепито, словно догадываясь о разладе, смотрел невесело.

И все же радость, которой так не хватало в Нью-Йорке, пришла. 7 мая генерал Гарсиа с шестью спутниками высадился в Асеррадеро, на южном побережье провинции Орьенте. 13 мая кубинцы передавали из рук в руки только что отпечатанную прокламацию. В ней говорилось, что высадка Гарсиа — это триумф воли народа, которая служит уздой для испанских завоевателей. Прокламация призывала создать армию, которая бы работала, чтобы помогать армии, которая сражается.

Ни для кого не было секретом, что текст составлял Марти.

Эмигранты воодушевились снова, приток денег усилился, и от комитета ждали новых сообщений, призывов и распоряжений. Люди хотели побед, оптимизм побеждал равнодушие, хотя никто и не мог точно сказать, что же происходит на Кубе в действительности.

ПОРАЖЕНИЕ

Когда Марти писал «Обращение 13 мая», он знал, что сама по себе высадка Гарсиа еще ничего не решает. Генерал мог рассчитывать на успех, лишь приняв командование повстанческими отрядами. Для этого горстке его храбрецов нужно было отыскать в горных лесах Орьенте группы Хосе Масео, Гильермо Монкады и Кинтина Бандераса, а потом соединиться с мамби в центре и на западе острова.

Однако и этого было мало для победы. Долгожданная, полная и всеобъемлющая, она могла прийти лишь в случае всенародной поддержки вновь начатой войны.

Тянулись недели, полные надежд и разочарований. Слухи с Кубы противоречили один другому, новые ссыльные сообщали о боях и арестах, о предательской тактике либералов-автономистов, которые слали к повстанцам своих эмиссаров, чтобы убедить их сложить оружие. Восстание только мешает реформам, кричали автономисты, преступно платить жизнью патриотов за то, что испанцы обещают дать стране в случае мира.

Марти становилось все труднее поддерживать бодрость духа среди единомышленников.

1 июня прекратили борьбу мамби Орьенте. Хосе Масео, Монкада и Бандерас так и не встретились с Гарсиа. Не зная даже о его высадке, без патронов и продовольствия они вступили в переговоры с испанцами. Мамби просили одного — возможности покинуть остров. Испанцы согласились. Но едва перегруженная шхуна с кубинцами вышла в открытое море, ее настигли испанские канонерки. Повстанцев отправили на каторгу.

Бригадный генерал Грегорио Бенитес, который должен был поднять Камагуэй, также оказался в плену. Разобщенность и неподготовленность восстания приносили свои горькие плоды.

Что мог поделать Марти? Страна не поддерживала повстанцев, это было ясно. Но он продолжал убеждать маловеров и подбадривать нытиков. В конце концов все еще могло измениться, ведь Гарсиа был на Кубе, а в Лас-Вильясе по-прежнему сражались отряды Франсиско Каррильо, Серафина Санчеса и Эмилио Нуньеса. Он говорил так всюду и только вечером, дома, позволял себе снять маску оптимиста.

Может быть, ему было бы легче, если бы не Кармен. И без ее упреков он видел, что семья на грани нищеты. Заказ от журнала «Аур» на три большие статьи под общим заголовком «Впечатления нового испанца» пришелся весьма кстати.

Прислушиваясь к дыханию спящего сына, Марти исписывал лист за листом, и трагичность бежавших дней накладывала свою печать на неровные строки: «Соединенные Штаты — действительно надежда мира. Но им недостает всех тех духовных факторов, которые необходимы в качестве устойчивого прибежища для правды, свободы и человеческого достоинства».

Нью-Йорк мерцал за окном тысячами бледножелтых и голубых огней. Марти вспомнил грустную песенку негра, натиравшего недавно пол у Кармиты:

Негр сеет хлопок на холме,
Негр уберет его.
Белый возьмет себе деньги,
А негру не даст ничего.
Сидит на ветке дятел,
Он учится считать.
Всё белые забрали,
А негр ни с чем опять.

Он спросил тогда у негра, откуда тот родом. «С Миссисипи», — ответил негр. Он уехал на север потому, что ударил белого, который приставал к его дочери. «Нас пятеро в семье, доктор, — говорил негр, — и все мы уехали через час. До утра бы нам там не дожить…»

Да, вот она, Америка, надежда мира. Негр бежал с Юга, а владельцы плантаций именно к южным штатам хотят пристегнуть Кубу. Нет, никогда! Только свобода и полная независимость! Америке еще далеко до совершенства. Так и нужно написать: «Не направляется ли вся плодотворная энергия страны исключительно на материальные цели? Когда наступят тяжелые дни, какое богатство, если не богатство духа, сможет помочь этой стране в ее колоссальном несчастье?»

Статьи были опубликованы и оценены по достоинству. Но скоро их отодвинули на задний план другие, грозные и печальные события.

Генерал Гарсиа не смог встретиться с мамби Орьенте, и 3 августа, измученный скитаниями в горах, он сдался испанцам вместе со своими едва идущими бойцами. Спустя две недели генерал-губернатор Кубы[33] Бланко докладывал Мадриду: «Я обошелся с ним хорошо и посылаю его в Испанию». «Хорошее обращение» означало арест, а «посылаю» — ссылку.

Следом за Гарсиа прекратили бои отряды Франсиско Каррильо и Серафина Санчеса. Один Эмилио Нуньес продолжал дерзко сражаться, считая, что выдвинутые испанцами условия

примирения «хуже, чем в Санхоне».

Испанцам пришлось потрудиться, чтоб окружить горстку последних повстанцев в одной из долин центральной Кубы. Но и тогда отчаянный Нуньес решил сдаваться, лишь предварительно связавшись с комитетом в Нью-Йорке. Бланко мог, конечно, просто раздавить мамби силой своей артиллерии, сконцентрированной вокруг их лагеря. Но он решил не будоражить общественное мнение такой «победой» и согласился. Нуньес послал офицера в Нью-Йорк. Гонец вернулся с письмом, подписанным Марти и Ламадрисом. Комитет разрешал Нуньесу сдаться.

Прочитав письмо, Нуньес длинно выругался. Собственно говоря, он не ожидал иного распоряжения, но все же было горько отправляться в плен, ничего не добившись и потеряв столько храбрых товарищей.

— Это еще не все, — сказал вернувшийся из Америки капитан. — Вот личное письмо от Марти.

Нуньес вскрыл конверт, злясь еще более. Вечно эти поэты размазывают то, что можно сказать в двух словах.

«Считаю бесполезным для вас и для нашей родины дальнейшее пребывание ваше и ваших товарищей на поле сражения».

Ну, чтобы сказать это, незачем было писать еще одно послание. Что дальше?

«Такие люди, как вы и я, должны желать для нашей родины радикального освобождения. Оно необходимо, и пусть оно придет с помощью силы сегодня, завтра или когда бы то ни было, но — лишь когда оно станет возможным, в единственно нужный и безошибочно избранный момент. И у нас должен быть тщательно обдуманный, величественный план строительства новой страны».

Нуньес смягчился. Марти прав.

«Наша честь, наше дело требуют, чтобы мы покинули поле боя. Мы не заслужили и не должны заслужить репутацию таких профессиональных революционеров, которые способны жертвовать благородными жизнями ради своих целей, — пусть даже неоспоримо честных! — целей, триумф которых сейчас невозможен».

Нуньес дочитал письмо, взглянул на дату — 13 октября. Усмехнулся: письмо писалось в несчастливый день. Позвал молоденького адъютанта.

— Всему лагерю — на коней! Строиться!

И тихо добавил:

— Мы сдаемся, чико…

Война, которую историки назвали «малой», была кончена.

Генерал Бланко звенел новыми орденами, либералы потирали руки, а патриоты — настоящие патриоты — стали думать о новых боях.

Думать — потому, что сделать что-либо было необычайно трудно. После того как в Гаване с помпой было объявлено о победе и пленении главарей мятежников, Нью-Йоркский комитет распался, издание газеты «Ла Индепенденсиа» прекратилось. Опустили руки и другие эмигрантские клубы и комитеты, десятки которых были разбросаны по США, Мексике, Ямайке, странам Южной Америки.

Марти снова и снова анализировал весь ход войны.

Почему не поднялся остров? Почему автономисты смогли убедить столь многих? Гарсиа боялся подходить к городам и терял силы, плутая по горным ущельям.

Двадцать пять тысяч отборных солдат бросила Испания против шести тысяч повстанцев, многие из которых впервые взялись за оружие. Но разве Орьенте и Лас-Вильяс не стали свидетелями замечательных кубинских побед?

Нет, основная причина горького провала — не численный испанский перевес, а трагическая разобщенность патриотов. Плод был сорван незрелым, остров не знал, куда зовут его инсургенты, размахивающие стягом одинокой звезды[34], и не поддержал их.

Нужно было все начинать сначала. Но у Марти уже не хватало сил, не хватало здоровья. Он заставлял себя думать только о семье и был благодарен издателю нью-йоркской «Сан» Чарльзу Дэйну, который предоставлял его перу страницы своей влиятельной газеты. «Сан» была заметным светилом на газетном небосклоне Соединенных Штатов. Она расходилась по всей стране, ее читали в Англии, Канаде, Латинской Америке. «Сан» не теряла интереса к Кубе, и Дэйн почти никогда не сокращал статей, написанных кубинцем Марти.

Однажды Марти принес Дэйну статью, озаглавленную одним словом — «Пушкин».

— О, я вижу, ваша мысль отлично чувствует себя не только под пальмами тропиков, но и среди русских снегов! — воскликнул Дэйн.

— Я давно хотел написать об этом гиганте, дорогой Чарльз, — ответил Марти. — В Москве открыт ему памятник, и потом мне столько рассказывал Ролоф…

— А, тот длинноносый беглец из России, который научил мамби пользоваться динамитными бомбами!

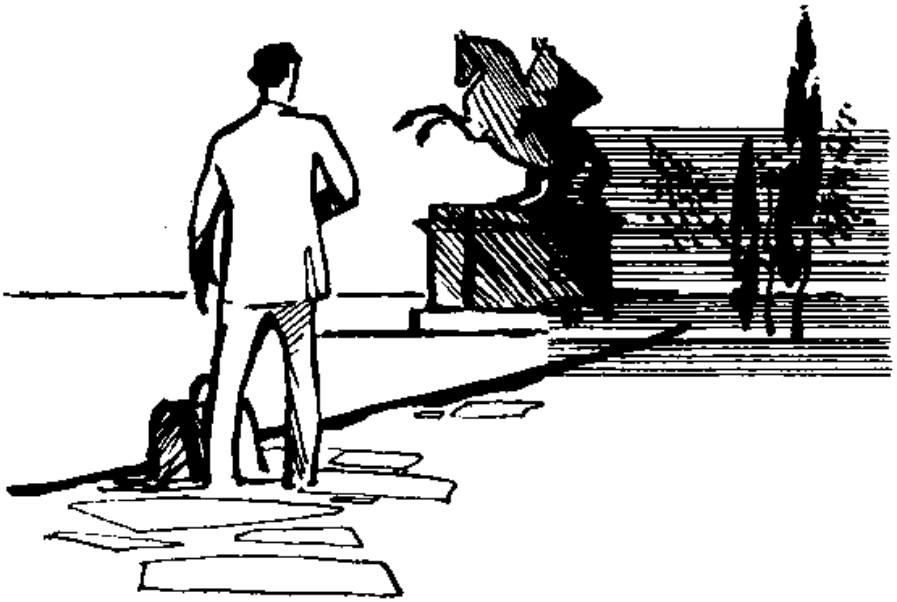
— Да, тот самый. Ролоф рассказывал мне о трогательной дружбе Пушкина с Адамом Мицкевичем, лучшим польским поэтом. Пушкин — это символ России…

Гонорары газеты помогали Марти поддерживать в доме настороженный мир. Пепито повеселел, отец проводил с ним все свободное время. Но стоило Марти остаться наедине с Кармен, как между ними возникало отчуждение. Кармен вспоминала жизнь в Мехико и Камагуэе, а перед глазами Марти вставали зал в «Стик-холле», посланец Нуньеса, горькие строки писем Масео.

«Я уже не могу быть счастлив», — написал в ту зиму Марти сестре Амелии. Сбывалось его предвидение своей судьбы, о котором он писал в октябре Эмилио Нуньесу: «Я не буду просить милости у Испании и увижу, как от меня на Кубу уйдут жена и сын. А я отправлюсь на новые земли или останусь здесь, согревая свою грудь последним обрывком честного знамени».

Кармен забрала Пепито и уехала не простившись.

Глава VI
ТРУДНЫЕ ГОДЫ



И ТЫ ПОСТУПИЛ БЫ ТАК, БОЛИВАР!

Венесуэльский порт Ла Гуайра выстроен в неудобном с точки зрения мореходов месте. В наше время с бушующим океаном сражаются бетонные волноломы, а в 1881 году его рейд был открыт всем ветрам и бурям. Корабли зачастую не могли подойти к причалу, и капитаны переправляли пассажиров на берег в спасательных шлюпках. В Ла Гуайре бывает много непогожих дней, и именно в такой день Хосе Марти спрыгнул на мокрые бревна причала с небольшим саквояжем в руке.

Это был весь его багаж, остальное он бросил в Нью-Йорке. Он не жалел об этом. Он не мог больше находиться в городе, где все вокруг — от лиц хмурых друзей до забытых игрушек Пепито — напоминало о крушении надежд. И теперь, с рекомендательными письмами в кармане, он спешил навстречу судьбе, усталый и разочаровавшийся, но все-таки верящий в будущее и готовый поэтому начать все сначала.

От древней крепости Ла Гуайры, замшелые стены которой с моря казались скалами, в глубь континента вела единственная горная дорога. Именно ей и был обязан своим существованием охранявшийся крепостью порт — дорога связывала с морем, а значит, и с миром, город Каракас, славную столицу Венесуэлы.

Смеркалось, когда Марти ступил на тротуары Каракаса. Последние лучи солнца вспыхивали на вершинах гор. Пальмы и красные буки шелестели, словно приветствуя чужестранца. На главной площади, у памятника Боливару, Марти поставил саквояж на плиту тротуара и снял шляпу. Он был в городе, который семьдесят лет назад стал колыбелью свободы его континента.

Когда-то с этих гор доносился до Кубы гул пушек Боливара. Закончив бои на материке, блистательно победив под Бойяка и Карабобо[35], Освободитель готовил экспедицию на остров.

Но его корабли не подняли якорей. США опасались, что пример свободной Кубы может поколебать систему рабовладения в южных штатах — основу их благополучия. Кроме того, янки, уже тогда подумывавшие о присоединении Кубы, знали: стоит острову стать независимым, как за кубинский табак и сахар, за кубинские рынки и кубинскую экономику придется бороться уже не только с Испанией, но еще с Англией и Францией.

Поддерживавший Испанию «священный союз» монархов Европы также не хотел перемен в последних колониальных владениях иберийской короны.

И Боливару пришлось отступить. Гимн латиноамериканской независимости остался недопетым…

Марти стоял у подножия памятника, и небывалое волнение вздымало его грудь. Можно понять чувства кубинца. В двадцать восемь лет он уже испытал невзгоды, которых с избытком хватило бы не на одну долгую жизнь. Но Марти не считал себя вправе сдаваться даже теперь, когда было потеряно все. Боливар не сдавался.

Сеньора Мерседес Шмидт де Гамильтон, наследница полковника Шмидта из войск соратника Боливара, генерала Паэса, внимательно прочла врученное ей Марти письмо Кармиты Мантильи.

— Кузина Кармита — моя любимица, — сказала она низким, певучим голосом. — Вы, быть может, не знаете, доктор Марти, Кармита наполовину венесуэлка…

Марти вспомнил рассказы Кармиты. Она боготворила Венесуэлу. Что же, еще Гумбольдт нашел Каракас «умным и гостеприимным». Как-то отнесется город к изгнанному кубинцу?

— Мой друг, издатель Никанор Болет Пераса, дал мне письмо к дону Фаусто Теодоро Альдрею.

— О, дон Фаусто очень милый человек! И к тому же его ценит наш президент, сеньор Гусман Бланко…

Дон Фаусто Теодоро Альдрей, директор самой крупной в Венесуэле газеты «Ла Опиньон Насьо-наль», принял кубинца на следующий же день. Марти сразу почувствовал расположение к Альдрею, а тот, в свою очередь, был покорен кубинцем. Их дружба протянулась на много лет, но в основу ее легли мысли и мнения, которые в первую встречу остались невысказанными.

В обоих собеседниках говорила осторожность. Предупрежденный Болетом, Марти догадывался, а Альдрей прекрасно знал, что Венесуэла 1881 года была не тем местом, где можно говорить все, что думаешь.

С каждым днем Марти все больше убеждался в этом. Он быстро нашел себе новых друзей среди каракасских сверстников. Они спорили о живописи и литературе в салоне сеньоры Гамильтон, но чтобы говорить о свободе, уходили на безлюдные зеленые склоны возвышавшегося над Каракасом холма дель Кальварио.

Глядя с холма на город, Марти отыскивал силуэты уже знакомых зданий: Капитолия, Дворца федеральных властей, резиденции архиепископа и президента.

Президент Гусман Бланко не случайно жил рядом с казармами и носил генеральский мундир. За пять лет пребывания у власти он превратился в деспота. Оппозиция была разогнана,

тот, кто не хотел славить президента, должен был замолчать. Бланко знал и контролировал все, что происходило под крышами Каракаса.

Впрочем, под одной из крыш жил человек, с которым Бланко никак не мог справиться. Сесилио Акоста, известный гуманист, не желал быть придворным борзописцем.

С почтением ученика вошел Марти в крохотный домик с темным распятием над дощатой дверью. Акоста сидел в высоком кресле, его острые колени покрывал простой плащ. При блеклом свете единственной свечи глубокие морщины на чисто выбритом лице дона Сесилио казались черной паутиной.

Акоста чувствовал, что смерть близка. Но физическая немощь лишь укрепляла его дух.

Бланко, изображавший просвещенного и либерального правителя, не мог просто уничтожить упрямого Акосту и скрепя сердце вынужден был смотреть на бесконечную цепочку людей, сменявших друг друга у постели больного.

Два часа продолжалась беседа Марти и Акосты. Грустно говорил мудрый старик о Венесуэле генерала Бланко:

— Он заявляет, что действует по воле провидения, а поэтому ничто не принимает как случайное. Да, он пришел к власти не случайно. Еще слишком многие мои соотечественники верят, что только сильные люди решают судьбы наций.

— А разве в этом нет доли правды, дон Сесилио?

— Ничто не может поколебать моей великой убежденности: узурпации — преходящие драмы. Победа в конце концов придет к источнику силы. Народ, его воля, его разум восторжествуют.

Дон Фаусто Альдрей также посещал Акосту. И во время каждого визита наступала минута, когда он, смущаясь, произносил:

— Сеньор президент говорил мне, что если вы…

Акоста вздыхал и укутывался.

— Я очень стар и болен, дорогой Альдрей. Пусть новую литературу, о которой мечтает президент, делают новые умы. Я уже многим говорил о Марти — он талантлив и ярок.

Альдрей вздыхал тоже. Из какого теста сделан Марти, он понял еще раньше Акосты.

Слухи о ссыльном кубинце ползли по Каракасу. Генерал Бланко решил выдать столь популярному Гостю аванс. В канун открытия клуба «Эль Комерсио» газета Альдрея получила приказ посвятить судьбе поэта и повстанца целый столбец. Бланко знал, что Марти приглашен выступать на открытии.

Снятый учредителями «Эль Комерсио» зал оказался мал. Марти пришлось говорить с балкона, выходившего на

запруженную людьми площадь. Очевидцы свидетельствуют, что он начал речь с похвалы прекрасным и добродетельным женщинам Каракаса. Затем он говорил о Боливаре и истории Венесуэлы, подлинная свобода которой придет в час великих грядущих свершений на континенте Испанской Америки.

Альдрей стоял чуть позади Марти и нервничал. «Грядущая подлинная свобода»! Как зашевелились торговцы и рукоплещут студенты! Только бы не вмешалась полиция…

Марти заговорил о Кубе. Он вспомнил ужасы «Сан-Ласаро» и «Клич Яра», героизм повстанцев. Он рассказал о пожертвованиях ньюйоркцев, гордости

Масео, неустрашимости Нуньеса. Он сказал и о том, что борьба не кончена, несмотря на жестокое поражение.

В аплодисментах и приветственных выкриках утонула короткая речь сеньоры Шмидт де Гамильтон, благодарившей Марти. Журналисты протискивались к нему, держа наготове блокноты. Альдрей облегченно вытирал платком свой высокий лоб. «Марти очень умен, — думал дон Фаусто, — одним краснобайством с такой аудиторией не совладать».

Наутро Альдрей беседовал с Уго Рамиресом, одним из основателей клуба «Эль Комерсио». Рамирес считал речь Марти слишком красочной и необычной.

— Многие негоцианты, Фаусто, говорят, что наш гость далек от классической строгости.

— Но, дорогой Уго, язык этого бунтаря красив по-новому, он рвется сквозь каноны…

Рассыльный внес на подносе письмо.

— Смотри-ка! — улыбнулся Альдрей. — Кубинец сам шлет нам свои приветы. Слушай: «Недавно я потерпел поражение на поле чести. Но разве проигрыш одной битвы не есть обязательство выиграть следующую?

Я готовлю себя к верному служению людям, к долгому пути с книгами на плече по дорогам новой жизни. Я буду счастлив стать безвестным солдатом в борьбе за возвышенное и честное дело и умереть за свободу без колебания и страха».

После открытия «Эль Комерсио» сеньора Гамильтон перестала рассылать приглашения на свои вечера — друзья, извиняясь за вторжения, являлись сами, чтобы послушать стихи кубинца.

…В груди усталой
Мечта больная
Раскрыла крылья

И страстно ищет,
Кому помочь бы,
Кого спасти бы,
Кого утешить?
Моря и небо,
Вы мне скажите:
Где те, что страждут
От рабской доли?
За них пролью я
Кровь огневую!

Аплодисменты и возгласы одобрения вместе с дымом гаванских сигар вылетали на площадь сквозь распахнутые окна. Слушатели расходились, покоренные словом кубинца, а сам он, придя в свою комнату, зажигал свечи на маленьком письменном столе. Там рядом с чернильницей стояла фотография смеющегося Пепито.

…Сын в тревоге за все, ищу прибежище в тебе. Я написал тебя здесь своей кистью, как видели мои глаза. Ты явился предо мной в праздничных одеждах. Поток этих стихов прошел через мое сердце…

…Слуга твой верный,
Мой королевич,
Тебе я крепким
Щитом останусь.
Умру, но выйдешь
Ты на дорогу!
Но если станет
Владыка желтый
Твоим владыкой —
Умри со мною!!
Служить пороку?
Так жить не стоит!

По утрам ночные сторожа докладывали сеньоре Гамильтон, что доктор Марти опять лег на заре. Мерседес качала головой. Бедный доктор, он совсем не хочет себя поберечь.

А в это время «бедный доктор», наскоро перекусив, уже начинал готовиться к лекциям. Преподаватели и ученики нескольких колледжей Каракаса уговорили его прочесть курс ораторского искусства.

Марти чувствовал, что, посвящая восторженных юношей в

тайны ораторских водоворотов, он в чем-то противоречит их старому богу — ревнителю классической речи Сесилио Акосте. Но сам Акоста упрекал кубинского вольнодумца только в неосторожности. Акоста был прав. Гусман Бланко пристально следил за большелобым мамби, превращавшим свои лекции в страстные беседы на опасную тему: свобода, демократия, честь.

Вскоре Марти получил официальные письма от директоров колледжей «Санта-Мария» и «Вильегас». Они просили доктора Марти занять профессорские кафедры в их заведениях и вести курсы литературы и французского языка.

Марти улыбнулся. Он догадался, что Фаусто Альдрей приложил руку к этому делу. Да, недаром Болет так тепло говорил о нем.

Только благодаря Альдрею ему удавалось пока что ладить с Бланко. Диктатор уже не раз предлагал Марти через дона Фаусто сольную партию в придворном хоре. Кубинец отделывался общими фразами на страницах «Ла Опиньон Насьональ», а ее редактор докладывал Бланко, что Марти мало пишет «из-за болезни».

Кончалась весна, но ее великолепие было омрачено.

Акоста уже не вставал, и священники дежурили у его изголовья. Венесуэла теряла человека, который был мозгом и совестью честного либерализма, и замены ему не видел никто.

С болью следил Марти за угасанием Акосты. Немощный телом, но сильный духом вожак покидал сынов Боливара в трудное для них время. И кубинец решил поднять забрало.

Он попросил у властей разрешения на выпуск журнала «Ла Ревиста Венесолана», дипломатично обещая избегать на его страницах «страстей и вопросов внутренних споров». Бланко, по-видимому, счел, что Марти сдается, и разрешение было дано очень быстро.

1 июля 1881 года первый номер журнала появился в руках разносчиков.

Каракас смог снова убедиться, что Марти достоин своей литературной славы. «Воздадим честь чести», — писал кубинец, и никто не смог найти ни единой погрешности в его историографии.

Сам Марти тоже знал, что первый номер его журнала неуязвим. Он писал о признанном и уже умершем национальном герое Мигеле Пенья, оттачивая каждую фразу, обдумывая каждый обзац. На смену пышному стилю времен Гватемалы пришел новый, более строгий, и недаром спустя много лет исследователи творчества Марти сочли лучшей характеристикой его венесуэльской прозы написанные им же самим слова о Мигеле

Пенья: «Его речь сверкала четкими, смелыми образами и точными, сильными словами».

…Акоста умер через неделю. А еще неделю спустя, 15 июля, Гусман Бланко потрясал гранками второго номера «Ла Ревиста Венесолана» перед носом главного цензора. Жирным синим карандашом президента были подчеркнуты строки: «Это был человек доброты и любви, знания и веры. Он придавал силу и указывал новые пути, был прозорлив и помогал видеть другим. Он воплощал красоту духа, посвящая всего себя необходимому. Он обладал великой силой искренности, которая даруется мудрецам и детям. И его перо вечно зелено. Он оставался бодрствующим, в то время когда другие спали».

Казалось, в этих словах нет ничего крамольного. Но Бланко считал иначе. Его моральный противник, человек, отказавшийся служить его Венесуэле, «обладал великой силой искренности»? Чертов старик, смущавший юнцов вместо того, чтобы сотрудничать в его прессе, «оставался бодрствующим, когда другие спали»?

«Доброжелатели» уведомили Марти о гневе Бланко и его решении: либо в следующем номере «Ревисты» слава президента получит достойный ее отзыв, либо… дорога до Ла Гуайры кубинцу знакома.

Вечером 27 июля Марти торопливо писал Альдрею: «Мой друг, завтра я уезжаю из Венесуэлы и возвращаюсь в Нью-Йорк.

Я чувствовал теплоту и щедрость сердец в этой стране, и я с признательностью отвечаю им тем же. Исполнение их надежд и ожиданий — мое желание и радость, их печаль —. мое страдание.

Я сын Америки. Я принадлежу ей. И венесуэльская земля является колыбелью той Америки, развитию, обновлению и немедленному укреплению которой я посвятил себя. Верные сыны не отрекаются от колыбели. Пусть Венесуэла скажет, как я могу служить ей».

Он взял билет на судно «Клаудиус», отходившее назавтра из Ла Гуайры. Деньги на дорогу одолжил ему один из учеников Сесилио Акосты.

СНОВА НА 29-Й УЛИЦЕ

Кармита открыла дверь, держа в руках кофейник. В гостиной все было так, словно он и не уезжал, в вазочке лежало его любимое печенье. Из-за стола, поперхнувшись, вскочил доктор Эусебио Эрнандес, порывисто обнял друга.

— Здесь так скучали без тебя, Пепе…

Письмо матери, длинное и грустное, ожидало Марти. Донья Леонора хотела сыну понятного ей простого житейского счастья. «Я знаю, — писала она, — что после этого путешествия ты увидишь, что люди одинаковы везде и что во всех углах земли есть недовольные. Вспомни, Пепе, я говорила тебе в детстве, что на том, кто вмешивается во все, судьба ставит крест».

Он печально улыбнулся. Бедная мамита, она никак не поймет, что его крест уже давно лежит на его плечах. И он будет нести его до конца.

Наутро с шумом ввалились венесуэльцы: Ника-нор Болет Пераса и его помощники по издательству.

— Сеньор президент играет в Наполеона, — рассказывал друзьям Марти. — Для полного сходства ему не хватает похода в Россию. Мешает также огромный рост, бас и черная борода. Он уже чеканит медали, где профиль Боливара лишь выглядывает из-за его профиля…

— Что ты собираешься делать теперь? — спросил Болет.

Марти встал, подошел к окну. Где-то вдалеке гудели пароходы. Что делать? Революция разгромлена. Говорят, только в Тампе и Кайо-Уэсо — населенных кубинцами городах Флориды — патриотические клубы еще продолжают активно работать. С Кубы нет известий. Здесь, в Нью-Йорке, газеты кричат о трагедиях. Президент Гарфильд получил пулю в спину и медленно умирает. Рабочие проводят стачку за стачкой. Люди теряют веру в незыблемость конституционных свобод. Рушатся замыслы Джефферсона, который мечтал о новом обществе без разительных контрастов. Капитал наступает… Что делать?

— Я буду, дорогой Болет, собирать силы и продолжать борьбу.

— Ты говоришь о независимости Кубы?

— Да. Но не следует считать независимость моего острова конечной целью. Она — одно из средств борьбы за единство всей нашей Америки.

Вечером он никуда не пошел, а сел за письменный стол. Он так и не выписал своих книг в Каракас, и теперь они окружали

его, как верные солдаты молчаливо окружают проигравшего бой командира. Обсидиановый держатель для бумаг — подарок мексиканца Диоса Песо — лежал там же, где и полгода назад. Марти провел рукой по его холодной полированной грани. Проигрыш одной битвы обязывает выиграть другую — разве не он сам сказал это? Он взял перо:

«Сеньор редактор «Ла Опиньон Насьональ»…

Еще не собираясь спешно покидать Каракас, он говорил с Альдреем о будущем сотрудничестве. Дон Фаусто предлагал Марти писать в его газету отовсюду, где он только ни окажется. И теперь, когда долг звал Марти снова, он решил рассказать своей большой родине о северной стране, история которой могла служить прекрасным уроком:

«Эта нация имеет абсолютное право и абсолютный долг быть великой. Для нас, наследников бурь, естественно жить в дружбе с нею…»

Спустя две недели он отправил эту статью в Каракас, приложив к ней другие, где говорилось о положении в Испании, отношениях Бисмарка и Гамбетты, диалоге Франции и Италии. Он знал, что, печатая его, Альдрей рискует навлечь на себя гнев Бланко, и поставил под статьями подпись: «M. de Z.».

Альдрей поместил все полностью и вслед за гонораром прислал дружеское письмо. Марти не удивился, уловив в нем нотки беспокойства. Любезный дон Фаусто понимал, что стиль очень скоро выдаст подлинного автора. И действительно, память о речах Марти была слишком свежа в Каракасе, чтобы Элой Эскобар и его друзья раздумывали над тем, кому принадлежат строки: «Свобода никогда не умирает от полученных ран. Нож, ранящий ее, несет в ее вены новую кровь!»

Темами статей Марти стали исторические заметки о Георге III и Вашингтоне, выступления Аделины Патти, встреча русского царя и немецкого кайзера, конгресс геологов, события в Ватикане, экспедиции в Антарктику, новые железные дороги, проблема Гибралтара и многое другое. Он писал, изучая и прочитывая громадное количество солидных трудов и периодики на испанском, английском, французском, португальском языках. Он писал так красочно и детально, словно сам был очевидцем каждого привлекшего его внимание события. Впрочем, для него это было не обязательно — он являлся современником своих хроник в самом глубоком смысле этого слова.

Альдрей с большим удовольствием получал статьи о странах Европы. Он считал, что такая тематика лучше законспирирует подлинного автора. Но европейские события все чаще отходили для Марти на второй план, и он посылал Альдрею хроники о

бурной жизни гигантской страны, которая с безразличием сильного приютила его, как и сотни тысяч других эмигрантов. Он преклонялся перед ее народом, и страдания простых американцев были его страданиями. Он видел сотни людей, доведенных до нищеты. Они валялись на траве и сидели на скамейках в скверах, босые, голодные, пряча тоску своих глаз под полями шляп. Капитал не дал им работы.

Марти подолгу беседовал об этом с Эусебио Эрнандесом. Честный патриот и прекрасный знаток социальных проблем, Эрнандес рассказывал другу о целях и деятелях социалистического движения. Однажды они побывали на митинге, организованном секцией Интернационала. Ораторы говорили по-немецки, и друзья мало что поняли, но Марти запомнилась их бедная одежда и страстная убежденность. С тех пор он всегда с уважением относился к социалистам, и это почувствовал даже Альдрей, получивший блестящие статьи о конгрессе социалистов в Испании и преследовании их в России и Германии.

Альдрей поколебался, но все же заслал статьи в набор, вычеркнув несколько самых «красных» абзацев.

Наступила двадцать девятая осень Марти. Стопки листов, исписанных быстрым неразборчивым почерком, регулярно отсылались в Венесуэлу. Иногда рыжий почтальон ирландец приносил письма с Кубы — отец и мать болели, Виональди заклинал теплее одеваться и коротко сообщал о делах. Кармен молчала. И он снова склонялся над столом, а вечерами все чаще уходил в гости к журналисту Энрике Трухильо.

Гостеприимный дом Трухильо всегда заполняли кубинцы. Хозяин — высокий, энергичный, с короткой бородкой и решительным взглядом — лишь недавно прибыл в Нью-Йорк из Испании, где отбывал ссылку за помощь повстанцам в малой войне и теперь ратовал за новое восстание.

Несколько вечеров Марти молчал, слушая воинственные призывы. Ему хотелось знать, как настроены остальные. Увидев, что большинство готово бездумно согласиться, Марти взял слово:

— Новая война, говорите вы? А вы спрашивали у народа, хочет ли он этой войны? Где у вас ружья, чтобы стрелять? Вы говорите, что добудете их в бою, но кто поведет вас в этот бой? Лучшие люди Кубы звенят цепями на каторге, их иссушает солнце Сеуты и Махона. Гомес и Масео далеко, и еще неизвестно, кто будет готовить восстание на самом острове. Ведь не думаете же вы, что горстки кубинцев из Нью-Йорка или Флориды достаточно, чтобы сломить Испанию!

Молчанием были встречены эти слова. Азарт остыл, все

понимали: Марти прав, для хорошего взрыва нужно скопить динамит.

Уже веяло холодом наступавшей зимы, и, словно вымаливая хоть чуточку солнечных лучей, деревья в скверах тянули мокрые черные ветви к свинцовому небу. Плотно закутав шею шарфом и подняв воротник пальто, Марти каждое утро уходил из дому, направляясь в деловой район Боулинг Грин, где нашлось место делопроизводителя в фирме «Лайонс энд Компани». Во второй половине дня он продолжал писать для «Опиньон», посещал дом Трухильо или ужинал у Кармиты. Он стремился все время быть среди друзей, чтобы убежать от леденящего чувства одиночества. Но наступала ночь, и он все-таки оставался один. Воспоминания не давали заснуть. Ему слышался голос Кармен и смех Пепито. Марти вставал, зажигал газовый рожок, садился к столу:

В морях далеких
Тебя ищу я…

На полях листов появлялись рисунки: букет в клюве фантастической птицы; мальчик, выходящий из разбитого яйца; две птицы, кружащиеся над гнездом; мечети, кувшины, верблюды, замки. Незадолго до нового, 1882 года рукопись, куда вошли написанные после разлуки с сыном стихи, была сдана в издательство «Томсон энд Мар» под названием «Исмаэлильо».

Рождество Марти провел у Энрике Трухильо. За огромным, накрытым по традициям Орьенте столом сидело больше двадцати человек — цвет кубинской эмиграции. Шелковое знамя Кубы на стене украшали гирлянды из лавра.

Трухильо встретил друга в прихожей, отстранив слугу, сам помог снять пальто.

— Ну как, успел? — с интересом спросил он. Несмотря на разногласия в вопросах войны, их объединяла любовь к журналистике. Марти вынул из кармана свернутую в трубку рукопись, и Трухильо, не обращая внимания на гостей, стал читать.

«Закрывают свои двери конгресс, правительственные учреждения и школы; на улицах — народное гулянье; магазины переполнены; у семейных очагов волнение. Изгнанники с тоской обращают взор к далекой родине; малыши с жадностью смотрят на заваленные игрушками витрины. Повсюду — рождество. Газеты удваивают свои страницы. В храмах пастыри настраивают звучные органы. Готовятся к пышным балам магнаты.

Какие события могут иметь значение в эти дни, когда тайно льют слезы матери, к чьим детям не придет через обвалившуюся

трубу добрый Санта-Клаус, когда светятся радостью глаза отца, несущего своим малышам игрушечный домик?

Над снующей толпой, над цветами, над зелеными ветвями рождественской елки возникают, как чудовищные призраки, странные слухи: будто жители Северной Америки имеют право на все золото, на все богатства Южной Америки.

Потомки пилигримов натягивают на ноги солдатские сапоги и идут кто в Канаду, кто в Мексику. Сенатор Хоули сказал: «А если мы захватим Канаду и Мексику и станем царить без соперников на континенте, какую же цивилизацию создадим мы в будущем? Цивилизацию опасную, цивилизацию Карфагена!»

Трухильо перевернул последнюю страницу. Что же, сеньор Альдрей должен благодарить судьбу за такого корреспондента в Нью-Йорке. Он взглянул на друга. Тот, забыв обо всем, рассказывал его маленькому сыну веселую сказку.

ОБМАНЧИВАЯ ТИШИНА

Хозяин маленькой книжной лавки на 24-й улице с удовольствием опустил полдоллара в ящик кассы. Невысокий человек в черном пальто вежливо простился с ним и вышел, положив в карман «Листья травы» Уолта Уитмена. Хозяин лавки рисковал: человек мог оказаться членом какого-нибудь религиозного братства или, что еще хуже, пинкертоновским сыщиком. Тогда, конечно, поднялся бы шум — честный американец не должен торговать книжками поэта, который осужден и церковью и газетами. Хозяин лавки мог, конечно, давным-давно сжечь «Листья травы» в камине, но книжка стоила денег…

Трухильо перелистал принесенный другом томик, равнодушно отложил. Марти покачал головой.

— Я допускаю, что этого человека могут недооценивать, не понимать и даже подвергать гонениям неучи и святоши. Но когда Уитмена недооценивает литератор — я поражаюсь. Уитмен — великий поэт.

— Лично я предпочитаю Бодлера, — ответил Трухильо.

— Бодлера? С его презрением к «низкой толпе»? Энрике, уж если тебе столь по сердцу французы, взгляни на Сюлли-Прюдома, у которого есть и широта взглядов, и благородство, и величие тем, и страсть, кипение, суровость. Сюлли-Прюдом — поэт, потому что он любит людей. А Рембо? Рембо, чья жизнь — образец победы чести и мужества над властью бесплотных химер? Он писал, что поэзия должна отказаться от будничных дел, а сам пошел на баррикады Коммуны. И с ним был Верлен, тот самый любитель коньяков и ликеров, о котором ходило столько сплетен. Он стал глашатаем семьдесят первого года! Вот с этими французами, а не с Бодлером еще можно сравнивать Уитмена.

— Ты говоришь так длинно, Хосе, — отшутился Трухильо, — что я стараюсь всегда с тобой соглашаться. Хорошо, я отдаю должное демократу Уитмену, поэту, который не бреется и не стрижется. Но, Хосе, разве Бодлер не великий мастер?

— Малларме писал, что там, где господствует одно мастерство, веет холодом. А наш Эредиа умел вкладывать в стихи не только мастерство, но и биение своего искреннего сердца…

Они проспорили о судьбах и долге литературы допоздна, хотя ясно высказались уже в первых фразах. Трухильо ушел, сердито махнув рукой. Как может Марти ставить утонченного Бодлера ниже Уитмена! А Марти, оставшись один, достал с полки

стопку чистой бумаги. Каждая хорошая книга, войдя в его жизнь, словно подхлестывала, давала новый толчок, заставляла брать перо, превозмогая усталость и желание лечь в постель и просто-напросто спать, спать…

Добрый Педро, мной ты недоволен,
Оттого, что вопреки приличыо
Отрастил я волосы по плечи…
Одинок я, молчалив и бледен,
Ужин мой — кусок сухого хлеба,
И гнетет меня все та же дума:
Как людей освободить от рабства,
А тебя от праздности позорной…

Он не собирался отдавать эти стихи в печать, но дорожил ими. На папке, где они хранились, он надписал: «Свободные стихи». Рожденные в мечтах о свободе, они не сшивались из чужих лоскутов.

На хлеб я заработал. Час настал
И для поэзии моей любимой.
Рука моя, ты целый день трудилась,
С листа на лист переносила цифры,
Как грузчики — тяжелые тюки…

Каждое стихотворение — частица его жизни, оставшаяся на бумаге. Сколько умоляющих писем пришло с Кубы, сколько раз, сжав руками голову, он пытался сломить себя!

Смирись, покайся, преклони колени,
Как червь во прахе, ползай, извиваясь,
И робко руки богачей целуй…
Прославь порок, превозноси тщеславье,
И превратится в золотое блюдо
Пустая миска на твоем столе…

В холодные, мрачные ночи, когда одиночество чувствовалось острее всего, к нему приходили мысли о смерти.

Тираны! Обрекая на изгнанье,
Вы заживо хороните людей,
Но окажите милость человеку —

Пускай палач ваш, злой и низколобый,
Возьмет кинжал из самой твердой стали
И в грудь вонзит тому, кто обречен
В изгнании влачить пустые дни.
Не смерть страшна. Ужасно мертвым жить…

Но он гнал от себя эти мысли, и строки снова звучали надеждой.

В час же, когда звездоносец из чаши
Выльет живое вино целиком;
В час тот, когда целиком свое сердце
Он извлечет из груди и раздаст
Людям на пиршество и на праздник, —
Звезда в этот час, как в покрывало,
В свет человека того завернет…
И человек, что жить не боялся,
Поднимется в жизни еще на ступень…

На столе, рядом с листами черновиков, стояла чашка давно остывшего кофе. Кубинского кофе.

В стране чужой мы позабыть не в силах
Родных лугов душистые цветы,
Родных лесов тенистые деревья.
Мы, как в тумане, бродим на чужбине…

Город начинал просыпаться. Люди уже запрягали лошадей и хватали трубки телефонов, месили тесто и торопливо целовали спящих детей. Но ничего этого не было видно из комнаты…

«Вот мои стихи. Такие, как есть. Поэзия должна быть честной, и я всегда хотел быть честным до конца… У каждого человека свой облик, у каждого поэтического вдохновения свой язык. Мне нравятся сложные созвучия, стихи — скульптуры, стихи звонкие, как фарфор, стремительные, как полет птицы, пламенные и всесокрушающие, как поток лавы… Мне хотелось быть верным самому себе, и, если даже меня сочтут грешником, я не устыжусь своего греха».

Марти мог отнести «Свободные стихи» в издательство, где полным ходом печатался сборник «Исмаэлильо». Однако он поборол соблазн и положил их на полку.

— Им рано идти в мир, — сказал он Кармите. — Я буду

работать над ними еще…

Зима прошла в упорном труде. По-прежнему первую половину дня отнимали счета в конторе «Лайонс энд Компани», а вечера были отданы очеркам и стихам. Чувствуя опасения Альдрея, Марти старался маскировать политическую остроту в материалах для «Ла Опиньон Насьональ». Он писал о встрече боксеров в Нью-Орлеане, о новых и старых поэтах Франции, о Гарибальди, о Джесси Джеймсе — знаменитом бандите. Но даже в этих материалах он умел раскрывать звериное лицо мира капитала. Наконец он пишет свое «Письмо из Нью-Йорка».

Соединенные Штаты била стачечная лихорадка. На западе бастовали металлурги и горняки. В штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси прекратили работу железнодорожники и грузчики. Самая крупная рабочая организация Америки тех лет — «Благородный орден рыцарей труда» — поддерживала стачки, воплощая в жизнь свой лозунг: «Удар по одному — ущерб для всех».

21 марта 1882 года Каракас, а спустя несколько дней и остальная Латинская Америка читали слова Марти: «…В газеты врывается множество новостей: юбилейные торжества, битвы в конгрессе, сообщения о грозных мятежах, вспыхнувших в молодых городах далекого Запада и представляющих собой лишь робкие опыты грядущего переворота, к которому приведет страну (США. — *Л. В.*) борьба людей труда с людьми капитала…

Все видят, как объединяются богачи, чтоб защититься от требований бедноты. В этой стране должны быть выработаны — хоть это и кажется преждевременным пророчеством — новые законы как для людей, живущих трудом, так и для людей, которые этот труд покупают. На исполинской арене разрешится, наконец, исполинская задача. Здесь, где трудящиеся так сильны, они будут бороться и победят. Решение задачи запаздывает, но не снимается. Отказаться от решения — значит оставить все зло в наследство нашим сыновьям. Мы должны жить в наше время, бороться в наше время, смело говорить правду, ненавидеть благополучие, добытое ценой бесчестья, и жить мужественно… В других странах мы наблюдаем национальные распри и политические бои. В этой стране разразится грозная социальная битва…»

Карлос Карранса, аргентинский консул в Нью-Йорке, регулярно читал «Ла Опиньон Насьональ». Раскрывая эту газету, он первым делом отыскивал очерки, подписанные «M. de Z.». Консул очень хотел, чтобы Марти читали и в Буэнос-Айресе.

Карранса нанес кубинцу визит, сразу отметив про себя, что поэт живет более чем скромно.

— Аргентина хочет учиться у мира, — неторопливо говорил

консул. — Кроме машин и других товаров, мы хотели бы импортировать из США и знание жизни этой, без сомнения, великой страны. Сейчас Аргентина бедна, мой доктор, и вы знаете это. Но разве не хотелось бы вам поработать, чтобы приблизить время ее расцвета?

Марти не пришлось долго уговаривать. Он радовался любой возможности послужить своей большой американской родине. 15 июля после предварительной переписки с сеньором Митре-и-Ведиа, владельцем крупнейшей ежедневной газеты Аргентины «Ла Насьон», он отправил в Буэнос-Айрес первую корреспонденцию.

Работа для «Ла Насьон» оказалась весьма кстати, потому что Каракас перестал печатать Марти. Гусман Бланко, очень внимательно прочитавший «Письмо из Нью-Йорка», наконец, узнал тайну инициалов «M. de Z.».

Альдрей и Уго Рамирес были очень расстроены.

— Я не могу понять, как Бланко пронюхал об авторстве Марти, — сокрушенно говорил Альдрей.

— Теперь это уже все равно, — трезво отвечал Рамирес.

— Да, пожалуй. И зачем он только полез в политику! Лучше бы писал об искусстве. Помнишь, как он описывал оркестр? Корнет-а-пистон издает синие И оранжевые звуки, фагот и скрипка — каштановые и берлинской лазури… Белым ему представлялся звук гобоя.

— Моя дочь перечитывает «Исмаэлильо». А Элой Эскобар говорит, что эти стихи напоминают ему лучшие народные песни Испании. — Рамирес значительно поднял брови. — Очень, очень жаль, что ты потерял такого автора, Альдрей. Марти большой мастер.

А «большой мастер» не знал отдыха. Иногда он переделывал написанное по шесть или восемь раз. Он продолжал учиться у великих прозаиков. «Глубочайший наблюдатель и выдающийся мыслитель», — так отзывался он о Бальзаке. «Золотым резцом», по его выражению, работал Флобер.

Вчитываясь в написанные этими гигантами страницы, кубинец отнюдь не собирался копировать их стиль или приемы. Он постигал сокровенные глубины их мастерства, потому что хотел писать так, как до него не писал никто, хотел удесятерить силу слова, придав своему испанскому языку энергию и лаконичность английского, строгость и изящество французского, певучесть и красочность итальянского. Он хотел, как казалось друзьям, невозможного…

В один из душных июльских вечеров к нему пришли Энрике Трухильо и Флор Кромбет.

Марти сидел за столом, писал ответ на письмо из Буэнос-Айреса. Голубой листок с монограммой сеньора Митре, издателя «Ла Насьон», лежал перед ним.

«Ваша статья, — писал кубинцу Митре, — будет прочитана с огромным интересом в Аргентине и соседних странах… Но не следует критиковать отдельные факты жизни США так резко, дабы не создать ложного впечатления, что газета начинает кампанию на низвержение великого северного соседа… Прошу извинить меня за непозволительную грубость, но газета — это тоже товар, который должен соответствовать спросу…»

— Так, — сказал Кромбет. — Ну и что же ты им пишешь?

— Вот послушай: «Я не верю, что хорошим фундаментом нации может быть фанатическая приверженность к материальному богатству, которая лишает людей веры и надежды и развивает их однобоко… Несомненно, что группа честолюбивых людей (в США. — *Л. В.*) замышляет коварные планы, которые не могут успокоить страны нашей Америки. Но я по-прежнему буду воздавать должное нации, в которой все люди могут свободно обсуждать интересующие их проблемы…»

— Так, — сказал Кромбет. — Очень вежливо.

— Митре боится, — сказал Марти. — Он очень боится, что янки отвернутся от Аргентины и их капиталы уплывут куда-нибудь в Перу. Он заслуживает резкого ответа, этот газетный король, решивший, что может не только покупать информацию о новостях, но и диктовать мне мое мнение о них. Однако я отвечаю ему мягко, потому что Аргентина, как и вся наша Америка, которая читает «Ла Насьон», должна и впредь знать правду о янки. Ведь если Аргентина будет, подобно страусу, прятать голову под крыло, ее ждут большие беды. Янки не шутят, друзья, вспомните сенатора Хоули…

Вошла Кармита, неся на подносе печенье и кофе.

— Это, конечно, не такой кофе, как в Гаване, — сказала она шутливо. — Но потерпите, кажется, республика победит уже скоро.

Кромбет встал, выпрямился, предложил обсудить планы дальнейшей борьбы. От кубинцев, живущих в Санто-Доминго, Гондурасе, на Ямайке, идут хорошие вести. В Кайо-Уэсо создан новый революционный комитет…

Марти помолчал, потом ответил медленно и твердо:

— Да, тишина кончается. Она была обманчивой, она растила новые бури. Пора действовать настает.

ВОЛНЕНИЯ И ПЕРЕМЕНЫ

Оставшись один, Марти еще долго ходил по комнате, и Кармита не могла заснуть, слушая его быстрые, нервные шаги. Захваченный мыслями о будущем, Марти снова и снова перебирал в памяти все «за» и «против» новой войны.

Обещанные Испанией реформы остались на бумаге. Колонизаторы по-прежнему грабили Кубу, заявляя, что остров с его полуторамиллионным населением «задолжал» метрополии четверть миллиарда песо. Почти пятьдесят различных видов налогов платили кубинцы во имя пресловутого «национального единства». Коррупция испанских чиновников стала правилом. Сплетенные из бычьей кожи бичи по-прежнему свистели на сахарных заводах и плантациях. На борту каждого отплывавшего из Гаваны корабля можно было встретить людей, вынужденно покидающих родину.

У Марти было немного сведений о подпольном движении на острове. Но он отлично знал, как обстоят дела среди эмигрантов. В Гондурасе под покровительством либерального президента Марко Аурелио Сото собирали силы вожаки кубинского сепаратизма: Антонио Масео командовал гарнизонами крепостей Пуэрто-Кортес и Омоа, Карлос Ролоф, Хосе Майя Родригес и другие занимали солидные административные должности. Доктор Эусебио Эрнандес, бывший сосед Марти по пансиону Кармиты, тоже жил теперь в Гондурасе и вел споры о социализме с сотрудниками госпиталя, суперинтендантом которого назначил его президент.

Один только Максимо Гомес уже покинул Гондурас и разводил индиго на крохотной плантации в Санто-Доминго. Но разве не говорил возбужденный Кромбет, что «старик» всегда готов воевать за Кубу?

И Марти пришел к выводу, что при тщательной подготовке, объединении патриотов на острове и в эмиграции новая война могла бы начаться.

20 июля 1882 года он решил написать Гомесу: «Куба в ее нынешнем положении и с ее нынешними проблемами уже созрела для того, чтобы снова понять невозможность политики примирения и необходимость насильственной революции».

Вечернее солнце освещало стену его комнаты, и карта Антильских островов была похожа на стайку ярких колибри, севших на голубой лист бумаги. Марти вспомнил суровое лицо капитана, посланного в Нью-Йорк Эмилио Нуньесом. «Не нужно

было торопиться», — жестко сказал тогда капитан. Да, теперь уже ясно, что начинать войну без достаточной подготовки могут только сумасшедшие. Он дописал письмо: «Революция — это не просто какая-то вспышка показного характера, не удовлетворение чьего-то вошедшего в привычку стремления воевать и повелевать. Революция — это творчество, требующее детальной разработки и продуманного расчета. Нельзя вовлекать страну вопреки ее желанию в преждевременную войну, однако нужно все подготовить к тому моменту, когда страна почувствует, что она уже набралась сил для ведения войны».

В тот же день Марти написал и Антонио Масео.

Кончалось лето, и уже начинали желтеть листья кленов в Мэдисон-сквере, куда он иногда ходил гулять с малышами Кармиты. Ему было все труднее выкраивать свободные минуты, потому что неблагодарный труд в конторе «Лайонс энд Компани» продолжался теперь за те же деньги куда дольше, чем прежде. Но он терпел, чтобы скопить средства на лечение отца. Он знал от Виондри, что дон Мариано чувствует себя все хуже и не может вылечиться в Гаване.

Ему, наконец, помог Эпплтон, чье издательство готовилось выпустить для продажи в Латинской Америке книгу Марафи о древней Греции и Вилькинса — о древнем Риме. Марти блестяще перевел эти книги на испанский и получил новый заказ. На этот раз речь шла о «Логике» Стэнли Эванса. Марти пришлось изрядно попотеть, формулируя по-испански суровые правила, которые сам он в глубине души считал удивительно бесполезными.

Помогала и журналистика. Он по-прежнему посылал хроники в «Ла Насьон» и по просьбе редакции «Ла Плюма» в Боготе отправил в тихую столицу Колумбии несколько свежих зарисовок. Несмотря на вечную нехватку денег, он никогда не жаловался на низкие гонорары — возможность говорить со своей Америкой была для него важнее, чем чек на любую сумму.

Осенние дожди смыли пыль с Нью-Йорка, и город под низким небом расцветился неяркими красками влажных плащей и зонтов. Прохладный воздух Атлантики шевелил ситцевые занавески на окнах комнаты, где в ноябре собрался возрожденный Революционный комитет кубинцев. Марти слушал пылкие речи, и в его груди рождались сомнения. От Гомеса и Масео не было вестей, а здесь, в Нью-Йорке, слишком многие хотели сначала стрелять, а потом думать. И слишком многие просто болтали.

В ту же осень он подружился с худощавым и тонкогубым сеньором Эстрасуласом. Консул Уругвая в Нью-Йорке, Эстрасулас уже хотя бы в силу своего дипломатического ранга предпочитал опьяняющим спичам трезвый расчет. С Марти его объединяла не

только любовь к дискуссиям и живописи, не только совпадение взглядов на литературу. Главным было общее понимание континентальных проблем. Эстрасулас видел, как прав Марти, предостерегавший свою Америку от цивилизации Карфагена.

У Эстрасуласа уже давно пустовал пост вице-консула. После недолгого размышления он связался с Монтевидео, убедил правительство и назначил на этот пост доктора Хосе Марти.

Спустя два дня из Нью-Йорка в Камагуэй ушло письмо, адресованное Кармен. Через неделю она читала его отцу, и упрямый старик Басан, все последнее время не желавший и слышать о Марти, сдался и отпустил дочь и внука к непутевому зятю, который вдруг стал дипломатом.

Вьюжной зимой 1883 года над зеленым коттеджем в Бруклине вились идиллические дымки. Прохожие могли видеть на двери медную дощечку с надписью:

ХОСЕ ХУЛИО МАРТИ-И-ПЕРЕС,

ДОКТОР,

ВИЦЕ-КОНСУЛ ВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ УРУГВАЙ

Теперь ему не нужно было идти к друзьям, чтоб отведать жареного поросенка по-кубински. В его собственной гостиной накрывался стол, и в редкое воскресенье за ним не собирались шумные гости.

Очаровательные улыбки Кармен покорили даже суховатого Эстрасуласа.

— Тебе повезло с женой, дружище, — сказал он;

Марти вежливо улыбнулся. Ему не хотелось, чтобы Эстрасулас заметил трещины в таком надежном на вид здании счастья.

А трещины оставались. С безмерным самоотречением Марти брал на себя вину за все — за скитания и слезы, нужду и потерянные для семьи годы. Кармен тоже старалась сдерживать себя. Но оба понимали, что былого счастья им уже не вернуть. Жизнь под крышей бруклинского коттеджа шла в настороженной тишине, и чем больше гроз таила в себе эта тишина, тем больше Хосе и Кармен любили свое прошлое, воплощавшееся в Пепито.

Марти исполнилось тридцать лет. Принимая поздравления, он заставлял себя улыбаться. Сердечные спазмы и кашель, мешавшие ему давно, в эту зиму стали особенно частыми.

Его финансовое положение понемногу улучшалось, но он все же не порывал с «Лайонс энд Компани», хотя и старался брать там поручения пореже. Теперь по утрам он обычно сидел в тепле, за большим темно-коричневым столом, работая для «Ла Насьон» и других газет. В марте его пригласили сотрудничать в «Ла Америка», нью-йоркском журнале, который издавался на испанском языке и освещал вопросы сельского хозяйства, промышленности и коммерции.

Марти принял приглашение. Однажды, закончив очередной материал, он подумал, как удивился бы весельчак Гуасп, узнав, что его любимый драматург пишет о способах изготовления сыра. Он, наверное, сморщил бы нос, прочитав эту статью. Но разве подлинная революция состоит только из выстрелов? Его Америке, кроме всего прочего, нужно и умение делать сыр.

Конечно, не все работы Марти для «Ла Америка» посвящались таким утилитарным темам. Сотрудничая в журнале, кубинец рассказывал своему континенту об экономической и политической жизни в США: «Крупнейшие промышленные корпорации тиранически проводят через конгресс свою волю, для чего используют тесные деловые и личные отношения, связывающие их с лидерами политических партий, а также зависимое положение конгрессменов, в большинстве случаев лишь по видимости представляющих жителей определенной местности, а в действительности же выступающих представителями той могущественной промышленной корпорации, которая своим весом и деньгами обеспечила их избрание. В наши дни, когда нарождается новая государственность, когда в общественной жизни все кишит и бурлит, когда народы, движимые пока еще смутными чаяниями, начинают жить по-новому, в Соединенных Штатах депутат конгресса, как правило, покорный раб богатейших, гигантских компаний.

Поскольку победившие демократы обычно делают то же, что и победившие республиканцы, то, быть может, в недалеком будущем все имеющие право голоса открыто и решительно станут искать для себя нового и чистого способа избирать достойных, ибо нынешние представители народа или отдались внаймы могущественным избирателям, или погрязли в темных делах и бесчестной наживе».

Кармен не мешала ему работать. Она радовалась, что муж, как ей казалось, забросил свои бунтарские идеи. Но Кармен ошибалась, и самое ближайшее будущее убедило ее в этом.

14 марта 1883 года, в 2 часа 45 минут пополудни, в Лондоне, в доме № 41 по Мейтленд-парк-роуд, сидя в любимом кресле,

скончался Маркс.

17 марта его хоронили на Хайгетском кладбище в той же могиле, куда чуть больше года назад опустили тело его жены.

Над могилой говорил Энгельс:

— Человечество стало ниже на одну голову, и притом на самую значительную из всех, которыми обладало… Стихией Маркса была борьба… Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные и ультра-демократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он отметал все это как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии…

В Нью-Йорке траурное собрание состоялось в конце марта. Зал оказался мал, и люди теснились в фойе, сдерживая дыхание, чтобы слышать слова горьких речей. Марти и двум его спутникам кубинцам достались места в предпоследнем ряду.

Придя домой, Марти выпил большую чашку кофе. Ему не хотелось есть, и ужин, который оставила ему уже заснувшая Кармен, так и остался стоять на столе под узорной гаванской салфеткой. Марти писал:

«Карл Маркс умер. Он заслуживает почестей, поскольку встал на сторону слабых. Взгляните на этот зал, украшенный зелеными листьями, в центре его — портрет того пламенного реформатора, который объединял людей из разных стран, который был могучим и неустанным организатором. Интернационал — его творение, и воздать ему почести идут люди разных наций. Вид этой толпы мужественных рабочих наполняет нас нежностью и вместе с тем придает силы — у них больше мускулов, чем украшений, больше честных лиц, чем шелков.

Карл Маркс учил, как построить мир на новых основах; он разбудил спящих и показал им, как выбить никчемные опоры.

И вот здесь — добрые друзья Карла Маркса, который был не только титанической движущей силой гнева европейских трудящихся, но и прозорливым ясновидцем причин человеческой нищеты и судеб людей, человеком, охваченным жаждой делать добро. Повсюду он видел то, что свойственно было ему: дух борьбы и восстания, путь к высоким целям…»

Марти называл Маркса самым благородным героем и самым могучим мыслителем мира труда. Он знал, что кубинцы уже давно знакомятся с его идеями, знал, что марксист Эмилио Ройг-и-Сан-Мартин создал на острове рабочую организацию «Сентро де Артесанос». Он дружил с проповедовавшим социализм доктором

Эусебио Эрнандесом, не раз давал отпор крикунам, которые обвиняли социалистов в намерении растоптать право собственности, пряча за этими воплями боязнь потерять скопленные за счет бедняков миллионы.

Но Марти не был социалистом. Он не мог стать им, потому что его еще слишком ослепляла идея единства всей кубинской нации, единства богатых и бедных.

Он видел социальные битвы в стране янки, видел общность социальных проблем США и Кубы, видел социальные корни лозунгов аннексии его родного острова.

И все же самым непоследовательным, удивлявшим доктора Эрнандеса образом он продолжал верить, что есть сила, способная навечно скрепить столь желанное для него единство всех кубинцев, создать умный и гармоничный мир без конфликтов между трудом и капиталом. Он надеялся, что этой силой станет рожденная в войне за независимость будущая республика.

НЕТ, БОГОМ КЛЯНУСЬ, НЕТ!

В середине лета 1883 года Марти получил, наконец, ясный ответ на мысли и предложения, высказанные в отправленных Гомесу и Масео письмах.

Эмигрантские центры на юге США одобряли стремление к новому восстанию, но… у них не было ни денег, ни оружия, ни продуманных планов. Масео также не возражал против войны, он всегда был готов взяться за мачете, но… слишком много волн энтузиазма прошло и рассыпалось перед его глазами. В глубине души «бронзовый титан» верил только в таких испытанных огнем людей, как Максимо Гомес. А Гомес написал Марти, что считает революционное движение несозревшим. Вожаки поколения Десятилетней войны не откликнулись на призыв новых сил революции.

Но в июне в Нью-Йорк прибыл генерал Рамон Леокадио Боначеа. Порывистый и громогласный, он без устали говорил о войне. Генерал Боначеа не собирался ничего готовить и планировать, его не заботила подпольная сеть на острове.

— Вся Куба возьмется за оружие по первому выстрелу нашего десанта! — гремел он в тесной комнатке Нью-Йоркского комитета. — Уж я-то знаю, что это так! И если среди эмигрантов не найдется ни одного кубинца, готового вступить в мой отряд, я отправлюсь один и один разверну флаг войны на родных берегах!

«Как часто храбрость бывает слепа!» — думал Марти, слушая Боначеа. Охваченный жаждой славы и власти, генерал не желал слушать «болтунов во фраках».

Что мог поделать с этим Марти? Боначеа стал искать винтовки подешевле, а Марти снова и снова склонялся над письменным столом, заставляя читателей в разных странах думать о судьбах Кубы и его Америки. Он твердо верил, что «свобода Америки никогда не будет полной, если не будет свободна Куба», и знал, что путь к этой свободе может быть проложен только после долгой, кропотливой и все решающей подготовки.

24 августа 1883 года, в сотую годовщину со дня рождения Боливара, он получил отличную возможность высказать свои мысли перед весьма представительной аудиторией.

В большом банкетном зале фешенебельного ресторана «Дель Монико» собрались люди, представлявшие в Нью-Йорке всю Латинскую Америку. Косые лучи низкого солнца, проникавшие через огромные, закругленные вверху окна, отражались от граней

хрустальных ваз с тропическими цветами. Под флагами своих республик сидели консулы и вице-консулы, журналисты и коммерсанты. Под флагом Гондураса можно было видеть самого Маркоса Аурелио Сото.

Кресло рядом с Эстрасуласом пустовало. Марти сел среди соотечественников под красно-бело-голубым флагом.

Звенели бокалы, и ораторы расплескивали потоки изящного красноречия. Марти слушал, и в его груди росло раздражение. Разве этого достойна память Боливара? Если бы вдруг волею судеб Освободитель вошел сейчас в зал! Он смахнул бы хрусталь со стола и развернул карту Кубы. Разве позволительно представителям республик забывать о порабощенном брате?

И Марти не выдержал. Он поднял бокал и встал со словами:

— За свободу всех народов и за счастье тех, кто еще страдает в рабстве!

Он говорил больше часа. Он призвал всех быть верными делу Боливара не только на словах. Он говорил о красоте своей Америки, о ее величии, о том, что мешает и грозит ей. И каждый, кто слушал его в тот вечер, почувствовал боль, когда он говорил о Кубе — ампутированной конечности континента.

— …Те, у кого есть родина, должны любить и уважать ее. Те, у кого нет родины, должны ее завоевывать!..

Владельцы, журнала «Ла Америка» предложили Марти пост редактора. Они знали, что делали, — в последние полгода благодаря статьям Марти тираж журнала значительно вырос.

Не успел Марти согласиться, как последовало новое признание значительности его общеконтинентальных заслуг. В январе 1884 года из Венесуэлы пришел толстый, запечатанный сургучом пакет. Каракасское общество «Друзья знания», объединявшее лучшие умы страны и слывшее подлинной академией наук Венесуэлы, избрало его своим членом-корреспондентом.

Обязанностей и забот у него прибавилось больше, чем прав, но зато редакторский оклад в «Ла Америка» позволил, наконец, уйти из «Лайонс энд Компани». Он снова написал отцу и вскоре встретил его на причале Нью-Йоркского порта.

Дона Мариано было трудно узнать. От прежней выправки и твердой поступи ничего не осталось. В тихую бруклинскую квартиру вошел сутулый, опирающийся на трость старик, для которого мучительной болью отзывался каждый вздох.

Сначала Марти сам ездил с отцом по докторам, но потом вынужден был доверить дона Мариано попечению друзей и Кармен. Весна несла с собой грозы.

Отовсюду шли вести о растущей активности эмигрантов. Генерал Боначеа, правда, еще не сформировал отряда, но собрания революционных клубов и комитетов становились все горячее.

Генерал Максимо Гомес дал знать о себе из Санто-Доминго. Поздним мартовским вечером полковник Мануэль Агилера ворвался к Марти, держа в руках подписанное генералом «Послание революционным центрам». Гомес, еще недавно считавший движение несозревшим, теперь сам предлагал план, в основе которого лежала согласованность действий повстанческих центров в эмиграции. Гомес считал необходимым создание временной хунты, но всю полноту военной власти предназначал главнокомандующему. Еще одной необходимостью, по мнению Гомеса, было создание денежного фонда в двести тысяч долларов.

Вскоре из Гондураса пришли вести о полной поддержке этого плана генералом Антонио Масео. И тогда эмигранты Нью-Йорка окончательно воспрянули.

На торжественной сессии клуба «Индепендьентес», где присутствовали все члены Революционного комитета, было решено принять план Гомеса. Чтобы генерал смог прибыть в Нью-Йорк, из пожертвований на революцию выделили двести долларов.

Приглашение и деньги повез Гомесу Мануэль Агилера.

Посланец должен был сообщить Гомесу, что необходимые революции двести тысяч долларов уже нашлись. Это могло показаться злой шуткой, но в Нью-Йорке действительно был кубинец, пообещавший всю эту сумму сразу.

Нужно сказать, что к этому времени в составе кубинской эмиграции произошли изменения. Остров стали покидать некоторые либерально настроенные плантаторы, сахарозаводчики, владельцы табачных фабрик. Испанцы, верные своей политике грабежа, конфисковали их земли и предприятия, придравшись к весьма осторожным высказываниям в пользу автономии Кубы.

Среди этих эмигрантов оказался и Феликс Говин, знакомый Марти по памятному банкету в кафе «Лувр» 21 апреля 1879 года. Большую часть капиталов Говин уже давно держал в зарубежных банках, и поэтому конфискация коснулась только недвижимости. Но потеря даже части состояния приводила его в бешенство.

— Я готов отдать все, до последнего цента, лишь бы Куба стала свободной! — говорил Говин. Он по-прежнему обильно потел, но платок цветов испанского флага уже не показывался на свет. Говин усиленно размахивал перед носом Марти красно-белоголубым батистовым квадратом.

Гомес приехал в Нью-Йорк вместе с Масео, посетив по дороге эмигрантские клубы Кайо-Уэсо и Нью-Орлеана. Ликующая толпа энтузиастов встречала генералов на перроне. У высокой подножки пассажирского пульмана Марти впервые пожал руки двум ветеранам.

Максимо Гомес носил жесткую бородку, опущенные вниз усы и очки с вытянутыми вдоль бровей овальными стеклами в тонкой стальной оправе. Ему уже было сорок восемь лет, но сюртук сидел на нем как мундир, а энергии хватало на десятерых. Антонио Масео в те дни исполнилось тридцать девять. Высокий, ловкий, с мягкими, но величавыми манерами, он никак не походил на человека, прошедшего через десятки рукопашных схваток.

Генералы остановились в дешевеньком отеле мадам Гриффо на Девятой улице. Совещания начались на следующий же день.

Марти был моложе Масео на восемь, а Гомеса на семнадцать лет. Но — и это очень удивляло его — он чувствовал разницу, лишь думая о генералах в одиночестве. Тогда перед ним вставали грохочущие картины боев, и среди идущих за Гомесом и Масео кубинцев он видел себя простым солдатом. На встречах в отеле мадам Гриффо все было по-другому. Кубинцы Нью-Йорка подчеркивали свое уважение к нему, и генералы хотя и не часто, но все же спрашивали его советов.

Они отправились к Говину втроем: Гомес, Марти и Масео. Говин, преувеличенно обрадованный, налил рома, предложил сигары. Гомес прямо напомнил ему о деньгах. Говин всплеснул руками, сразу вспотел.

— Что вы, генерал, какие двести тысяч? Я говорил о деньгах, но не обещал такой суммы. Ведь я разорен, совсем разорен! И если я дам сейчас хоть немного денег, испанцы никогда не вернут мне конфискованного имущества. Я говорил о трех тысячах и то, лишь когда получу заводы обратно…

Гомес ударил кулаком по золоченому столику.

— Сеньор Говин, вы пытались сыграть двумя колодами карт. Вы хотели шантажировать Испанию и вернуть себе заводы, обещая деньги революционерам. Хватит болтовни!

Положение стало критическим. Патриотам Кайо-Уэсо удалось собрать всего пять тысяч долларов. Гомес обратился к состоятельным кубинцам в Нью-Йорке, призывая их поддержать революцию. Через два дня почтальон принес в отель Гриффо первый ответ, так и оставшийся единственным. Владелец маленького табачного магазина посылал пятьдесят долларов и желал повстанцам удачи.

Напрасно Масео пытался успокоить Гомеса, ссылаясь на активность кубинцев во Флориде. Генерал бушевал:

— Да, я знаю, что в Тампе существует клуб «Игнасио Аграмонте», я читаю все их газеты — и «Эль Яра», и «Эль Сепаратиста», и «Ла Республика». Но я предпочел бы получать не газеты с призывами, а винтовки! Да, винтовки!

Марти, Кромбет, Эрнандес, Агилера тратили все свое время на пропаганду революционных идей. Марти стал меньше писать, забросил обязанности вицеконсула. Эстрасулас посетил Кармен.

— Я нигде не могу его разыскать, — мягко сказал он.

Кармен устроила мужу бурю, каких не устраивала давно. Но результат оказался неожиданным — Марти отказался от поста вице-консула. Напрасно Эстрасулас упрашивал его не горячиться, напрасно плакала Кармен. Он хотел быть свободным.

10 октября, в годовщину «Клича Яры», он вышел на эстраду зала «Таммани-холла», чтобы произнести речь перед самой большой кубинской аудиторией, которая когда-либо собиралась в Нью-Йорке. Он вложил в призывные слова всю свою страсть и веру. Спустя несколько дней родилось Кубинское общество помощи, и он стал его президентом.

Невинной вывеской общества прикрывалась вполне конкретная цель — сбор средств и оружия для будущей революции. Как и в преддверии малой войны, Марти снова принимал песо и доллары, винтовки и пистолеты. Но и денег и оружия было, как и тогда, мало. И он не стал возражать, когда Гомес предложил направить тайных эмиссаров к кубинцам, живущим во Франции, Санто-Доминго, Ямайке, Мексике. Тайных потому, что испанцы через своих послов в любой момент могли потребовать ареста людей, с оружием в руках покушающихся на безопасность и целостность владений короны.

Марти поддержал Гомеса, хотя начинал все настороженнее относиться к его действиям. Он преклонялся перед военным талантом генерала, но… Разве прав Гомес, считая, что революция — это прежде всего вторжение на остров, а не война за умы кубинцев? Генерал действует так, словно свобода Кубы зависит только от количества закупленных патриотами винтовок, от успеха отряда храбрецов-экспедиционеров. Неужели он не понимает, что подлинная гарантия успеха революции в завоевании всенародной поддержки? Может быть, генерал считает, что эта поддержка придет сама по себе, после первых боев и первых побед? Но придет ли она в действительности без предварительного разъяснения планов революционной войны и демократического переустройства Кубы среди тысяч и десятков тысяч людей, ненавидящих испанский гнет?

Так думал Марти в октябре 1884 года. Да, Гомес оставался только генералом. Это было и много и мало. С приходом Гомеса

дело революции, бесспорно, быстрее двинулось с места. Но куда?

Марти все больше опасался, что если движение будет и дальше развиваться в соответствии с приказами генерала, на Кубе может возникнуть военная диктатура.

Эти опасения, сомнения и раздумья неминуемо должны были толкнуть Марти на откровенный разговор с Гомесом. И разговор состоялся утром 18 октября в салоне отеля мадам Гриффо.

Мы не знаем его. точного содержания. Но мы знаем, что многолетняя вера Марти в непогрешимость первого генерала сражающейся Кубы поколебалась. Спустя три дня, 21 октября, Гомес получил письмо:

«Уважаемый генерал и друг!

В субботу утром я вышел из вашего дома в состоянии столь удрученном, что решил подождать дня два и дать своим чувствам успокоиться. Я хотел, чтобы решение, продиктованное мне впечатлениями не только от последней нашей встречи, но и от предыдущих разговоров с вами, было плодом зрелых размышлений, а не результатом мимолетной обиды или излишней горячности в защите священных для меня идеалов.

Есть нечто, стоящее выше всякой симпатии, которую вы внушаете мне, как человек, и даже выше всех доводов рассудка, подтверждающих своевременность вашего начинания, — я полон твердой решимости не позволить страстной приверженности к идее, в которой заключена вся моя жизнь, увлечь меня на неверный путь. Я не окажу ни малейшего содействия делу, начатому с целью установить на моей родине режим диктатуры личности, еще более позорный и пагубный для моей страны, чем политическое бесправие, от которого она страдает сейчас. Кто мы, генерал? Героические и скромные служители великой идеи, окрыляющей наши сердца, верные друзья страждущего народа или дерзкие и удачливые каудильо, которые, натянув сапоги со шпорами и взяв хлыст в руки, намерены поднять народ на войну, чтобы впоследствии поработить его? Даже руководствуясь самыми искренними побуждениями, можно впасть в очень серьезные ошибки.

Я стою за войну, начатую во исполнение воли страны, в братском союзе со всеми основными силами народа. Я пришел к вам, полагая, что именно такую войну вы намерены возглавить. Такой войне я отдам всю душу, ибо она спасет мой народ. Но из разговоров с вами я понял, что имеется в виду совсем иное.

Разве могу я, генерал, с этой тревогой и этими сомнениями в душе выполнять поручения, привлекать новых сторонников, убеждать тех, которые мне уже верят, вести переговоры с людьми выдающимися, руководить людьми?

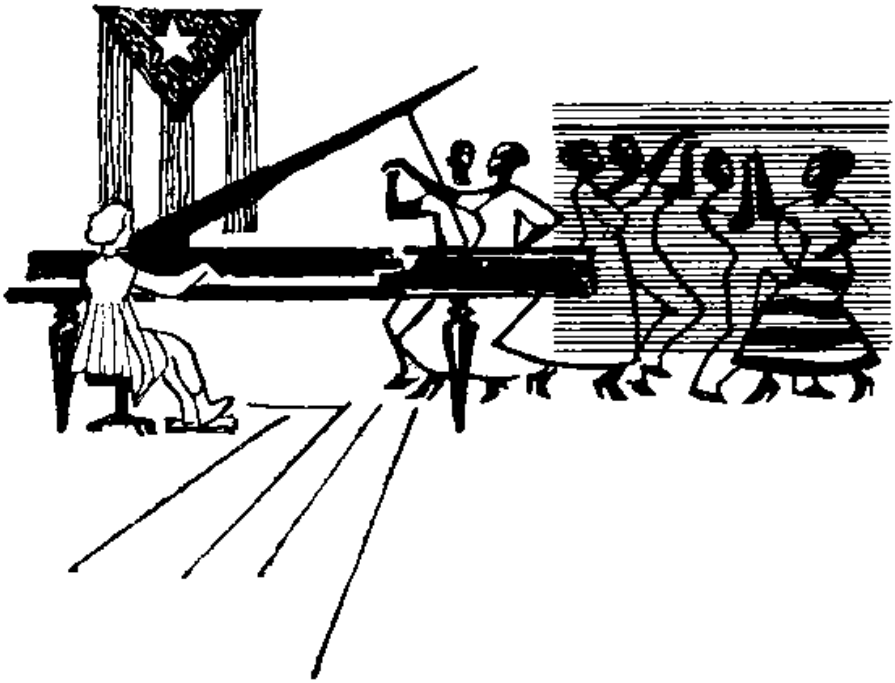
Не обижайтесь на меня, генерал, за то, что я изложил вам свои доводы. Я считаю вас человеком благородным и хочу заставить вас призадуматься. Вы можете стать великим человеком, но можете и не стать им. Подлинное величие — в уважении к народу.

Мне кажется, что вас, человека, исполненного достоинства, я люблю. Но той войне, которую в настоящий момент вы собираетесь начать, я говорю — нет!

Остаюсь уважающий вас и готовый к услугам

Хосе Марти».

Глава VII
УЧИТЕЛЬ



ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ БЫТЬ СИЛЬНЫМ

«Этот человек оскорбляет меня. Если бы всем была известна глубина дружеских чувств, которые я к нему питаю, стало бы ясно, как подействовало на меня чтение этого письма и размышление над ним». Гомес написал эти слова на обороте письма Марти.

Отношения были разорваны, в Нью-Йорке и Кайо-Уэсо сочли Марти дезертиром, и он оказался в одиночестве.

Он и сам понимал всю двусмысленность своего положения. Желая родине счастья, он вышел из уже марширующих рядов. И порой в тишине бруклинской квартиры его охватывал ужас, рожденный кажущейся бесполезностью своего существования. Он писал: «Привыкшая к перу рука болит от желания взять оружие более сильное и во имя цели более мужественной и трудной. Горечь моей земли входит в мою душу и сводит меня с ума…»

В декабре пришли вести о судьбе Боначеа. Генерал не захотел вступить в отряды Гомеса и отправился на Кубу сам, во главе дюжины отчаянных юнцов. Неподалеку от Мансаниль испанцы захватили всю группу в плен и расстреляли.

Неудача этой экспедиции лишь подтверждала мнение Марти о необходимости всесторонней подготовки восстания. Но Марти не мог аналитически сухо подходить к судьбам людей. Он сидел над развернутым газетным листом и вспоминал, что Боначеа сложил оружие последним из всех ветеранов Десятилетней войны. Разве не он заявил, что санхонская сделка «вредна для интересов страны»? Он был очень смел, этот Боначеа.

Тянулась мрачная зима, и Марти казалось, что у него никогда не было столь тяжелых дней. После разрыва с Гомесом удовлетворение приносила только журналистика, и, отправляя статью в Буэнос-Айрес или Боготу, он по-прежнему чувствовал себя бойцом.

«Президентская гонка» 1887 года кончилась поражением Джеймса Блейна, воинственного и ненавистного ему политикана. В Белый дом пришел демократ Кливленд, обещавший отменить протекционистские тарифы, покончить с коррупцией и стремлениями к внешней экспансии. Кливленд получил на выборах голоса мелкой городской буржуазии и фермеров, и Марти с удовольствием написал о нем в «Ла Насьон».

А тем временем продолжала сказываться разобщенность патриотов.

В мае генерал Лимбиано Санчес и молодой член нью-

йоркского клуба «Индепендьентес» Панчин Барона Торнет с горсткой нетерпеливых инсургентов высадились на востоке Кубы. Но один из членов отряда оказался переодетым испанским шпиком. Он предупредил береговую охрану и, едва началась схватка, выстрелил Лимбиано Санчесу в спину.

Как и при высадке Боначеа, все было кончено очень быстро. Остров не знал о десанте, не ждал его. Даже окрестные гуахиро остались в стороне — мало ли в кого могут стрелять испанцы!

Кубинские колонии в Нью-Йорке и Флориде снова надели траур. Санчес и Боначеа ошибались, торопились, рисковали, но — во имя Кубы. И великая цель заслоняла в глазах эмигрантов личные цели неудачников. Нападки на Марти усилились. В газетах Кайо-Уэсо его даже называли трусом.

И Марти решил ответить.

25 июня 1885 года зал «Кларенден-холла» заполнили эмигранты. Белый как бумага Марти попросил собравшихся сформулировать обвинения. Никто не вышел к трибуне, и только выкрики из рядов говорили о недоброжелательности аудитории. Марти начал речь. Зал стих не сразу, но, стихнув, слушал:

— Все мы хотим свободы Кубы, и различие мнений ранит наши ряды. Но я полон твердой, как скала, решимости и надежды увидеть в моей свободной стране такие порядки, при которых каждый будет уважаем, как святой. Должно быть само собой разумеющимся, что в общественных делах нет большей воли, чем воля страны и ее благо, преобладающие над частными интересами.

Наутро Трухильо писал Масео в Нью-Орлеан: «Мне доставило большое удовольствие, что на этом торжественном и великолепном собрании не было высказано (Марти. — *Л. В.*) ни одной мысли, ни одной фразы, которая могла бы помешать прогрессу революционного движения или сыграть на руку нашим врагам, описывая положение так, словно мы разъединены и ненавидим друг друга.

Я и не ожидал ничего другого, зная тонкую политическую и патриотическую тактичность Марти. Он заявил, что всегда был и будет с нацией».

Трус не мог бы выйти на трибуну для открытых дебатов. Это понимал каждый, и обвинения в адрес Марти стали потихоньку стихать. А он, следя за событиями на Кубе, все больше убеждался, что времена каудильо уходят.

Трудовой люд острова пробуждался. Родилось Объединение рабочих Гаваны, призвавшее к солидарности всех трудящихся. Росло количество обществ взаимопомощи рабочих, которые назывались обществами сопротивления. Приверженец Маркса

Ройг-и-Сан-Мартин возглавлял борьбу против сторонников «аполитичного» Сатурнино Мартинеса, когда-то, в годы детства Марти, создавшего первые объединения табачников, а теперь воспевавшего «славу льва Кастилии». Упрямые побеги подлинного свободомыслия появлялись на острове вместе с ростом кубинского пролетариата, и первые классовые стычки на Кубе шли параллельно с битвами североамериканских рабочих.

В августе и сентябре Марти отослал в Буэнос-Айрес несколько больших очерков. В них говорилось об индустриальных проблемах Соединенных Штатов, о борьбе «Рыцарей труда», о многотысячных процессиях возмущенных рабочих на улицах американских городов, о том, что против трудящихся объединились все «сильные мира сего» — предприниматели, правительство, католическая церковь. Марти видел, что наступление капитала внутри страны сливается с его внешней экспансией, и предупреждал об этом свою Америку:

«Есть в Соединенных Штатах буйные и бесцеремонные люди, привыкшие класть ноги на стол; люди с толстой мощной и наглой речью, быстрые на расправу. Это новоявленные гунны, которые мчатся на паровозах, мародерствуют и опустошают по-современному. Величайшие мошенники, они создают компании, обещают дивиденды, покупают красноречие и влияние, опутывают конгресс, ведут за собой под узду законодательство, загребают барыши. Сенаторы посещают их с черного хода, министры наведываются к ним в ночное время. Одно неукротимое желание постоянно приводит в движение эту чудовищную машину: заграбастать все, что попадется под руку, — землю, деньги, субсидии, гуано Перу, северные штаты Мексики.

Они бесстыдно разжигают презрение, с которым здесь и без того привыкли смотреть на испано-американские народы.

Злодеи, которые ради своей наживы сеют горе и вражду между народами, заслуживают того, чтобы их с петлей на шее, босыми, с обритыми головами провели по улицам мирных городов.

Кто они? Банкиры? Нет, бандиты — вот их настоящее имя!»

Владелец «Ла Насьон» долго не решался напечатать эти очерки. Еще бы! Ведь Марти обличал «демократическую» страну, которая была образцом для аргентинских лидеров. Но в конце концов желание сеньора Митре-и-Ведиа увеличить тираж своей газеты победило опасения. Он заслал в набор полученные из Нью-Йорка очерки, и они увидели свет.

Их читали и перечитывали в каждой латиноамериканской стране. Слова и мысли Марти влияли на программы партий, планы президентов. Его имя с огромным уважением произносили

тысячи никогда не видевших его людей. И, думая о нем, люди по-разному представляли себе его лицо, фигуру, походку, голос. Но, наверное, никто не представлял его себе в стоптанных донельзя ботинках.

Деньги, деньги, деньги… Если они что-нибудь и значили для него, так только в кассе Общества помощи, президентом которого он оставался по-прежнему. И Кармен, уже не надеясь, что муж хоть когда-нибудь порвет с революцией, снова покинула Нью-Йорк, забрав с собой белокурого сына.

Некоторое время Марти и его семидесятилетний отец жили вдвоем — два кубинца, олицетворявшие прошлое Кубы и ее будущее. Но врачи так и не смогли помочь дону Мариано, холодная сырость грозила смертью, и с наступлением зимы он тоже покинул Нью-Йорк.

Медная дощечка исчезла с дверей бруклинской квартиры. Одинокий, как и пять с лишним лет назад,

Марти снова поселился на 29-й улице, в пансионе Кармиты Мантильи.

Он пришел туда утром, когда Кармита занималась с детьми. Ее муж, Мануэль, умер, и она вела хозяйство одна, воспитывая уже не двоих, а троих детей. Младшую звали Мария. Марти еще не видел этой девочки — и замер, встретив ее ясный, как у матери, взгляд. Они сразу стали неразлучны. Дети не ошибаются в любви никогда.

Этой зимой Марти написал для газеты «Эль Латиноамерикано» повесть «Пагубная дружба», перевел с английского для Эпплтона роман Хью Конвея «Отозванный назад» и «Рамону» Эллен Хант Джексон, а в «Ла Насьон» отослал очерки, где говорилось о продажности министра, едва занявшего свой пост, жизненном пути генерала Гранта и многом другом. Марти работал, не щадя себя, и семена его мыслей постепенно давали всходы на всем континенте. Из Мексики и Боливии, Уругвая и Аргентины, Пуэрто-Рико и Гватемалы к нему обращались за советом и звали в гости, просили выслать книги и сообщали новости. После 20 октября 1884 года ему иногда казалось, что никакая сила не сломит оков трагического одиночества, а теперь он находил эту силу в себе самом.

«Нью-Йорк, 25 марта 1886 года.

Много проблем встает сейчас перед Соединенными Штатами. Сильные мира сего объединяются против живущих на крохи бедняков и против пророков — друзей обездоленных.

Вечная битва! Все богачи, все сытые желудки против бескорыстных и беззаветно преданных своему делу душ, для которых единственной наградой является радость творить добро.

Семь с половиной процентов промышленности Соединенных Штатов бездействовали в течение года. Обнищание и вынужденное безделье трудящихся растравляют их раны и вызывают новые жалобы. Окрыленная мистическим пылом апостольских времен, по всей стране, словно огонь по сухой степи, распространяется деятельность ордена трудящихся, Благородного ордена рыцарей труда.

Когда стало известно, что служащие городского транспорта требуют два доллара в день за то, что работают, стоя на ногах по двенадцать часов, а компании отвечают увеличением рабочего дня и снижением заработной платы, — едва ли нашелся человек, не рукоплескавший решению служащих бросить вагоны и конюшни, пока не добьются они повышенной оплаты, которой всего лишь хватило бы на кров и пищу для их скромных семей. «У меня есть дети, — сказал один из служащих, — и я никогда не вижу их при свете дня!»

Тачки, груженные углем, камнями, кирпичом, опрокидываются на рельсовый путь. Полицейские с поднятыми дубинками бросились на толпу, народ разбежался, но через несколько минут улица снова была полна мужчин и женщин, а из окон снова грозили кулаками. И так весь день. И так всю ночь.

Теперь ясно, что рабочие осознали силу, которую придает им организация, и что их деятельность, охватив всех недовольных, может остановить или потрясти жизнь всей страны».

Марти заклеил конверт. Капиталисты кричат о «подрыве законного правительства», о стремлении рабочих привести к власти «олигархию из коммунистов и анархистов». Его Америка должна знать правду. Власть имущие паразитируют, пользуясь трудом обездоленных. С этим надо бороться. Человеческое общество не должно кормить тунеядцев.

КТО ТАМ, В НЬЮ-ЙОРКЕ, КОНСУЛ?

Время, казалось, перестало работать на кубинскую революцию. Денег у Гомеса и Масео не хватало, экспедиция откладывалась снова и снова. Прежние бури в клубах сменились мертвящей зыбью.

И Марти не удивился, когда, как в печальные дни Санхона, среди кубинцев раздались голоса, проповедовавшие реформы, автономию, даже аннексию — что угодно, кроме независимости.

По мнению Марти, реальную и серьезную опасность представляли прежде всего аннексионисты, за спиной которых стояли дельцы южных штатов США.

16 мая 1886 года Марти написал открытое письмо богатому либералу сеньору Рикардо Родригесу Отеро: «…Лишь тот, кто не знает нашей страны или Соединенных Штатов, лишь тот, кто не знаком с законами возникновения и развития народов, может выбрать подобное решение вопроса. Так могут думать еще и те, кто любит Соединенные Штаты больше, чем Кубу. Но тот, кто жил в Соединенных Штатах, — тот думает о возможной аннексии только с болью в сердце. Эта страна всегда относилась к Кубе, как к лакомому кусочку. Не может желать аннексии человек, который, сняв с глаз повязку, читает все, что пишется о Кубе в этой стране».

Он адресовал письмо Отеро, но обращался к Кубе и поэтому работал долго, зачеркивая фразы, тщательно подбирая слова. Он думал о будущей войне, но не хотел сражений ради славы освободителя. И поэтому, кончая письмо, он написал: «Наша страна требует жертв. Она алтарь, а не пьедестал. Ей служат, а не используют ее в своих целях…»

В августе проекты Гомеса и Масео потерпели окончательную неудачу. После демаршей испанских дипломатов мексиканское правительство конфисковало оружие, закупленное «бронзовым титаном» в Мехико и других городах. Фиаско ожидало и Гомеса, действовавшего в Санто-Доминго. Винтовки и здесь оказались в правительственных арсеналах, а сам генерал получил восемь месяцев тюрьмы.

Реформисты торжествовали.

Они связывали неудачу Гомеса и Масео с наконец-то объявленной отменой рабства. Их газеты писали, что после этого «гуманного акта» испанских кортесов исчезла основная причина недовольства кубинцев, основная причина возможной войны.

Утверждая так, часть реформистов ошибалась, а часть лгала.

Рабство было отменено, но недовольство бедняков Кубы росло по-прежнему. «Гуманный акт» не предотвратил революционный взрыв, а лишь, быть может, слегка отдалил его.

Голосуя за освобождение рабов, кортесы руководствовались чисто экономическими соображениями. Малопроизводительный рабский труд к этому времени стал так сильно тормозить развитие сахарной промышленности Кубы, что тревогу забили даже самые консервативные владельцы плантаций и заводов. Работающего из-под палки, не заинтересованного в сохранности и лучшем использовании появлявшихся на заводах машин раба нужно было содержать круглый год. А труд вольнонаемных рабочих обходился в пересчете на единицу продукции куда дешевле — короткие, только на время сафры[36], контракты, сдельная оплата, система штрафов и материальной ответственности за доверенное оборудование. Чтобы не умереть с голоду, получившему волю, но оставшемуся без земли негру или мулату приходилось принимать любые условия.

В один из зимних вечеров 1886 года Марти засиделся в «Полегре», ресторанчике на Пеарл-стрит, облюбованном кубинцами. Здесь постоянно шли споры о будущем Кубы, именно споры, потому что провал экспедиции Гомеса и Масео расколол эмигрантов.

— Зачем, зачем нам стрелять? — горячился невысокий господинчик в обтягивавшем жирную спину сюртуке. — Разве не лучше без крови, постепенно добиться у Испании прав, за которые мы готовились платить смертью?

— В конце концов каждый недовольный может уехать сюда, в Штаты, — добавил его сосед, бывший скотовод из Лас-Вильяса. — Вот я, например, — я и здесь нашел себе дело: никто лучше меня не может отбраковать скот на нью-йоркских бойнях!

Третий кубинец не ограничился репликами. Он встал и подошел к сидевшей в углу кампании американцев.

— Рассудите наш спор, джентльмены, — сказал он. — Мы хотели бы…

До Марти донесся ответ бизнесмена:

— Наша страна — страна свободы! Леди Свободу видно с моря за шестьдесят миль! Конечно, кубинцы могут приехать в Штаты. Им найдется работа во Флориде, где можно осушать болота и сажать апельсины. Но только стоит ли тратить доллары на дорогу? Не лучше ли просто сделать Кубу еще одним американским штатом?

Посетители «Полегре» обернулись сразу, потому что Марти, вставая, чуть не опрокинул стул.

— Да, джентльмены за тем столиком правы! — воскликнул он. — Статую Свободы действительно с моря видно за шестьдесят миль. И на ее постаменте начертаны слова: «Я поднимаю свой светильник у золотого входа». В октябре[37] палили пушки и над сотнями праздничных лодок развевались флаги «Мейфлауэра»[38] и республики. И каждый был уверен тогда, что свобода составляет в этой стране основу, щит и суть жизни. Но разве подлинная свобода допускает подчинение других народов? Разве будут свободны в своей республике сыны Северной Америки, если они откажут в праве иметь свое государство кубинцам?

А кубинцы хотят независимости. Отмена рабства не примирила их с Испанией, а, напротив, заронила в их сердца новую жажду борьбы. Вчерашние рабы сегодня хотят стать хозяевами своей земли, своей жизни, и их слово еще не сказано…

— Эй, сеньор! — взметнулся над залом выкрик одного из американцев. — Ниггеры[39] поставят вам памятник!

— Вы говорите «ниггеры»? Нет, полноправные граждане, как и белые, проливавшие кровь под знаменами Сеспедеса, Аграмонте, Гомеса и Масео. Вы хотите аннексии Кубы, чтобы ее постигла судьба ваших южных штатов? Нет! Кубинцы не согласятся на это!

Испуганный хозяин нервно перетирал за стойкой посуду. А Марти говорил, обращаясь уже не к янки, а к соотечественникам, заполнявшим зал:

— Недавно я получил письмо от Эмилио Нуньеса. Он живет сейчас в Филадельфии. Этот город лежит на берегах Делавера, и его название означает «братская любовь». Там стоит Дом независимости, там можно видеть Колокол свободы, звеневший над Америкой в 1776 году. Но в этом колоколе есть трещина, которую можно пощупать пальцем. И как эта трещина в благородном металле, есть изъян и в братской любви в этой стране. Эта трещина — стремление властвовать. Собственная свобода очень дорога этим людям пуританской касты. На чужую свободу они смотрят как на объект, который можно обесчестить. Хищность касты выражается даже в чересчур орлином профиле носов ее представителей…

Янки сидели молча. С каким удовольствием они заткнули бы глотку этому кубинцу, заткнули бы чем угодно: кулаком, каблуком, бутылкой! Но, черт побери, окажется, что в Штатах действительно нет свободы, что нельзя говорить все, что думаешь.

Марти шел домой, сутулясь под порывами ледяного ветра. Как мало еще знает его Америка об истинном лице Соединенных Штатов! И как хорошо, что он может рассказывать ей об этом

через «Ла Насьон» в Буэнос-Айресе, через «Ла Республика» в Гондурасе, через «Эль Экономиста Американо» здесь, в Нью-Йорке. Нет, еще не все потеряно для революции. Нужно изучать обстановку и тщательно, исподволь собирать силы. Рано, рано торжествуют те, кто готов променять подлинную свободу на «дарованные» блага.

В феврале телеграмма из Гаваны сообщила о кончине дона Мариано. Из жизни ушел единственный родной Марти человек, который — пусть поздно — все же принял его таким, каким он был: не щадящим себя бунтарем, бескорыстным борцом за идеалы, столь многим казавшиеся несбыточными.

Марти писал Фермину Домингесу в Тампу: «Ты не знаешь, насколько сильно я его полюбил после того, как понял, что под грубой внешностью он хранил цельность и красоту души. Моя печаль не может быть большей».

Он повесил портрет отца над столом. Теперь он был совсем один — донья Леонора, такая нежная и тихая, любила в нем только сына, но не повстанца.

Тем больше он думал о Кубе. Он знал, что «национальное единство» точили черви. «Зачем же еще нужны колонии, как не для эксплуатации?» — вопрошали в кортесах консерваторы, утверждая новые обложения. И Марти не ошибался в надеждах и прогнозах: новые зерна гнева прорастали на востоке и западе. Крестьяне требовали земли, а неутомимый Энрике Ройг-и-Сан-Мартин начал издавать газету «Эль Продуктор», которую посвятил «защите экономических и социальных интересов рабочего класса». Марти не получал этой газеты, но знал о ее позиции из писем Фермина Домингеса. Он соглашался с «Эль Продуктор», когда она звала бороться «против всякого угнетения», но качал головой, читая о призывах к «прямому действию», к всеобщей забастовке. Драма на Хеймаркетской площади Чикаго была слишком свежа в его памяти[40].

Думая так, Марти не замечал, что по-прежнему противоречит самому себе. Признавая освободительную войну необходимой и отвергая «постепенные реформы», он тем не менее хотел социального мира, верил в его возможность и надеялся поэтому, что Куба сможет избежать классовых боев, когда ее народ будет един.

Между тем на континенте его знали уже настолько, что никто не удивился, когда он занял место вышедшего в отставку Эстрасуласа. Постановление уругвайского правительства о назначении консулом доктора Хосе Марти было датировано 16 апреля.

Спустя всего несколько дней Марти снял на Фронт-стрит, 120

комнату для консульства. Он уже успел принять первых посетителей, когда на него обрушилась весть о смерти Уолта. Уитмена.

Марти не был знаком с этим человеком, он лишь читал его стихи. Но смерть бунтаря, непокорного до конца, не смирившегося и не запросившего пощады, заставила его забыть о делах, отложить все. Кому, кому мог он раскрыть свою влюбленную в Уитмена душу? Своей Америке.

«Только в священных книгах древности можно отыскать такую цельность мировоззрения, такой пророческий слог, такую мощь стиха. Его книга запрещена в Америке. Ведь это живая книга…

Уитмен, поющий о «жизни, безмерной в страсти, в биении, в силе», Уитмен, для которого «малейший росток свидетельствует, что смерти на деле нет», Уитмен, приветствующий все народы и расы в своем «Salut au Monde»… Его надо изучать, потому что он если и не самый изысканный, то, несомненно, самый смелый, самый глубокий и самый естественный поэт своей эпохи.

Какой невежда смеет утверждать, что народы могут обходиться без поэзии? Есть еще на свете близорукие, которым в плоде важна лишь кожура. Поэзия, объединяющая и разъединяющая; поэзия, укрепляющая дух или навевающая печаль; поэзия, способная вселить бодрость и веру, нужна народам. Она важнее, чем сама промышленность. Ведь промышленность дает им средства к жизни, а поэзия дает волю к жизни и помогает жить.

Взгляните вперед, вы, поэты, проливающие ненужные слезы на забытые алтари! Вы думали, веры больше нет? Она изменила форму. Встаньте, ибо вы — священнослужители. Свобода — вот наша вера. Поэзия свободы — наш новый культ.

Слушайте, как поет народ, трудолюбивый и радостный, слушайте Уолта Уитмена! Его величие — от полноты жизни, справедливость его — от терпимости и счастье — от ощущения гармонии мира».

Эта первая написанная в кабинете на Фронт-стрит статья увидела свет в двух концах континента: ее напечатали «Ла Насьон» и мексиканская «Эль Партидо Либераль». Вместе с этими газетами почтальон принес Марти выходящую в Тампе «Эль Яра».

Издатель «Эль Яра» дон Хосе Долорес Пойо призывал к новой атаке. После провала Гомеса и Масео прошел уже год, и призывы вновь находили слушателей. В Тампе «Эль Яра» вторили газеты Нестора Карбонеля и других издателей. В Филадельфии Эмилио Нуньес сплотил колонию и готовился к сбору средств.

Приходили в движение не только эмигрантские клубы.

Недовольство кубинских крестьян выливалось в стихийные бунты. Отряды гуахиро начали действовать во многих районах Кубы. Под угрозой беспощадной расправы они требовали от помещиков денег для неимущих. Даже до Нью-Йорка дошла слава Мануэля Гарсиа Понсе, «короля кубинских полей», о храбрости и справедливости которого в народе складывались легенды. Испанцы писали о Гарсиа как о «бандите» и «разбойнике», а он, по свидетельству историков, «каждый раз, когда звучал клич восстания против Испании, становился со своими отрядами на сторону сепаратистов».

Чтобы прозондировать обстановку в Нью-Йорке, Марти решил созвать патриотов в день 10 октября. Задача была не из легких. Кубинская колония, разобщенная и недоверчивая, не хотела новых призывов, за которыми обычно следовали денежные сборы.

Вместе с друзьями Марти разнес и разослал приглашения, составленные в самом осторожном тоне. Местом собрания назначался зал масонской ложи Нью-Йорка.

Прошли томительные дни ожидания, и Марти увидел, что свободных мест в зале нет. «Как сильно у людей предчувствие решающих дней», — подумал он. Располневший Томас Эстрада Пальма, последний президент сражающейся республики, а ныне директор детской школы в Сентрал-Велли, открыл собрание.

Выступление Марти как бы подводило черту под словами тех, кто говорил до него. Да, утверждал Марти, Куба ждет наших действий, но война не является задачей сегодняшнего дня. Сегодня нужно заложить основы будущей республики, сегодня нужно работать для того, чтобы ее корни были здоровыми. Он вспомнил о дне Яры:

— Разве не чувствуете вы, как чувствую я, этот холодный, занимающийся после долгой ночи рассвет?

И зал откликнулся возгласами:

— Слушайте, слушайте! Вива Яра! Вива Куба! Родина и Свобода!

Но спустя несколько дней Марти обвинили в соглашательстве с автономистами. Какие-то «доброжелатели» анонимно отправили на юг искаженную стенограмму его речи, из которой можно было сделать вывод, что он против войны не только сейчас.

Марти немедленно написал в «Эль Яра»: «Мне очень важно, чтобы те, кто преданно служит Кубе, кто никогда не позволял, чтобы огонь погас на их алтарях, могли бы иметь правильные, сведения о том, что делается для Кубы».

Выправленная стенограмма увидела свет, мнения Марти нашли союзников, и бравый ветеран Десятилетней войны генерал Хуан Фернандес Рус прислал ему письмо, советуясь о

практических формах будущей борьбы.

Марти ответил Русу, с одной стороны, поддерживая его порывы, а с другой — указывая на необходимость тщательной подготовки. Полный воинственности, Рус выехал для консультаций в Нью-Йорк.

Сепаратисты собрались на Фронт-стрит и стали деловито обсуждать вопросы восстания.

Уже сама по себе эта встреча говорила, что разногласия преодолимы и что залог успеха — в объединении. Было решено создать Исполнительную комиссию во главе с Марти и поручить ей разработку плана практической работы.

Марти остался верен себе. По его настоянию в план, являвшийся одновременно и программой, были внесены пункты, пресекающие попытки авантюризма и установления личной диктатуры. Каждую строку отличал высокий гражданственный дух — дух Гуаймаро, дух Аграмонте. Основой плана являлись следующие положения: демократизм целей освободительного движения, необходимость объединения эмиграции на основе равенства и демократии, недопущение захвата власти какой-либо военной или гражданской группой для возвышения какого-либо социального класса или одной расы над другой и, наконец, активное противодействие идеям и попыткам аннексии.

Генерал Рус пожелал побеседовать с Марти наедине. Он пришел в пансион Кармиты в мундире, сохранившемся с 1878 года, и вручил каждому из детей по шоколадной лошадке. Когда он уходил, Кармита услышала доносившийся из передней голос Марти:

— Я писал сеньору Пойо, генерал, что революция не просто стремительная военная кампания, поход, в котором войска слепо следуют за прославленными вожаками. Революция — это великое демократическое предприятие, наиболее сложная проблема политики…

Рус ушел, простившись дипломатически вежливо, и, закрывая за ним дверь, Марти подумал, что справиться с такими храбрецами будет не легче, чем с испанцами. Но он понимал, что справиться нужно, потому что хотел для Кубы не военного переворота, следствием которого явилась бы диктатура, а революции всего народа.

Он следил за событиями в Гаване и знал, что в это время там собрался первый на Кубе рабочий конгресс. Центральным вопросом конгресса стал вопрос о единстве. Анархистские лидеры выступили против согласованных действий, отстаивая самую широкую автономию рабочих объединений. Марти отнесся к позиции анархистов с неодобрением, считая, что необдуманные,

разрозненные выступления лишь ухудшают положение.

Майская драма в Чикаго и судебная расправа над невинными доказывали, как он считал, его правоту. В большой статье для «Ла Насьон» он писал:

«Со времен гражданской войны, с тех трагических дней, когда Джон Браун был казнен за попытку провести у себя в Харперс-Ферри реформу, осуществление которой позднее стало делом чести и славы для всей нации… ни один смертный приговор в Соединенных Штатах не привлекал к себе столь всеобщего внимания, не возбуждал до такой степени общественного мнения.

Устрашенная стремительным ростом сил трудового народа и внезапно окрепшей солидарностью рабочих масс, разобщенных доселе несогласиями в среде своих вожаков, республика на примере этих несчастных хотела устрашить грозный нарождающийся класс. Судебный процесс превратился в настоящую битву — в битву, которую обманным путем выиграли фарисеи.

И вот их казнили[41]; и точно в каком-то жутком танце дергались на виселице их тела, одетые в белые саваны; и кое-как сложены были в сосновый гроб истерзанные останки того из их товарищей, кто, желая подать высокий пример любви к людям, покончил счеты с жизнью, обратив против себя оружие, предназначенное, как он верил, совершить искупление рода человеческого[42], но по-прежнему холодно было в домах бедняков, и на столе у них не прибавилось хлеба, и не прибавилось справедливости в общественном распределении богатств, и не возросла уверенность людей в завтрашнем дне. Фанатический культ золотого тельца, не умеряемый в этой стране, привел республиканские Соединенные Штаты ко всем несправедливостям, ко всем жестокостям и неравенству, какие процветают в монархических государствах.

Каплями крови, исчезавшими в морских волнах, — вот чем были в Соединенных Штатах революционные теории европейских рабочих. Так продолжалось, пока пустующие земли и республиканское устройство общества обеспечивали иммигранту кусок хлеба. Но прекрасный край, бывший доселе самой удивительной из республик, превратился в замаскированную монархию, и европейские иммигранты с удвоенной яростью обрушились на ее пороки, которые, казалось им, навсегда остались у них за спиной, на их тиранической родине.

Трудовые массы поняли, что они стали такой же жертвой алчности и неравенства, какой является народ в феодальных государствах. На западе, развившемся с такой поразительной быстротой и не менее быстро сосредоточившем на одном полюсе

дворцы и заводы, а на другом — нищету, с особой силой должны были сказаться и недовольство трудовых масс, и пламенные советы их друзей, и злоба, накопленная в сердцах бессовестностью и несговорчивостью хозяев. Они всего лишь маленькие колесики в громадном социальном механизме, только с изменением всего механизма может измениться и их положение.

И поэтому для победы в самом большом и трудном из всех мыслимых боев — бою за свободу — нужно собирать силы, объединяться, объединяться и объединяться!»

Марти дописал статью, перечитал ее. Почему самые смелые пошли за анархией? Парсонс называл себя социалистом, но ведь он и его друзья — анархисты; об этом пишут и говорят всюду[43]. Неужели Куба не запомнит этот урок? Одни только взрывы не принесут победы.

Гонорары позволили Марти привезти в Нью-Йорк донью Леонору. Почти совершенно ослепшая, она поражалась лязгу и грохоту города, тихо приговаривая:

— Как можно здесь жить, Пепито! У меня раскалывается голова…

Она поцеловала детей Кармиты, а Хосе строго сказала:

— Умирая, отец пожелал тебе счастья. Напиши в Камагуэй.

Марти поспешно согласился. Да, да, он обещает написать завтра же. Он не хотел расстраивать мать и пошел на этот маленький обман, чтобы избежать долгих и тягостных ему разговоров. Отец пожелал ему счастья — что же, дон Мариано хоть поздно, но понял, в чем оно заключается.

Марти говорил матери, что занят консульскими делами, а сам метался по городу, сплачивая и убеждая разобщенных и недоверчивых. Ему и его соратникам по Исполнительной комиссии удалось, наконец, заручиться обещаниями материальной помощи со стороны нескольких состоятельных эмигрантов, и он решил, что пора подумать о мече революции. И он написал Максимо Гомесу, апеллируя к его «благородным чувствам и ясному пониманию положения». Помня прежние расхождения, он изложил все пункты принятого Исполнительной комиссией плана, особо подчеркнув необходимость «воспрепятствовать тому, чтобы пропаганда аннексионистов ослабила нарастающую силу революционного порыва народа». Кроме Марти, подписи поставили члены комиссии Феликс Фуэнтес и Кастро Паламино.

С нетерпением и тревогой ждал Марти ответа «старика». Как-то примет Гомес программу новой кампании?

Письмо генерала пришло вместе с объемистым пакетом

дипломатической почты. Даже не взглянув на уругвайские штемпели, Марти схватил долгожданный конверт из Санто-Доминго, вскрыл его.

«Моя шпага всегда к услугам Кубы», — писал генерал.

ТЕРПЕНИЕ, ТЕРПЕНИЕ, ТЕРПЕНИЕ

А тем временем Рус укатил на юг и там громко возмущался «осторожничанием» Нью-Йорка. Генерал, как Марти и предвидел, счел себя обойденным.

Отъезд Руса возбудил различные кривотолки. Кубинцы еще помнили о разрыве Марти с Гомесом и Масео в 1884 году, и теперь, как казалось некоторым, былые обвинения Марти в «неуживчивости и вероломстве» получили новые доказательства.

«Звезды не выше, чем амбиция некоторых людей», — с горечью писал Марти Нуньесу в Филадельфию. Но он призывал не вступать в полемику, чтобы не углублять раскола. Он был самым дальнозорким и видел, что уже всходят посеянные им семена, слышал, как в Филадельфии и Тампе, Буэнос-Айресе и Каракасе все громче раздаются голоса, повторяющие его мысли. И, чувствуя и веря, что время уже работает на революцию, Марти перешагивал через мелкие дрязги и сплетни.

Летом на одном из заседаний клуба «Индепендьентес» он чуть было не поссорился с Флором Кромбетом.

— Ждать, ждать, ждать! Сколько можно ждать? — гневно восклицал Кромбет, и тонкие усики над его верхней губой нервно вздрагивали. — Почему мы не начинаем? Чего мы боимся? Смерти?

Председательствовавший Хуан Фрага остановил Кромбета:

— Свои соображения хочет высказать сеньор Марти.

Марти встал, успев заметить, как демонстративно махнул рукой Кромбет.

— Уважаемый сеньор Кромбет прав, — негромко начал Марти, — Не нам бояться смерти в бою. A la guerre comme a la guerre[44]. И я целиком стою за эту войну, но с одной оговоркой. Эта война должна быть войной объединившихся кубинцев, войной всех…

Он говорил, как всегда, долго и страстно, не слыша редких реплик. И когда он окончил, Кромбет отвел взгляд.

Однако, добившись поддержки тезиса о единстве, выиграв первый раунд, Марти проиграл второй. Клуб решил готовиться к войне руками военных. Им передавалась пустая пока что казна, им доверялось решение всех связанных с будущей революцией вопросов. Напрасно говорил Марти о необходимости и преимуществах гражданского управления, напрасно убеждал собравшихся, что солдат должен выполнять волю народа, а не подчинять его воле собственной. Мундир Кромбета оказался

более сильным аргументом.

Заседание клуба «Индепендьентес» не прибавило Марти популярности среди эмигрантов. Наоборот, многим стало казаться, что по каким-то таинственным причинам он нарочно затягивает вооруженное выступление. Марти тяжело переживал все это, но был уверен, рано или поздно Кромбет и те, кто сегодня пошел за ним, поймут, что подлинная сила революции в высокой гражданственности и точном выборе момента взрыва.

В эти месяцы он особенно много думал о будущем Кубы. Он считал, что для Кубы вряд ли годится механизированный мир, который строили, уже задыхаясь в нем, европейцы и янки. Каждый кубинец должен чем-то владеть и что-либо сеять на собственном поле.

Наступила промозглая осень.

Марти по-прежнему работал много и упорно. Исполнительная комиссия, несмотря на пророчества пессимистов, не рассыпалась. Вошедшие в нее патриоты— юристы и литераторы, коммерсанты и педагоги — умели смотреть в завтрашний день. Их покорила сила духа Марти, и, поддерживая его предложения, комиссия решила созвать кубинцев 10 октября на возможно более широкой основе.

Марти понимал, насколько значимым может оказаться это собрание в такой трудный для дела Кубы год. Стремясь подготовить почву, он написал для газеты Трухильо статью о Сеспедесе и Аграмонте, тонко протягивая нити исторических параллелей от дней Гуаймаро к нынешним временам.

«Эль Ависадор Кубано» вышла утром, а вечером ее читатели собрались в знакомом зале Масоник-Темпл. Марти нервничал. Он всегда хорошо чувствовал настроение слушателей, и теперь его не покидало ощущение исходившего от первых рядов отчуждения. Он понял, что собравшиеся помнят и «неуживчивость» и «вероломство».

Когда он встал перед бурлящим залом, его лицо было бледно, но голос тверд.

— Наша родина, наш народ — есть ли что-либо на свете более дорогое сердцу кубинца? И разве кубинец может быть счастлив, когда его брат страдает от цепей? Наш ответ может быть один: нет, нет и нет! Цепи должны быть разбиты. Но берегитесь кузнецов, разбивающих вместе с цепями суставы. Законы политики, законы революции неотделимы от законов любви…

Зал слушал молча, и, словно сочтя эту тишину трещиной в хмурой стене недоброжелательности, Марти взял зал в союзники, не спрашивая его согласия.

— Мы, все мы, являемся тормозом будущего деспотизма и единственным стойким врагом деспотизма настоящего.

Мы те, кто борется, чтоб отдать завоеванное всем другим. Мы — школа, кнут, реальность, страж и совет. Мы объединяем то, что другие разъединяют. Мы не умираем. Мы охраняем права нации!..

Недаром Марти считали лучшим оратором Нью-Йорка. Хрупкому человеку с излучавшим магнетическую силу убеждения взглядом снова удалось подчинить себе слушателей, заставить заглянуть в завтра, созданное его мыслью.

Когда, растекаясь по проходам между темнокрасных кресел, кубинцы покидали ряды, многие старались протиснуться к Марти, похлопать по плечу, пожать руку. А он, устало улыбаясь, думал: почему, увлекая людей на правильный путь, он не может навсегда вселить в них свою веру? Почему потом, когда проходят минутные взлеты прозрения и энтузиазма, они снова начинают слушать генералов и некритически принимать их близорукие доктрины неподготовленных вторжений?

Он думал об этом всю ночь, и мысли, смешиваясь с горькими и радостными воспоминаниями, шлифовали решение, как прибой шлифует прибрежную гальку. Да, конечно, авторитет ветеранов весомее его авторитета. Потому что каждый из них смотрел смерти в лицо, каждый приносил жизнь на алтарь Кубы. И если они остались живы, то не потому, что береглись от пуль. Что он может противопоставить этому? Слова? Какими бы правильными ни были эти слова, они будут слабее солдатского ореола. Но, быть может, не следует бороться против главенствования генералов? Нет, они слишком торопливы, слишком пренебрежительны к мыслям других, и провал 1884 года — лучшее тому доказательство… Что же, если все дело в самоотверженности — не ему отступать. Жизнь для Кубы, для Америки — не это ли венец его стремлений?..

Той осенью в Соединенных Штатах разыгрывалась очередная «президентская гонка». Слон топтал осла, а осел лягал слона[45] на сотнях митингов, факельных шествий, танцевальных вечеров. Демократ Кливленд на этот раз не сумел скрыть, что всего лишь тридцать пять лет назад он имел незаконнорожденного сына и был забросан тухлыми яйцами даже в родном Буффало. Это беспокоило Марти. За спиной республиканского кандидата Бенхамина Гаррисона, для вящей популярности носившего старую шляпу своего деда-президента, на горизонте американской внешней политики снова маячила зловещая фигура Джеймса Блейна.

Бывший учитель в горной деревушке штата Кентукки, Блейн сумел вовремя найти хозяев своему таланту политического

интригана. В тридцать лет он был уже спикером конгресса штата, а теперь, обзаведясь сединами, олицетворял силы, стремившиеся к внешней экспансии.

Марти давно раскусил Блейна: «Он заискивает перед магнатами; с помощью Блейна они поддерживают под покровом протекционизма монополии, которые разжигают страшную войну, войну против голодающих.

Перед богачами он, держа шляпу в руке, будет расточать улыбки, комплименты, любезности, красивые слова. Но перед врагами и соперниками он ощетинивается, он приписывает другим свои собственные побуждения и действия, обращается с противниками, как с низшей породой. Так блистает в политике этот перевертень, настолько лишенный щепетильности и добродетели, что шокирует немногих честных людей».

Марти по-прежнему работал в своем кабинете на Фронт-стрит.

Он сам сделал полки для книг из сосновых досок, а единственным украшением кабинета служили несколько индейских безделушек, привезенных из Мексики и Гватемалы. На стене между портретами Аграмонте и дона Мариано висела железная цепь с каторги «Сан-Ласаро». Донья Леонора привезла ему кольцо, которое, наконец, сделал из звена этой цепи Агустино де Сендеги, и он никогда не снимал с пальца серый кусок металла.

К нему приходили маститые поэты и эмигранты-табачники, прогоревшие дельцы и отставные генералы, просто путешественники и люди, плывшие за сотни миль, чтобы передать письмо из подполья. Его работой, его нечеловеческой духовной щедростью гордились даже те, кто осуждал его кажущуюся медлительность.

Он всегда одевался в черный костюм и носил черный галстук. Ему исполнилось тридцать пять лет, его волосы еще более поредели, а глаза смотрели с грустной улыбкой.

Кубинцы Тампы и Кайо-Уэсо передавали друг другу рассказы о нем. Диего Висенте Техера, поэт и социалист, восхищенно писал:

«Только те, кто говорил с Марти, знают всю силу очарования, которая может быть заключена в человеческой речи».

Один из венесуэльских писателей, отвечая на вопросы газетчиков, сказал:

— Разговор с ним стоит месяцев чтения.

Он по-прежнему был готов писать для всех и обо всем, не считая зазорной ни одну тему. Конечно, он излагал свою точку зрения. Она могла нравиться или нет, но это была его точка

зрения, которая интересовала читателей на всем континенте, и поэтому, когда Мануэль Меркадо широко открыл для него страницы мексиканской «Эль Партидо Либераль», спрос на газету возрос.

Его знали уже не только как дипломата и журналиста. Академия наук и изящных искусств Сан-Сальвадора избрала его своим членом-корреспондентом. Но он был и оставался прежде всего мамби и еще раз доказал это, когда филадельфийский журнал «Мэнуфекчурер», открыто высказывая точку зрения банкиров и промышленников, опубликовал статью «Нуждаемся ли мы в Кубе?».

Сочинения на подобную тему и раньше появлялись на страницах «солидной» прессы Соединенных Штатов. Но эта статья не ограничилась доводами «за» и «против» аннексии Кубы. «Мэнуфекчурер», а следом за ним и перепечатавшая статью газета «Нью-Йорк ивнинг пост» объявляли кубинцев «изнеженными, неспособными и ленивыми людьми», столь долго подчиняющимися испанскому гнету из-за отсутствия «зрелой силы и самоуважения».

Протест Марти, направленный 21 марта в редакцию «Нью-Йорк ивнинг пост», огорошил редакторов. Развязному тону борзописцев из «Мэнуфекчурер» кубинский изгнанник противопоставил обоснованную критику политики США, ясно показывая различие между бесстыдной алчностью янки и светлым стремлением Кубы к свободе.

«Вряд ли найдется кубинец, сохранивший хотя бы смутное представление о чести, который пожелал бы видеть нашу родину присоединенной к стране, где руководители общественного мнения относятся к кубинскому народу с предубеждением, присущим безмерному самохвальству или крайнему невежеству.

Труженики кубинцы восхищаются нацией, добившейся невиданной до сего времени свободы, но не доверяют темным силам, которые, как микробы в крови, начали в республике свое дело разрушения. Они не могут искренне поверить в то, что культ индивидуализма, преклонение перед богатством и слишком длительные и шумные восторги по поводу страшной победы[46] позволяют считать Соединенные Штаты образцовой страной свободы.

Мы, кубинцы, не являемся «народом жалких бродяг и аморальных пигмеев», как пишут о нас и о других народах Испанской Америки наглые писаки. Страдая под игом тирании, мы всегда боролись за свободу, как мужественные люди, а иногда поистине как титаны. Мы были разбиты, но мы все же продолжаем борьбу.

В нашей стране после войны хозяйничают преступники, нашу страну превратили в вертеп; герой и философ в ней голодают, а хищники из метрополии утопают в роскоши; честный крестьянин, разоренный войной, которая с первого взгляда может показаться бесполезной[47], молча вернулся к плугу, хотя в свое время он сменил этот плуг на мачете; тысячи людей, изгнанные из своей страны после поражения революции, учились управлять собой и создавать нацию. Разве все это дает право «Мэнуфекчурер» называть нас «женоподобным народом»?! Эти «слабосильные юноши» однажды уже восстали против деспотического правительства, тогда как «страна свободы» задерживала корабли восставших, помогая врагам свободы. Эти «слабосильные юноши» умели подчиняться дисциплине, спать на голой земле, питаться кореньями, сражаться, не получая никакого вознаграждения, побеждать врага и героически умирать. Эти «женоподобные» кубинцы не испугались своего деспотического правительства и, не таясь, в течение недели носили траур по Линкольну.

Свободолюбие, годы борьбы против тирании, характер, закаленный на Кубе и в изгнании, способствовали развитию у кубинца навыков к самоуправлению. Требуя уважения к законам свободы, он без страха и сомнений выбил меч из рук самых прославленных полководцев, претендовавших на захват власти[48]. Политический уровень развития кубинца ничуть не ниже уровня гражданина Соединенных Штатов.

«Мэнуфекчурер» заканчивает свою статью словами: «Их попытки к восстанию были настолько слабы, что больше походили на фарс». Репортер осмелился назвать «фарсом» нашу войну, которую в свое время иностранные наблюдатели называли «великой эпопеей», осмелился назвать «фарсом» уничтожение рабства, провозглашенное в первые дни свободы! Своими руками мы сжигали родные города, наши женщины носили одежду из коры деревьев, десять лет мы вели борьбу. Новое поколение достойно своих отцов, и только смерть может заставить кубинцев прекратить борьбу за независимость».

«Нью-Йорк ивнинг пост» вынуждена была поместить этот сгусток гнева. Издатели газеты отлично понимали, что в случае их отказа протест опубликует и к тому же подаст как сенсацию любая другая газета.

Дождь поздравлений пролился над Фронт-стрит. Марти отпечатал статью из «Мэнуфекчурер» и свой ответ на нее отдельной листовкой и постарался, чтобы весь тираж этих желтоватых листков нашел читателей. Подписи под все поступавшими поздравлениями, рассказы друзей и впечатления от встреч с соотечественниками позволяли ему точно знать, кто и

как реагирует на статью. И он отметил, что бедняков честь Кубы волновала куда больше, чем богатых.

Клеветническую статью из республиканского «Мэнуфекчурер оф Филадельфиа» перепечатала демократическая «Нью-Йорк ивнинг пост». Так политики обеих ведущих партий ответили на очередную неудавшуюся попытку Блейна купить сахарный остров у Испании.

Трогательное единодушие старых соперников нисколько не удивило Марти. Он уже давно был убежден, что хозяевами США являются не победившие партии, а монополии.

Марти считал, что это именно так, хотя, по мнению «неподкупной» американской прессы, последние президентские выборы продемонстрировали полное торжество демократии. Разве было что-либо предосудительное в том, что республиканец Джей Гульд ссудил своему кандидату несколько миллионов? Разве новый президент не показал себя истинным слугой народа, заявив в послании к конгрессу: «Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает»?

«Это хорошая доктрина, — саркастически писал Марти о болтовне Гаррисона, — как бы применить ее к железнодорожным компаниям, которые пожрали всю страну и самого Гаррисона водрузили на президентское кресло?»

Его беспокоили откровенные призывы к экспансии, «Континент наш, и волей или неволей он должен покупать все наши товары!» — вопили конгрессмены. «Мы, мы хозяева от Арктики до Антарктики!» — вторили сенаторы. И, тревожно прислушиваясь к этой зловещей какофонии, вглядываясь в нависшую над Кубой угрозу, Марти жадно искал новые признаки ощутимых перемен в настроениях кубинцев на острове и в эмиграции.

Нужно было точно уловить момент, когда усталый от прежней войны остров мог бы снова напружинить мускулы. И, осмысливая десятки и сотни фактов, на первый взгляд, быть может, совершенно не связанных между собою и даже противоречивых, Марти приходил к выводу, что передышка идет к концу.

Молодой рабочий класс Кубы объединялся для борьбы. Табачники создали «Рабочий альянс», официальным органом которого стала газета марксиста Ройг-и-Сан-Мартина «Эль Продуктор». «Альянс» выступал за независимость, и большинство рабочих организаций острова поддерживало его позицию. Готовясь к войне, рабочие вели интенсивную конспиративную работу.

Кубинское крестьянство, не дождавшись обещанных

Испанией милостей, бурлило. Лучшие умы страны были на стороне сепаратистов. Даже богатые эмигранты, сторонившиеся обычно шумных революционных сходок, все чаще благожелательно посматривали в сторону «мамби в изгнании». Ветер революции начинал шевелить паруса.

В первых числах апреля его навестил Рафаэль Серра. Плечистый и толстогубый, он говорил отрывисто и грубовато. В глазах Марти Серра олицетворял энергию и ум кубинских негров.

В тот вечер они договорились, что Серра и его темнокожие друзья создадут просветительское и революционное общество бедняков «Лига». Марти обещал бесплатно читать лекции его будущим членам.

Он проводил гостя до остановки конки и, прежде чем вернуться домой, долго ходил по слабо освещенным улицам. Радостное настроение не покидало его. Строки стихов приходили сами:

Я потому лишь и живу, что жду,
Когда смогу отчизне послужить.
Я, умирая, лучше ей служу,
Чем те, которые вынюхивают способ,
Как положить ее к ногам врага…

Дома он начал писать письмо в Мексику: «Пройдет, по-видимому, еще немало времени до тех пор, пока на солнце блеснут лезвия мачете. «Терпение!» — так говорит Торопливости зрелая Мудрость. Но та же Мудрость говорит отваге: «Готовься!»

«НАМ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ, ДОКТОР!..»

Мы уже знаем, что Марти не был социалистом. Но его симпатии к этим смелым и честным борцам оставались неизменными. Шесть лет назад он с горечью писал о смерти Маркса. А теперь конец лета принес еще одну печальную новость — колониальная тюрьма свела в могилу Энрике Ройг-и-Сан-Мартина.

Марти прочел об этом в «Ла Трибуна дель Трабахо», рабочей газете, которую издавал в Кайо-Уэсо марксист Карлос Балиньо. Балиньо неизменно выступал за участие рабочих Кубы в антииспанской борьбе, и Марти уважал его. Он знал также, что газета Балиньо широко читается на острове, особенно табачниками Гаваны, и поэтому не сомневался в надежности ее связей и достоверности информации. Материалы «Трибуны» рассказали ему, что в июне Энрике Ройг опубликовал в «Эль Продуктор» статью «Либо хлеб, либо свинец».

«Освободительные социалистические идеи, — писал Ройг, — внедрились в сознание рабочих, тщетны будут усилия вырвать их. Когда народы, пресыщенные обманом и страданиями, единогласно приходят к определенному решению, то нет силы, которая могла бы заставить их отступить. Вопрос поставлен, и есть только одно рациональное и возможное решение: либо хлеб, либо свинец!»

Похороны Ройга доказали популярность освободительных и социалистических идей на острове. Гроб, медленно проплывавший по улицам Гаваны, тонул в цветах, а впереди и сзади него тысячи рабочих несли венки, присланные из всех городов Кубы.

Думая о Ройге, о силе идей, преобразующих мир, и о возможности восприятия этих идей массами, Марти снова приходил к выводу, что в основе свободы должно лежать образование народа. Он видел, какие неисчерпаемые духовные силы таятся в простых табачниках и гуахиро, и как-то раз, наслушавшись протяжных сонов[49] и сказок, где быль сплеталась с фантастикой, рассказывал ветерану Франсиско Каррильо:

— Вчера у меня были журналисты из Уругвая. А чуть позже пришел Рафаэль Серра со своими друзьями неграми. Они так пели, что уругвайцы еле сдержали слезы. А я думал: мы читаем Гомера по-гречески, мы завидуем богатому эпосу его древней родины и не видим, как десятки наших собственных Гомеров с гитарами на плечах бродят по американским пустыням…

— Ты все еще надеешься организовать это просветительское общество для негров? — шевеля седеющими бровями, спрашивал Каррильо.

— Да, но все упирается в деньги, Панчо.

Прибегали дети Каррильо, они залезали Марти на колени, требовали конфет, тянули гулять. И, лишенный счастья отцовства, он забывал о своих заботах и горестях, гладил смоляные головки, внимательно проверял, все ли пуговички панталон и курток застегнуты как надо, а потом отправлялся со своими шумными любимцами в «Сентрал-парк» или в «Эден» — знаменитый музей восковых фигур.

Чужие дети были его единственным личным счастьем. Особенно любил он Марию, младшую дочь Кармиты, отдавал ей почти каждую свободную минуту.

Он много раз говорил друзьям, что хотел бы сделать добро для каждого ребенка Америки, и чуть не запел от радости, когда богатый бразилец Дакоста Гомес предложил ему редактировать детский журнал. Все расходы сеньор Гомес брал на себя.

Летом 1889 года «Ла Эдад де Оро» — «Золотой возраст» — впервые увидел свет. Тридцать две страницы текста, отпечатанные четким красивым шрифтом на глянцевитой бумаге, несли свет и добро тем, кто только входил в жизнь:

«Все латиноамериканцы должны любить всех, кто боролся за свободу своей родины.

Свобода — это право быть честным: не лицемерить ни на словах, ни в мыслях. Человек, который старается скрыть свои мысли или не решается высказать их вслух, не может называться честным. Человек, который подчиняется дурному правительству и не пытается сменить его, не может называться честным. Человек, который покоряется несправедливым законам и позволяет угнетателям попирать землю, на которой он родился, не может называться честным.

Честные люди восстают с неукротимой силой против тех, кто лишает народы воли и независимости. Эти честные люди выражают чаяния тысяч людей, целого народа. Такие люди священны. Три героя в Америке священны: Боливар из Венесуэлы, Сан-Мартин из Рио-де-Ла-Платы, Идальго из Мексики. Нужно простить им ошибки, ведь то доброе, что они совершили, намного превосходит их недостатки. Достоин восхищения ваятель, который из грубого камня создает статую, но люди, которые воззвали к жизни народы, воистину велики.

Они подлинные герои, они борются за свободу народов, живут в нищете и терпят лишения во имя защиты великой правды. Те же, кто воюет из честолюбивых побуждений, те, для

кого война — путь к господству, средство поработить другие народы и захватить чужую землю, — такие люди — преступники!»

Не меньшая глубина мысли отличает и строки, написанные Марти для самых маленьких:

«Как только дверь закрылась, из-под одеяла заблестели два глаза, и Пьедад, откинув его, стала в постели на колени. Она увидела игрушку, куклу негритянку, и бросилась к ней. Она схватила ее, целовала, прижимала к груди:

— Неправда, что ты уродина, хотя у тебя только одна косичка! Смотри, какой букет из незабудок я тебе принесла! Моя хорошая куколка, иди ко мне! Ты плакала? Тебе было скучно одной? Не смотри на меня так, не то я сама заплачу. Тебе холодно? Ложись ко мне на подушку, увидишь, как я тебя отогрею. Я для тебя оставила конфет, а у меня их отняли, сказали: «Довольно, дорогая, тебе будет нехорошо». Ну вот, теперь ты хорошо укутана. Дай я тебя поцелую перед сном. Теперь можно потушить лампу, и мы заснем вместе, вдвоем, ты и я… Я тебя люблю, Леонора, оттого, что они все не любят тебя!»

Так заканчивается очаровательная новелла «Черная кукла».

В дом № 77 по улице Вильям, где Дакоста Гомес снял оффис для редакции «Ла Эдад де Оро», Марти входил, охваченный радостным трепетом. Он один готовил весь материал и следил за набором, он не получал за свой труд ни цента, но это не беспокоило его. Он оставлял на улице свои горести и заботы и писал, писал «с быстротою птицы, с прозрачностью сказки». Он проповедовал идеи, которые многим казались дерзкими, — призывал учить детей наукам и ремеслам, а не догмам теологии. Он писал веря: близится время, когда «электричество начнет двигать плуги». И поэтому довольно быстро наступил последний день «Ла Эдад де Оро».

Официальной причиной прекращения выпуска «Ла Эдад де Оро» стали «финансовые затруднения» бразильца. Марти знал, что дело совсем не в этом — ведь еще до выхода первого номера и он и Гомес согласились, что издание журнала является скорее «предприятием сердца, а не предприятием бизнеса». Истина крылась в другом. Патрон, ярый католик, не мыслил себе издания без дифирамбов церкви, а Марти и не думал петь эти дифирамбы. Он слишком хорошо помнил «отсветы пожарищ Анатуангина».

Было бы ошибкой, однако, считать Марти атеистом. Несмотря на резко отрицательное отношение к католицизму, импульсивный и одухотворенный кубинец верил в существование потустороннего мира, думал о нем.

Но Марти считал, что религиозным требованием современного ему мира является гармония духа со свободой

суждений.

Вера в бога в нем удивительным образом уживалась с горячей, неиссякаемой верой в человека, в его могущество, в силу его мысли: «Ужели напрасно деятелен человек? Ужели не повзрослел — в пути от Дельф до Америки? Ужели ему, с его могучим разумом, просить совета и наставления у оракулов? Надо быть круглым невеждой, чтобы не признавать познаваемости мира. Если солнцу не грешно светить, то почему мне грешно мыслить?» — писал Марти.

Он ясно видел истинное лицо церкви, которая «ничему не научилась ни у истории, ни у свободы, ни у политической экономии», которая «все еще полагает, будто ныне, как и во время оно, при Эсте, Гонзаге и Сфорце, можно управлять миром с помощью шушуканья, исповедален и подлости, с помощью тупоумных королей и грязных фавориток, с помощью кинжала и яда, застенков и копий, интриг и клеветы, прорицаний и отлучений, заговоров и предательства». Разве церковь не говорила политику: «Дай мне те земли, дай мне этот закон, дай мне такую-то привилегию, а я заставлю свою паству поддержать тебя»? Разве не говорила она богачу: «Массы становятся все более непокорными; только церковь, суля им справедливость на небесах, еще может сдерживать их; объединимся же против масс»? И, наконец, разве церковь не поступала так всюду, от Канады до Аргентины и Чили?

Выпуск «Ла Эдад де Оро» прекратился, однако свободного времени у Марти не прибавилось. Осенью 1889 года он выступил против создания таможенного союза всех стран Северной и Южной Америки»

Идею такого союза — экономического варианта доктрины Монро — еще восемь лет назад, при Гарфильде, высказал Блейн. Страны — участницы союза должны были открыть свои границы для практически беспошлинного ввоза любых товаров, произведенных любой страной любого из американских континентов, одновременно преградив высокими таможенными барьерами путь на американский рынок для дешевых товаров из Европы.

Внешне Блейн ратовал за равноправие всех участников союза. Но на деле принятие его предложения означало бы полное господство США на внутренних рынках своих слаборазвитых соседей. Для латиноамериканцев же принятие идеи союза грозило полным прекращением торговли — и порою весьма выгодной — с Европой.

Марти затрубил тревогу: писал письма, убеждал собеседников, готовил статьи для газет разных стран. И когда

однажды Рафаэль Серра сказал: «Нам очень нужна ваша помощь, доктор. Мы хотели бы разобраться…», ответ у Марти уже был готов:

«С самого дня провозглашения независимости еще не было в Америке вопроса, требующего большей настороженности, более детального и тщательного анализа, чем этот конгресс, на который могущественные Соединенные Штаты, заваленные продукцией, не находящей сбыта, и полные решимости расширить свои владения на американском континенте, пригласили менее сильные американские страны, намереваясь создать союз против Европы».

Вот отрывки из документов тех дней:

19 октября. Письмо другу Гонсало де Кесада-и-Аростеги:

«Я считаю международную конференцию опасной или по меньшей мере ненужной для нашей Америки. Для Кубы я вижу в ней одно только преимущество — возможность заставить Соединенные Штаты, если только они пойдут на это, признать, что Куба должна быть независимой. Мы должны знать, какую позицию занимает этот алчный сосед, открыто нас вожделеющий».

29 октября. Еще одно письмо де Кесаде. Марти уверен, что под давлением янки панамериканские конференции не смогут принять «какие бы то ни было полезные решения, а лишь такие, которые будут отвечать интересам США, заведомо не совпадающим с нашими». Он считает, что нельзя допускать и мысли, что «нация, заинтересованная в Кубе ввиду географического расположения страны, ее стратегической важности, ее экономики и политики, своими руками вырвет нас из рук испанского правительства и добровольно дарует нам свободу.

Если только США проникнут на Кубу, кто сможет потом заставить их уйти?»

2 ноября. Корреспонденция для «Ла Насьон»:

«Только единодушный и мужественный отпор, который еще не поздно организовать, может раз и навсегда избавить народы Испанской Америки от непрекращающейся роковой тревоги и смятения… иначе алчный и могущественный сосед в возможном сговоре с продавшимися или трусливыми республиками будет держать их в постоянном напряжении, проводя свою традиционную политику господства. Соединенные Штаты никогда не стремились способствовать развитию стран Испанской Америки. Зато во всех случаях они старались либо задержать освоение этими странами новых земель, как в случае с Панамой, либо завладеть их территориями, как это было в Мексике, Никарагуа, Санто-Доминго, Гаити и на Кубе; либо заставляли их

угрозами отказаться от сношений с остальными странами, как это было в Колумбии; либо же, как они пытаются делать сейчас, принуждали наши страны покупать товары, которые они не могут сбыть, и создать с нами конфедерацию, с тем чтобы господствовать над нами».

16 ноября, письмо другу, патриоту Серафину Бельо:

«Для этой страны (США. — *Л. В.*), побуждаемой протекционистскими тенденциями, пробил, по-видимому, час, когда она уже не считает нужным скрывать свою явную агрессивность. Она алчно уставилась на острова Тихого океана и на Антильские острова, на нас. В наших силах помешать ей, проявив гибкость и приняв соответствующие меры. Решимость и ясность суждения, да если еще их хорошо использовать, порою значат больше, чем сила».

14 декабря, письмо де Кесаде:

«Нашей стране, Гонсало, угрожает план, наиболее коварный из всех, которые нам были известны до сих пор. Он заключается в том, чтобы спровоцировать на острове преждевременное восстание, создав этим предлог для вмешательства в. начавшуюся войну, а затем, выступая в роли посредника и гаранта, обосноваться на Кубе. Более гнусного плана не бывало еще в анналах истории свободных народов. И не бывало другой, более хладнокровно продуманной подлости, чем эта».

19 декабря к зданию «Скоттиш Райт-холла» съезжались элегантные экипажи. Испано-Американское общество Нью-Йорка давало обед в честь делегатов Вашингтонской конференции. Делегаты входили в зал с безразличными лицами. Они устали от поездки по стране, от развязных репортеров, от бесед с наседавшими на них бизнесменами, от всей той смеси шума, спешки, торгашества и наглости, которую уже стали называть «жизнью по-американски». И поэтому они лишь слабо похлопали, когда председательствующий объявил, что сейчас выступит «наш любимый оратор доктор Хосе Марти».

Речь Марти была краткой и ясной. Происхождение и формирование двух Америк, их отношения и будущее предстали перед слушателями без сшитых янки розовых одежд.

— Только богатство, которое создается собственными усилиями, и свобода, которая завоевывается собственными руками, являются прочными и подлинными, — говорил оратор, и слушатели вспоминали статьи в газетах Нью-Йорка и Вашингтона, выбалтывавшие то, что пытался скрывать Блейн. — Зачем нам вручать свои судьбы соседу? Зачем нам быть союзником Соединенных Штатов в той битве, которую они собираются начать со всем остальным миром? Почему они

должны вести свои сражения с Европой на территории американских республик и испытывать на свободных народах свою систему колониальных захватов?

Первым обнял Марти Никанор Болет Пераса. Венесуэла сбросила Гусмана Бланко, и теперь бывший политэмигрант представлял ее в первой дипломатической схватке с северным соседом.

— Ты, как всегда, на коне, Пепе, — ласково сказал другу венесуэлец. — Это первая честная и содержательная речь, которую всем нам, делегатам, довелось услышать.

Все шло почти так, как хотел Марти. Янки не смогли навязать свою волю латиноамериканцам. Конференция создала Бюро по вопросам торговли между американскими странами, но не приняла решений, обязательных для всех стран американского континента. А когда пришло время голосовать резолюцию, которая гласила, что «завоевание должно быть навсегда устранено из американского гражданского права», янки получили звонкую оплеуху.

Марти писал об этом: «В нашей Америке не может быть каинов. Наша Америка едина! Какая из стран Америки откажется заявить, что захват территорий, принадлежащих братскому народу, является преступлением? Какой народ умышленно сохранит за собой право силой отторгнуть собственность другого народа? Может быть, Чили? Нет. Может быть, Мексика? Нет. Мексика — земля Хуареса, а не Тейлора[50]. Одна за другой все страны Америки голосуют за проект, осуждающий захваты. «Да!» — заявляет каждая, и каждая произносит это слово все громче. Прозвучало только одно «нет!» — это «нет» Соединенных Штатов. Блейн с опущенной головой идет через зал. Десять депутатов Севера в смятении следуют за ним…»

В рождественские дни Марти можно было найти у Франсиско Каррильо. Чаще всего он молчаливо сидел, протянув ноги к камину, и события и дела кончавшегося года проходили перед ним, вновь волнуя, огорчая и радуя. Ответ «Мэнуфекчурер» и смерть знакомого лишь по статьям Ройга, короткая жизнь «Ла Эдад де Оро», беседы с Серрой, беготня по магазинам в поисках дешевого, но теплого пальто для бедствующего художника-эмигранта из Гуанабакоа, посещения больных и споры, работа консула, переписка… Помнится, после хороших вестей с Кубы он писал осенью Нуньесу: «В сложившихся сейчас на Кубе условиях может произойти конфликт, вынуждающий нас к немедленным действиям»…

Что еще? Статьи, конечно, статьи. «Иностранная политика дяди Сэма» — август, «Наша Америка» — сентябрь, «Выставка

картин русского художника Верещагина» — март. О, этот Верещагин! В его полотнах живут искусство, святость и тирания. Он пишет свой протест красками… Русские — какой могучий народ! Как сильны и точны мысли Белинского, этого русского Вольтера, а Пушкин как поэт куда выше Байрона. Он поет надвигающуюся русскую революцию. Раз познакомившись с ним, его нельзя забыть, в своей груди он вмещал вселенную. Да, конечно, конец прошлого века был отмечен гигантской революцией на востоке, конец нынешнего будет ознаменован сокрушительной революцией на западе[51].

А что же конец века принесет Кубе и Испанской Америке? Неужели янки сумеют сделать континент своей колонией? Нет, этого допустить нельзя. Для Испанской Америки пробил час вторично провозгласить свою независимость!

«АПЛОДИРУЙТЕ ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ!»

Вечером 20 января 1890 года Марти спешил на открытие «Лиги» — общества взаимопомощи и просвещения кубинских рабочих негров в Нью-Йорке.

Все его сердце принадлежало этому созданному его стараниями обществу. Среди энтузиастов «Лиги» он чувствовал себя не только педагогом, но — прежде всего! — кубинцем.

«Лига» рождалась трудно. Дело было не только в бедности ее учредителей — табачников и докеров, разносчиков и кучеров, но и в цвете их кожи.

В Нью-Йорке, как и на юге, жил лозунг ку-клукс-клана — «невежество — проклятие бога». На каждом шагу янки вспоминали о легендарном происхождении негра от библейского Хама, и владельцы залов не раз грубо отказывали Марти, узнав, что помещение нужно для черных. Янки хорошо знали, что из каждых десяти негров девять ставили кресты вместо подписи, но даже этот «уровень» казался им чересчур высоким. Марти получал издевательские письма с предложениями «не лизать красный зад черных обезьян».

Но он не отступил, и «Лига» открылась. Он купил для общества пианино, и теперь маленькая Мария, дочь Кармиты Мантильи, сидела на высоком табурете, разбирая ноты. Одна за другой прозвучали речи, самое дешевое шампанское все же подбросило пробки к потолку, Мария заиграла что-то громкое и бравурное, а черные люди с восхищением смотрели на усталого человека, который так не походил на других белых.

Поздно вечером, когда Мария уже видела сладкие сны, Марти писал: «Все, все должны идти вместе. Только тогда добытое благо будет всеобщим».

Отныне вечер каждого четверга был отдан «Лиге». Занятия вели шесть учителей, но никого негры не ждали так, как Марти. Класс стихал, едва только в конце коридора раздавались знакомые шаги и характерный кашель. Когда он входил, каждый хотел помочь ему снять пальто, разложить книги. Его слушали, как пишут очевидцы, с религиозным почтением, его слова вызывали огромный подъем, будили воображение, раскрывали неведомые прежде широты. Газеты кубинских эмигрантов называли его лекции «энциклопедическими».

Письма расистов продолжали приходить, но Марти не придавал им никакого значения.

— Если больной кусает руку доктора, так не потому ли, что

он болен? — перед этим вопросом отступали даже друзья, призывавшие его к публичному отпору.

А в «Лиге», привычно упершись левой рукой в бедро и чуть взмахивая правой, он говорил патриотам:

— Сомневаться в вас в сто раз труднее, чем сомневаться в себе, а в себе я не сомневаюсь.

Кое-кто склонен был считать это просто фразой. Колонию эмигрантов-островитян все еще раскалывали сомнения и колебания. Люди хорошо помнили старые неудачи, у многих опускались руки. И все же ясная вера Марти притягивала и манила, он видел больше и дальше остальных.

«Революция приближается, пока невидимая, но уверенная», — писал он той зимой. И он был прав. 1890 год стал во многом переломным годом.

К этому времени на Кубе заканчивалось превращение оставшихся без земли вчерашних рабов в городской и сельский пролетариат. Имевшие землю «независимые» крестьянские хозяйства попадали в кабалу к владельцам сахарных заводов и разорялись. Последнее десятилетие XIX века несло формально свободным кубинцам оковы нового рабства — капиталистического.

Янки все наглее хозяйничали на острове, прибирая к рукам и табак и сахар. Полным ходом работали их железные рудники в Хурагуа, для вывоза руды строилась гавань в Дайкири. В шестнадцати милях от Сантьяго-де-Куба добывала кубинский марганец американская «Понупо айрон компани».

Что оставалось кубинцам? Все хуже становилась пища, все беднее одежда. Крестьяне, желая отомстить власть имущим и смутно надеясь поднять цены на тростник, жгли плантации. Полиция и карательные отряды, в свою очередь, жгли хижины и расстреливали «бандитов».

Объединение трудящихся Гаваны призвало отметить 1 Мая — день рабочей солидарности, Международный день труда. Демонстрация прошла по гаванской Прадо, заставив задрожать колониальные власти. Сторонники покойного Ройг-и-Сан-Мартина рвались на борьбу с испанцами. Они знали, что Тампа и Кайо-Уэсо на их стороне.

В начале лета в гавани Сантьяго-де-Куба на дощатый причал шагнул широкоплечий мулат. Антонио Масео, мамби, в годы войны дважды приговоренный испанцами к повешению, быстро прошел на набережную и сел в ожидавший экипаж. По специальному разрешению Мадрида он прибыл на остров, чтобы «продать имущество своей престарелой матери».

Очень скоро испанцам пришлось убедиться, что Масео

приехал совсем не ради продажи ветхого родительского дома. Он собирал патриотов, формировал отряды, превращал загородные пикники в учебные стрельбы. Его правая рука, негр Гильермо Монкадо, руководил строительством лесных лагерей. Восточные районы Кубы оставались верны своей славе «колыбелей бундов».

Но Масео, хорошо знавший о недовольстве и бедах сограждан, умевший обучить и повести в бой кавалерию и пехоту, не учел, что теперь на острове хозяйничают не только испанцы. Владельцы марганцевых рудников отлично понимали, что новая война лишит их всех доходов. Они потрясли кошельками, вооруженные американскими кольтами шпики выследили Масео, а испанцам осталось только выслать «черномазого генерала». Гильермо Монкадо и другие вожаки еле спаслись. На острове вновь воцарилась призрачная тишина, которой историки присвоили имя «марганцевого мира».

Марти огорчила неудача Масео. Как и прежде, он осуждал любые преждевременные, по его мнению, действия, но, как и прежде, он желал победы каждому кубинцу, взявшемуся за оружие. Он опять заболел, и доктора настоятельно советовали ему бросить все и уехать подальше в горы. Однако Марти ограничился поездкой к морю, в маленький отель у пригородных пляжей Нью-Йорка.

Он отдыхал недолго, потому что Кармен сообщила из Камагуэя о своем приезде. Он знал, что она едет с Пепито и из-за Пепито, что ей нужен не муж, а отец ребенка, но все же обрадовался. Он и сам хотел уже быть прежде всего отцом, а не мужем, и куда больше, чем разрыв с женой, его мучила невозможность влиять на воспитание сына, отданного старым Баса-ном в школу камагуэйских монахов-иезуитов.

Кармен приехала душным вечером, и Марти удивили изучающие его глаза сына. Он понял, что мальчик слышал об отце не только хорошее.

И все же в первые недели судьба, казалось, благоволила к этой измученной, разорванной семье. Мальчик оттаял быстро, и Марти чувствовал, что в его груди словно забилось новое сердце. Кармен поразил небывало возросший авторитет мужа, ей льстило, что в глаза и за глаза Марти называют «Учитель». В его объемистой почте она видела конверты с печатями столиц многих стран, а во второй половине июня пришло письмо, заставившее ее, как когда-то, подумать, что все еще переменится к лучшему, то есть к тому, что она подразумевала под этим «лучшим». Правительство Аргентины просило Марти принять на себя обязанности консула Аргентинской республики в Нью-Йорке.

Он по-прежнему работал на Фронт-стрит и каждый день

проходил по длинному коридору от пропахшей кошками лестничной клетки до комнаты, которая, словно частица иного мира, была залита солнцем. Он понимал, что предложение Аргентины — признание его заслуг в новом пробуждении континента, и это подтверждало его давнюю веру в завтрашний день.

24 июля Парагвай также назначил его генеральным консулом. Спустя несколько дней Марти писал:

> Есть горы, и подняться надо
> На высоту их; лишь потом
> С тобою мы, душа, поймем,
> Кто положил нам смерть наградой!

Да, подъем был еще не кончен. Главный враг родины Марти, его страны, его Америки готовился к новому прыжку.

Земля Кубы продолжала превращаться в плантацию янки. Но, по-видимому, этот процесс казался медленным хозяевам Уолл-стрита. По предложению сенатора Мак-Кинли конгресс отменил ввозные пошлины на кубинский сахар-сырец, оставив в силе пошлины на рафинад. Североамериканцы, контролировавшие производство и экспорт кубинского сырца, решили сами очищать его в США, так как им удалось протащить через сенат билль о премии в два цента за каждый фунт американского рафинада. Удар наносился на двух фронтах. С одной стороны, двухцентовая премия давала сахарному тресту десять миллионов в год, с другой — главные конкуренты, владельцы кубинских сахарных заводов, в большинстве своем уроженцы Испании и креолы, лишались уплывавшего в США сырья и оказывались на грани краха.

Остров залихорадило. Каждый день, разбирая почту в кабинете на Фронт-стрит, Марти прежде всего просматривал газеты Гаваны и Сантьяго-де-Куба. Он понимал, что остров подобен пороховой бочке. Нужен был лишь зажженный фитиль…

Но фитиль не вспыхнул. Той осенью опоры и скептицизм опять лишили сторонников независимости главного оружия — единства. Несмотря на призывы Марти, несмотря на преданность рабочих Тампы и Гаваны, патриоты на острове и в эмиграции не оказались в одном строю.

А к концу года положение на Кубе существенно изменилось. Многие сахарные заводы оказались в руках «друзей с севера». Прежние владельцы продали свои предприятия с молотка, очутившись на грани разорения из-за дороговизны, а порой и нехватки сырья.

Вся эта операция была, очевидно, заранее продумана в тиши оффисов Уолл-стрита. Ведь нехватка сахара-сырца на Кубе была умышленно создана янки, которые в основном контролировали его производство и вывозили в Штаты большую его часть.

Заполучив заводы за бесценок, янки установили на них новое оборудование для рафинирования сахара и расширили производство. Безработица сократилась. На Кубе стало куда спокойнее, и глашатаи «мирных реформ», как и рыцари аннексии, снова стали множить свои ряды.

Марти наблюдал за этой трансформацией из Кейтскилла — горного курортного местечка у истоков Гудзона. Вновь заболевший кубинец поселился в небольшом отеле, «привязанном к скалам стальными тросами, чтобы ветер не снес его вниз по ущелью». В сотне метров от отеля шумел маленький водопад. Листья грабов смыкались над аллеями. «Здесь поистине кусочек рая, господа!» — улыбчиво щебетал портье.

Доктор запретил Марти работать.

— Гуляйте, одевайтесь теплее, стакан глинтвейна на ночь, — сказал он, прощаясь. — В крайнем случае — сочиняйте стишки. — Доктор видел в поэзии всего лишь пустую забаву.

И Марти стал «сочинять»:

Королевский портрет — был декрет! —
И на смертных есть приговорах.
Расстрелян юноша — порох
Был завернут в такой же портрет.
В честь святых — королевский декрет! —
Веселиться народу велено.
И поет сестра расстрелянного,
Королевский славя портрет!..

«Я знаю, как вы страдаете, Учитель, и заклинаю вас: думайте только о своем здоровье…» — Марти прочел строки пришедшего в Кейтскилл письма и вспомнил автора — тоненькую темнокожую девушку. Бедняжка, что она знает о страданье?

Страданье? Кто посмел сказать,
Что я страдаю? Только следом
За светом, пламенем, победой
Придет моя пора страдать.
Я знаю, горе глубже моря,
Оно гнетет нас век от века,
И это — рабство человека.
На свете нет страшнее горя!

Ветер посыпал уже остывшую землю шуршащим кленовым золотом. Кашель не проходил, боли в сердце не стихали. Неужели эта осень — конец жизни? Доктор так неохотно смотрел ему в глаза в Нью-Йорке. Жизнь… Как это много и в то же время как мало.

Я хочу, когда лягу под камень
На чужбине, зато не рабом,
Чтоб лежали на склепе моем
Цветущая ветка и знамя…

В те дни Марти писал в Нью-Йорк: «Я не боюсь уйти из жизни, нет. Я живу здесь лишь потому, что мое тело осталось без сил для выполнения долга, который родина возложила на наши плечи».

Он снова появился на Фронт-стрит, когда снег уже прочно лежал на скатах крыш, и в первый же вечер друзья уничтожили весь его домашний запас кофе, рома и хереса. Кармен поджимала губы: что это за ужин вместе с неграми, что это за тосты — «за победную войну», что это за стихи:

Пусть предателей прячут от света
Под холодный и каменный свод.
Жил я честно, в награду за это
Я умру лицом на восход…

В декабре Испано-Американское литературное общество в Нью-Йорке избрало Марти своим президентом. Но Марти не смог заниматься делами общества, сколько ему хотелось бы. Куда более важные события отодвинули литературу на второй план.

Однажды, когда он уже надевал пальто, чтобы идти на занятия в «Сентрал Хайт-скул», в дверь постучал приехавший из Вашингтона мистер Джонатан Теодор Смит.

Смит изысканно извинился за неожиданный визит, преподнес Кармен букет роз, дипломатически восхитился стихами и переводами Марти, «которые с удовольствием читают в Штатах». Затем Смит перешел к делу.

Консул Марти, конечно, знает, что через две недели в Вашингтоне открывается вторая общеконтинентальная встреча — Межамериканская валютная конференция. Ему, конечно, известно, что правительство Соединенных Штатов предлагает

ввести единую денежную систему для всех стран Северной и Южной Америки. Государственный департамент считает, что назначение консула Марти делегатом Уругвая на этой конференции… Что? Разве мистеру Марти еще не известно об этом назначении? Нет, нет! Дипломатическая почта из республик юга никогда не подвергалась вскрытию или задержке! Просто, по-видимому, кто-то сообщил об этом назначении в Вашингтон в частном порядке из Монтевидео. Конечно, консул Марти получит почту в ближайшие дни, и он, Смит, думает, что в ней и будет послание о назначении. Так вот, госдепартамент поручил ему, Смиту, передать консулу Марти поздравления и выразить надежду, что человек, столь пекущийся о нуждах народов Америки, поддержит план, сулящий их процветание. В госдепартаменте знают о политическом и публицистическом таланте мистера Марти. Там с огорчением вспоминают, что созданный его гением журнал «Ла Эдад де Оро» столь быстро прекратил существование. Он, Смит, просит мистера Марти принять помощь, необходимую для издания нового журнала…

Еще никогда в жизни Марти не держал в руках чека на столь крупную сумму. Длинная зеленоватая полоска плотной бумаги просвечивала линиями водяных знаков. Марти медленно разорвал ее пополам, еще раз пополам и еще раз. Пододвинув клочки к сидящему напротив Смиту, негромко сказал:

— Уходите! Сейчас же!

Спускаясь по лестнице, Смит пожимал плечами. Говорил же он Блейну, что ничего из этой затеи не выйдет. Не зря же он, Смит, толкался среди кубинского сброда 10 октября в «Хардман-холле».

Глава VIII
ТОЛЬКО ВМЕСТЕ

ЯНКИ — НО!

30 марта 1891 года зал, где проходили пленарные заседания Межамериканской валютной конференции, до отказа заполнили дипломаты и репортеры. В этот день делегаты латиноамериканских стран должны были дать ответ на предложения янки о введении единой серебряной монеты для всей Америки.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста… — быстро выговаривал репортер мексиканец, протягивая разноязычным коллегам экземпляры своей «Эль Партидо Либераль».

Корреспонденты хватали газету и впивались глазами в статью «Наша Америка»:

«Нашей Америке грозит опасность, которая связана с наличием на континенте двух лагерей, противостоящих друг другу. Хотя считают, что еще не настал решающий час, когда Северная Америка пойдет по тому пути, на который ее толкают темные и зловещие силы, а также завоевательные традиции, мы должны немедля готовиться к испытанию. А поскольку республиканский декорум, привлекающий к Соединенным Штатам внимание народов всего мира, не мешает им пуститься на легкомысленную провокацию, бахвалиться мощью или разжигать убийственную междоусобицу в нашей Америке, то наш неотложный долг — показать, что мы едины в своих помыслах и устремлениях…»

— По поручению комитета, изучавшего предложения, внесенные делегатом Соединенных Штатов Америки, с докладом выступает делегат Уругвайской республики доктор Хосе Марти, — голос председателя приглушил шум.

— Вот он! Вот он! — пронеслось по залу, и все бинокли и лорнеты устремились на большелобого человека лет сорока, который шел к трибуне с черной кожаной папкой в руке.

Наступила решающая минута. Да или нет?

На всех заседаниях, на всех дискуссиях Марти демонстрировал свою дипломатическую ловкость и мудрость. Неужели латиноамериканские делегаты не ответили на его неустанные призывы? Неужели будет принят план Блейна, по которому обе Америки получат единую валюту? Что и говорить, этот план весьма выгоден североамериканским владельцам серебряных рудников и бизнесменам янки, но для Южной Америки означает, по сути дела, полный разрыв с Европой.

Марти открыл папку, достал текст доклада. Слова, как солдаты в карауле, стояли каждое точно на своем месте и готовы были выстрелить.

— Америка должна развивать все то, что сближает все народы, и отвергать с отвращением все, что их разделяет. Не подобает американскому континенту ни нарушать мир на земле, ни восстанавливать под новыми названиями систему имперского господства, которая приведет республики к коррупции и гибели.

Экономический союз — это союз политический. Народ, который хочет умереть, продает одному-единственному народу; народ, который желает спастись, — нескольким. И поэтому двери каждой нации должны быть открыты для законной и плодотворной деятельности всех народов. Руки каждой нации должны быть свободны для полного развития страны в соответствии с ее особым характером и с ее индивидуальными элементами. Все народы должны… заменять системой всеобщего сближения систему династий и групп…

Марти кончил доклад. Южная Америка отклоняла проект янки.

Спустя несколько недель Марти писал в статье для журнала «Ла Ревиста Илюстрада»: «Эгоизм и захватнические устремления развились в Соединенных Штатах, превращающих в рабов целые народности, урезающих или обкрадывающих соседние страны. В этой стране считают, что варварское право сильного является единственным существующим на свете реальным правом. В этой стране верят в несравненное превосходство англосаксонской расы над расой латинской, убеждены в тупости и низости негритянской расы и в неполноценности индейцев. Соответствует ли интересам Испаноамерики политический и экономический союз с Соединенными Штатами?»

В июне он говорил о том же на многолюдном заседании Испано-Американского литературного общества, зная, что его не только слушают, но и слышат. Он говорил веско, твердо. Сила его слов, его доводов была неотразима.

Янки внимательно следили за всем этим. Они считали, однако, что можно подобрать ключи к любому человеку. Разве Марти, вечно нуждающийся эмигрант, исключение? И Марти, никогда не стесняв-шийся в выражениях по адресу Соединенных Штатов, вдруг стал получать приглашения на обеды и рауты, пикники и приемы.

Он проглядывал тексты приглашений мельком. «Миссис и мистер…», «Прогулка по Гудзону…», «Юнайтед шугар компани…», «Шугар». Как все-таки бесцеремонны и наглы эти сахарные короли. Кусочки голубого и розового картона

съеживались на углях камина, вспыхивали острыми языками огня.

Наступила осень, одиннадцатая осень Марти в США. Приближался день 10 октября. Ни один кубинец в Нью-Йорке не сомневался, что главным оратором в заранее арендованном «Хардман-холле» будет Учитель. Марти тоже знал это.

— Мы постарались сплотить воедино революционные порывы разных дней; мы завоевали любовь и уважение наших народов. Без страха и злобы мы грудью заслонили наши страны от алчных устремлений, нашли и указали правильные пути в будущее. Подходят большие дни. Пора всем заново наточить мачете и вычистить ружья. Война, справедливая и победоносная, приближается. И я уже вижу, как солнце светит на статуи героев, которые подняты восторженным народом на постаменты из мраморных пальм. Пусть знают все, что времена неудач и страха не заставили нас умоляюще бренчать на мандолине перед дверьми, которые не хотят открыть. Нищета и славный пример отцов рождают прекрасных всадников. И пришло время сказать, что наши кони уже подкованы!..

На следующее же утро посол Мадрида в Вашингтоне заявил решительный протест против «несовместимых со званием, долгом и честью консула трех американских республик подстрекательств к мятежу».

Янки только что подписали с Испанией договор о взаимном благоприятствовании в торговле. Любое революционное выступление на Кубе устраивало их меньше, чем когда-либо, и Блейн с удовлетворением принял испанский протест. Чтобы остаться консулом, Марти придется замолчать.

Но Марти поступил иначе. Если его пост дипломата мешает делу кубинской революции — долой этот пост! И в Южную Америку ушли его телеграммы с решительным отказом от консульских постов. Вскоре он покинул и пост президента в Испано-Американском литературном обществе. Он снова сжигал корабли.

Для Кармен это было уже слишком. Закутанная в темную шаль, она пришла к Трухильо с просьбой помочь ей вернуться на Кубу.

— Вы опять хотите оставить Хосе одного? — ужаснулся тот. — Это может стать непоправимым!

— Энрике, через неделю мне нечем будет кормить Пепито…

— Ты должен помочь ей! — решительно вмешалась Долорес, жена Трухильо. — О Кармен, — добавила она, — как я вас понимаю!..

Когда Трухильо покидал кабинет испанского консула, на сердце у него было тяжело. В ушах звучал хрипловатый

старческий голос:

— Я не смею отказать в просьбе, которая приносит пользу короне…

Трухильо ногой распахнул дверь особняка и выругался.

Кармен увезла Пепито тайком, когда Марти был занят в «Лиге». Вернувшись домой и прочитав записку жены, Марти бросился в порт, но было поздно.

Его нервы не выдержали: он опять заболел.

Трухильо решился его навестить. Марти лежал на спине, его дыхание было хриплым. На щеках пылал горячечный румянец.

— И ты еще можешь приходить ко мне, Энрике? — пытаясь привстать, проговорил Марти.

— Я должен был прийти, Пепе, чтобы передать тебе вот это письмо. Революционный клуб «Игнасио Аграмонте» приглашает тебя выступить перед табачниками Тампы.

МОЛОДЫЕ СОСНЫ

Посвистывая и обдавая паром засохшие колючки вдоль путей, маленький четырехколесный паровоз с высокой трубой тащил мимо апельсиновых рощ

Флориды восемь вагончиков, в которых дребезжало каждое стекло. Заложив пальцы за проймы жилета, Марти смотрел, как в сгущавшихся за окном сумерках проплывали столь милые его сердцу кроны флоридских пальм.

До Тампы, построенной на американской земле руками эмигрантов кубинцев, оставалось четыре часа, и с каждой минутой Марти все больше ждал своей первой встречи с этим городом. Он словно предчувствовал, что именно здесь, в какой-то сотне миль от Гаваны, должна решиться судьба борьбы, которую он и его друзья с медленно, слишком медленно приходившим успехом вели уже много лет.

Богатые эмигранты в Нью-Йорке не торопятся помочь революции, которой нужно оружие. Смогут ли и захотят ли помочь ей простые табачники Тампы? Поймут ли они, что борьба развертывается, наконец, не во имя нового каудильо, а ради блага всех кубинцев?

В полночь поезд остановился у перрона Ибор-сити, пригорода Тампы. Прямой крупный дождь бил по дощатому настилу. Марти раскрыл зонт, спрыгнул с подножки и оказался среди маленькой, но по-кубински шумной толпы. Со всех сторон ему улыбались черные и белые лица, тянулись руки. Кто-то подхватил его чемоданчик, и, высоко поднимая керосиновые фонари, пять десятков человек отправились по залитым водой улицам к отелю «Чероки».

Ранним утром Нестор Леонело Карбонель, подписавший посланное в Нью-Йорк приглашение, уже представлял почетному гостю своего сына Эмилио, местного газетчика Рамона Риверо, вожака негров Корнелио Брито, марксиста Карлоса Балиньо и многих других. После шумного завтрака все вышли на улицы, и Марти бросились в глаза гирлянды кубинских флажков над фасадами домов и необычное количество букетов на окнах.

Карбонель повел Марти в помещение клуба «Игнасио Аграмонте», где их ждало еще несколько десятков человек, а оттуда — на фабрику «Эль Принсипе де Галес». Когда Марти вошел в большой зал, где рабочие сворачивали сигары, все встали и приветственно застучали по столам отполированными чавета[52]. Марти постарался, чтобы его речь была как можно

теплее и как можно короче. Он отложил большой разговор до вечера.

Весь остаток дня его не покидало ощущение тревожного ожидания. «Их уже столько обманывали, — думал он о патриотах Тампы, — быть может, невольно, искренне веря в успех, но обманывали. Что, если революция захлебнется снова? Вправе ли я подчинять своей вере в победу сердца и веру других? Вправе ли звать их от семейных очагов на тернистый путь восстания, когда они заняты повседневной борьбой за хлеб насущный?»

Марти вспомнил разговор с Карлосом Балиньо. «За рабочих не беспокойся. Они не испугаются и не отступят. Им нечего терять», — так сказал Карлос. Кое-кому из кубинцев в Нью-Йорке, по-видимому, не понравится, что Марти так быстро подружился с «красным». Да, Балиньо социалист, но разве он плохой друг или ненастоящий кубинец? Разве он не отдает себя целиком делу свободы Кубы?

Самый большой в Тампе зал Кубинского лицея был переполнен. И пока не стихали аплодисменты, он успел заметить портреты борцов за кубинскую независимость на стенах, гирлянды флажков с белой звездой на красном треугольнике, зелень, цветы… Но он заметил также, что в первых рядах нет черных лиц, что они видны только в конце зала, и горечь снова сжала сердце. Неужели и здесь еще не поняли, что свобода белых немыслима без свободы черных?

Марти сделал шаг вперед, и в зал упало первое слово:

— Кубинцы!

Если из всех благ, необходимых моей родине, мне было бы дано выбрать одно важнейшее благо — основу и источник народного счастья, то я сказал бы: я хочу, чтоб первым законом нашей республики стало уважение к человеческому достоинству. Мы боремся за свободу кубинцев, всех кубинцев…

Он заметил в первом ряду настороженные щели глаз полнеющего господина, и они напомнили ему глаза тех, кто жалел на оружие песо, нажитые на табаке и сахаре. Он ненавидел эти глаза, и металл зазвучал в его голосе:

— Война неизбежна; ее как избавления ждет наша родина, и враг бессилен разгромить нас, ибо мы начинаем не авантюру, а революционную войну во имя жизни и справедливости за подлинную свободу…

Невысокий молодой негр протиснулся к сцене и неотрывно глядел на Марти снизу. Он весь тянулся навстречу летящим словам, и, невольно отвечая порыву юноши, Марти чуть повернулся в его сторону:

— Прав человека — вот чего ищут кубинцы в борьбе за

независимость… И поэтому, решаясь снова броситься в кровавую битву, мы ищем республики, а не смены формы угнетения, не стремимся заменить хозяина испанца новым господином в американском мундире…

Полнеющий господин сделал недовольный жест, но весь остальной зал взорвался приветственными криками. Марти говорил, чувствуя, что победил в войне за сердца этих людей, зная теперь уже наверняка, что его слова доходят до них и зажигают:

— Конечно, с нами не пойдут легковесные политиканы, нас осудит и барский надушенный патриотизм, ибо трудовой народ пахнет потом, а не розами…

Крики «Вива Куба!» не давали говорить. Марти поднял руку, призывая к тишине. Резкое слово не должно закрывать двери перед истинными патриотами, идти вперед можно, лишь когда все кубинцы будут вместе.

— Но пусть стоящий высоко не судит второпях и односторонне, и пусть тот, кто стоит внизу, не осуждает пристрастно, мучимый тайной завистью… Наша революция быстро роднит героев — богатого наследника с безземельным крестьянином, господина с рабом.

А теперь — довольно слов! Мы должны показать отчаявшимся, изверившимся и впавшим в уныние силу наших идей и крепость наших рук, свое единство и способность идти до конца. Только объединение может дать нам победу.

Так стройтесь в ряды, не теряя ни минуты! Не ожидание, а действие создает народы… Поднимемся во имя настоящей республики, которую мы, люди справедливости и труда, сумеем сохранить, и напишем вокруг звезды на нашем знамени девиз торжествующей любви: «Со всеми и для блага всех!»

Кубинцы Тампы, так привыкшие к пустым речам безответственных ультрареволюционеров, вдруг словно увидели ясный завтрашний день Кубы. Каждый честный человек в зале почувствовал, что судьба родины зависит и от него. Марти обнимали, женщины размахивали красно-бело-голубыми платками, люди смеялись и плакали.

Когда Марти покидал зал, молодой негр тронул его за рукав:

— Учитель, рядом с тобой идет наш хозяин. Мои товарищи-сигарочники послали меня сказать: не верь этому человеку!

— Но он обещает деньги для покупки оружия!

— В Тампе двадцать фабрик, и среди их хозяев есть патриоты. Но этот обманет. Не верь ему, Учитель, мы сами достанем деньги!

Тяжелая рука отодвинула негра, приторно зазвучал голос:

— Дорогой Марти, позвольте выразить вам свое восхищение.

Мне кажется, однако, что вы недооцениваете дружественные чувства янки. Вы можете быть уверены: наши североамериканские друзья весьма и весьма заинтересованы в кубинском процветании…

На следующий день, 27 ноября, исполнялось двадцать лет со дня расстрела волонтерами восьмерых гаванских студентов-медиков. С самого утра Марти вел беседы с руководителями патриотов Тампы.

— Вы можете рассчитывать на меня и на всех честных кубинцев, — сказал ему седоусый Бенхамин Герра, владелец нескольких сигарных фабрик. — Вы совершенно правы, нам нужно единство!

Вечером в зале снова было тесно.

Годовщина была печальной, но оптимизм переполнял Марти. Вчера он поднимал Тампу, а сегодня она подняла его, и, быть может, поэтому вторая речь в Тампе стала едва ли не самой сердечной, лиричной и решительной из всех его речей. Он покорил даже тех, кто все еще считал его трусом за отход от Гомеса и Масео в 1884 году и расхождения с полковником Русом. Вера в завтрашний день, в силу нового поколения бойцов прозвучала, когда он вспомнил символичную картину, увиденную из окна вагона:

— Вдруг солнце пробилось сквозь разрыв в тучах, и в ярких и ослепительных лучах этого неожиданного света я увидел, как из-под черных упавших стволов гордо поднимаются над желтоватой травой распускающиеся ветви молодых сосен. Это мы — молодые сосны!..

«Мы — молодые сосны!» Эти слова повторял весь город. Марти узнавали на улицах, подходили, чтоб пожать руку, обнять. А он отвечал на приветствия, целовал детей и разговаривал с каждым так, словно знал собеседника с давних пор.

Он не мог забыть некоторого отчуждения между белыми и черными, бросившегося ему в глаза в день первого митинга, и рассказал Корнелио Брито о «Лиге» и ее борьбе за братство и справедливость. Через час несколько десятков созванных Брито негров основали отделение «Лиги» в Тампе.

Кончался третий день пребывания Марти в Тампе. В праздничных костюмах кубинцы собрались на торжественные проводы, заполнив городской театр. Гирлянды цветов и флаги украшали огромный плакат со словами «Вива Хосе Марти!».

Отзвучал гимн Педро Фигередо[53]. Рамон Риверо звонким голосом прочел составленные Марти «Резолюции кубинских эмигрантов Тампы». В чуткой тишине прозвучали слова о

необходимости «объединения в общем действии, республиканском и свободном, всех революционных элементов». Зал аплодировал, казалось, нескончаемо долго, а потом маленькая Кармита Карбонель, путая недоученные слова приветствия, преподнесла Марти перо и серебряную чернильницу.

Марти вынесли из зала на руках. На вокзал его провожала шеститысячная колонна жителей Тампы. Оркестр пожарников в униформе играл кубинские песни и гимн Педро Фигередо. А Марти, то и дело глухо кашляя, шел во главе невиданного в Тампе шествия и по-человечески просто радовался окружавшим его признанию и уважению, знаменам, музыке и цветам, а еще больше — нескольким листам бумаги, лежавшим в левом внутреннем кармане сюртука, — «Резолюциям».

Прочный фундамент свободы был наконец-то заложен.

РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ

На Фронт-стрит его ждал номер «Эль Яра», присланный из Кайо-Уэсо. В редакционной статье говорилось, что Кайо не менее Тампы заслуживает внимания Учителя.

Друзья Марти восторженно обсуждали новые перспективы. Сам он обрадовался едва ли не больше всех, но счел, что статья в газете еще не приглашение. Он дипломатично написал издателю «Эль Яра» Хосе Долоресу Пойо: «Неизменным и давним является мое стремление пожать ваши честные и бестрепетные руки».

Когда это письмо пришло в Кайо, там уже пылали страсти. Специально выезжавший в Тампу стенограф Гонсалес привез не только свои записи речей Марти, но и рассказы об оказанном ему небывалом приеме.

Группировавшиеся вокруг «Эль Яра» патриоты в один голос требовали послать Марти официальное приглашение.

Но кое-кто из ветеранов морщился. «Нужно собирать деньги на покупку винтовок, а не речей», — бормотал соратник Масео по Барагуа Фернандо Фигередо. Все же через пару недель деньги на билет от Нью-Йорка до Кайо были отосланы на Фронт-стрит.

В рождественский вечер пароходик «Оливетт», отчаянно дымя, подходил к причалу Кайо. Приземистый городок на плоской тарелке островка был почти незаметен с моря, и только маяк, бессонно мигая, говорил пассажирам «Оливетта», что их помнят и ждут.

Кайо заслужил славу арсенала и казны мамби. Отсюда получали винтовки и медикаменты Сеспедес, Гомес и Масео, здесь никогда не могли найти приверженцев кубинские реформисты.

Еще в семидесятых годах родились на острове «Клуб кубинских революционеров № 25», «Клуб одинокой звезды», клуб «Игнасио Аграмонте», «Клуб дочерей свободы». Бунтарей здесь было больше, чем в Нью-Йорке или Чикаго. Мэр и судья, администратор таможни и шериф — все они были кубинцами.

Марти вглядывался в темный берег с борта «Оливетта». Рядом стояли присоединившиеся в Тампе Эмилио Карбонель, Корнелио Брито, Карлос Балиньо. Вот уже показался освещенный фонарями и факелами причал, вот уже можно видеть лица людей на нем, трубы оркестра…

Совсем седой Хосе Франсиско Ламадрис шагнул навстречу Марти. Больше двадцати лет назад он пожимал руку порывистому юноше с волнистой каштановой шевелюрой. Теперь юноша стал

гигантом.

— Я обнимаю новую революцию! — сказал ветеран.

Потом, как и на вокзале Тампы, в сыром воздухе звучали приветственные речи. Отель «Дюваль» встретил почетного гостя скрипом дощатых ступеней, гирляндой флажков и банкетным столом, накрытым на пятнадцать персон. Марти выступал трижды, словно подхваченный каким-то теплым, небывало ласковым ветром, не замечая обычных признаков близкого недомогания — болей в горле и груди.

На следующий день он лежал в кровати с компрессом и горчичниками. Когда доктор выходил в коридор покурить, Марти доставал бумагу и писал Гонсало де Кесаде: «Лежу в постели, очень болен. Но главное не это. Какие стоящие здесь люди! Сколько благородных сердец! Моя комната превратилась в комнату заседаний, здесь меня окружает любовь. Я не уеду отсюда, пока не сделаю все…»

К вечеру явилась официальная делегация клубов в составе Ламадриса, Пойо и Фернандо Фигередо. Марти знал о ворчании Фигередо и постарался завоевать старика тактичными похвалами. Кривить душой ему не пришлось — ветераны Кайо постоянно агитировали за независимость.

Прощаясь, Фигередо обнял Марти:

— Я, Фернандо Фигередо, обещаю: мы будем едины!

Спустя три дня, после новых встреч и бесед, Марти смог убедиться в своей победе. И тогда, забыв про микстуры, он просидел от зари до зари над документом, в заголовке которого стояло: «Основные положения Кубинской революционной партии». Параграф первый гласил:

«Кубинская революционная партия создается с тем, чтобы объединенными усилиями всех людей доброй воли достигнуть полной независимости острова Кубы и помочь освобождению Пуэрто-Рико».

О Пуэрто-Рико Марти писал не случайно. Либо Антилы вместе поднимутся и победят, либо вместе исчезнут из числа свободных народов — третьего, по его мнению, не было.

Теперь, после встреч в Тампе и Кайо, становилась реальностью мечта, о которой он никогда не говорил раньше. Он призывал к единству, обличал аннексионистов и сторонников испанской Кубы, но еще не выступал с призывом сформировать партию революции. И, выступив, наконец, с этим призывом, он вложил в него всю свою убежденность, основанную на опыте многолетней борьбы за свободу.

Он был уверен: победить можно только после создания прочного политического союза патриотов. Именно партия, и

только партия, может стать силой, возглавляющей — и возглавляющей победно! — будущую революцию на Кубе. По замыслу Марти, Кубинская революционная партия должна была «объединить вчерашних вождей и солдат освободительного движения с рабочими, фабрикантами, ремесленниками и торговцами, объединить весь кубинский народ».

Ламадрис, Пойо и Фигередо одобрили «Положения». Вместе с ними Марти отправился на специальное заседание клуба «Сан-Карлос».

В двухэтажном деревянном доме, где размещался клуб, бывали Сеспедес и Гомес, Масео и Гарсиа. Но никого из них не ожидала столь многочисленная аудитория. Задолго до начала митинга двери пришлось закрыть — зал не мог вместить всех. 3 января 1892 года в «Сан-Карлосе» витал дух уверенности в победе.

Марти не стал говорить о партии как о решенном деле, хотя многие патриоты Кайо были готовы счесть, что после составления «Положений» организационные проблемы позади. Он сказал лишь, что единство, по его мнению, завоевано.

Он не мог не принять хоть трети из бесчисленных приглашений на завтраки, обеды, ужины и коктейли и прилежно путешествовал по городу еще два дня.

На фабрике «Гато» его засыпали цветами, на фабрике «Каэтано Сориа» в его честь прозвучал боевой сигнал на трубе и залп из ружей, на фабрике «Ла Роса Эспаньола» женщины подарили ему сде-ланный из белых ракушек крест. Всюду его ждали накрытые столы, и табачники, прекращая работу, поднимали стаканы с пивом за его здоровье. Он произносил ответные речи с трибун и со стульев, с пустых бочек и подножек фаэтона. Много раз в жизни до этого он считал себя счастливым, но теперь ему казалось, что истинное счастье пришло впервые.

Вечером 5 января двадцать семь представителей клубов Тампы и Кано-Уэсо собрались за накрытым кубинским флагом столом в отеле «Дюваль», чтобы обсудить принципы деятельности Кубинской революционной партии. Марти получил слово первым, он говорил долго, и никто ни разу не перебил его.

Кубинская революционная партия должна была стать организацией, объединяющей все социальные слои на платформе общенациональной борьбы за независимость и свободу Кубы. В партии могли сотрудничать во имя этого все: и республиканцы, и анархисты, и социалисты.

К полуночи принципиальные основы программы и устава партии были одобрены.

Доработка документов поручалась Марти. 6 января он выехал

из Кайо на материк, а 8-го устав и программу единодушно поддержали клубы Тампы.

И снова тянулись за стеклом вагона флоридские апельсиновые рощи. Марти ехал в Нью-Йорк, чтобы позвать под уже развернутые знамена самую трудную, самую разобщенную колонию кубинских эмигрантов. Полный надежд, он сидел на жесткой скамейке, думая о том, что идея независимости Кубы уже сейчас объединяет сотни и тысячи кубинцев с самыми разными жизненными идеалами: социалиста Балиньо и фабриканта Герра, сигарочников негров во главе с Брито и элегантных юношей, друзей Эмилио Карбонеля. Будущее Кубинской республики все они видели по-разному. Стоило ли уже теперь спорить о нем? Вряд ли. Предугадать будущее заранее означало бы исказить его. Хотя, конечно, справедливо было бы предоставить земли тем, кто будет их обрабатывать… Но сейчас главное — независимость. Порабощенные Антилы могут стать только военным форпостом американского Рима. Антилы свободные станут гарантией равновесия, независимости и счастья Испанской Америки.

Так, полный надежд, ехал Марти на север.

Статья в гаванской «Ла Луча», без опоздания доставленной почтой на Фронт-стрит, называлась «Открытое письмо сеньору Хосе Марти в эмиграции». Энрике Кольясо, Рамон Роа и два других бывших офицера сражающейся республики «отвечали» на речь Марти в Тампе. Удар наносился расчетливо. Авторы знали, что пока газета дойдет до Марти, ее прочтут в Гаване, Сантьяго, Тампе и Кайо.

Трудно сказать, что именно побудило ветеранов оскорбить Марти. Вернее всего, столь неожиданная для них поддержка «штатского» эмигрантами Тампы, поддержка, в которой сторонникам военной диктатуры было в той или иной форме отказано.

Из письма так и выпирало недовольство поведением «того, кто становится в позу апостола и выманивает деньги из эмигрантов». Письмо кончалось так: «Позволь сказать тебе, Марти, что если снова наступит час принести жертвы на алтарь свободы, мы, возможно, не сможем пожать тебе руку на полях Кубы, так как ты, конечно, будешь по-прежнему преподносить уроки патриотизма эмигрантам, укрывшись в тени американского флага».

Что думал Марти, читая эти строки? 12 января он ответил Кольясо: «Никогда я не был таким, каким вы меня описываете. Во время первой войны, будучи еще ребенком, я не уставал выполнять свой патриотический долг, и порою весьма активно.

Сожгите язык тому, кто скажет, что я служил «матери родине»[54]. Я буду всегда готов к борьбе. Что же касается выуживания средств у эмигрантов, то неужели вас ни в чем не убедили митинги в Тампе и Кайо-Уэсо? Разве не знаете вы, что в Кайо кубинские работницы подарили мне сделанный своими руками крест? Мне кажется, сеньор Кольясо, что я отдал своей родине всю нежность любви, на которую способен человек.

А затем, сеньор Кольясо, я считаю уместным ответить на то, что вы назвали «пожать руку на полях Кубы». Нет нужды ждать, я буду рад встретить вас в любое время и в любом месте, которое устраивает вас больше всего».

Только дописав эту традиционную формулу вызова на дуэль, Марти решил, что написал Кольясо все. Он честно и объективно ответил на принципиальные вопросы, не позволив себе ни окриков, ни язвительности. Но, отвечая на личный выпад, он не увидел иной возможности отвести обвинение в трусости.

Инициаторы письма ветеранов правильно рассчитывали на быстрые отклики из Нью-Йорка, Тампы и Кайо. Но оказалось, что эмигранты не спешат с ними согласиться. Нью-йоркская «Лига» провела специальный митинг протеста; в Тампе негодовали Карбонель, Балиньо и их товарищи; из Кайо в Гавану нелегально отправились три патриота, чтобы убедить Кольясо в ошибочности его мнения. Нахмурился и что-то буркнул в адрес «приезжих прожектеров» только вновь засомневавшийся в правоте Марти Фернандо Фигередо. Большинство, включая и многих ветеранов, встало на защиту Учителя.

Не дошло, к счастью, и до дуэли. Кольясо вынужден был признать свою неправоту. Инцидент, по крайней мере внешне, был исчерпан.

Эмигранты продемонстрировали небывалое прежде единство, поддерживая оратора, а не военных. И это можно было расценить как заботу о демократии и будущей республике, как протест против возможной военной диктатуры, заботливо прикрытой ореолом героизма. Напряженная кубинская ситуация тех дней диктовала именно этот вывод.

В январе 1892 года тысяча делегатов съехалась в Гавану на Всекубинский рабочий конгресс. «Конгресс признает, — гласила принятая ими резолюция, — что рабочий класс не сможет добиться своего освобождения, пока он не проникнется идеями революционного социализма. Конгресс заявляет также, что внедрение этих идей в рабочие массы Кубы не является препятствием для стремления к освобождению всей нации».

Борьба за социализм в сочетании с борьбой за независимость! Связи с мятежной эмиграцией! Испанцы сочли, что время

«свобод» прошло. Руководители и участники конгресса оказались за решеткой.

«Эль Продуктор» немедленно обнародовала манифест с призывом к сопротивлению. Генерал-губернатор Кубы Полавьеха ответил новой волной арестов и погромов. В выигрыше оказались только защитники союза Кубы с пиренейским хозяином. Их представителю, вылощенному сеньору Робледо, испанцы доверили пост министра заморских территорий.

И вот в эти грозовые дни бригадир Серафин Санчес, обосновавшийся в Нью-Йорке, получил письмо из Санто-Доминго. «Теперь или никогда, — писал соратнику Максимо Гомес. — Нельзя терять время». После провала своих планов в 1884–1886 годах «старик» понял и пережил многое. Выполняя его наказ, Санчес пришел к Марти.

17 февраля люстры «Хардман-холла» освещали те же лица, что и на митингах прежних лет. Но в зале звучали новые, долгожданные слова. Марти не звал к единству, а гордился им:

— Прежде чем я умолкну, прежде чем перестанет биться мое сердце, я должен сказать, что моя страна обладает всеми качествами, необходимыми для победы и сохранения свободы. Не просто патриотизм объединяет сегодня кубинцев, но твердая решимость борьбы…

Один за другим большие и маленькие эмигрантские клубы и общества Нью-Йорка объявляли о своем согласии с программой и уставом партии. Рождались новые, в основном молодежные, объединения патриотов: «Лос Пинос Нуэвос», «Ла Хувентуд», «Ла Либертад». Члены «Лиги» ходили именинниками. Разве не сбывались, наконец, мечты их Учителя?

Правление «Лос Индепендьентес» — самого старого и авторитетного из нью-йоркских клубов, собралось на специальное заседание. Хуан Фрага, бессменный президент клуба, предоставил слово Марти, Тот взял из рук Гонсало де Кесады несколько узких листков.

— Здесь, как я думаю, основа успеха будущего восстания…

Никто не дискутировал, только темпераментный пуэрториканец Сотеро Фигероа воскликнул:

— Верно, очень верно!

Но через несколько дней одна из газет, выпускавшихся кубинцами Нью-Йорка, заявила, что с помощью Марти эмигранты юга хотят навязать свои решения всем остальным, что все происходит слишком быстро и без достаточного обсуждения. Марти сказал Хуану Фраге:

— Мой долг — спокойно продолжать работу.

Однако змейки новых сплетен ползли и ползли по кубинской

колонии. Марти понял, что партии не обойтись без своей газеты. Деньги на первый номер буквально по центу собрали кубинцы нью-йоркских табачных фабрик «Пинья» и «Агуэро».

13 марта в зал «Милитари-холл» пришли члены клубов, поддерживавших создание партии. На повестке дня стоял один вопрос: официальное принятие партийного устава и программы. «За» проголосовали единодушно, и ликующий Марти прямо из «Милитари-холла» поспешил в маленькую типографию издательства «Гасета дель Пуэбло», принадлежавшую патриоту кубинцу Антонио Альварадо.

В 4 часа утра 14 марта он уже держал в руках пробные оттиски новой газеты. Ее название было простым и кратким: «Патриа» — «Родина». Программа и устав составляли основу номера.

Тираж был готов через несколько часов, и Марти сам повез остро пахнущие краской пачки в ресторан «Полегре» и на Мейден-лейн, в «Бодега Эспаньола»[55]. Он хорошо знал, что именно в этих, давно облюбованных кубинскими эмигрантами местах его газета сразу, сегодня же, найдет своих читателей.

Вместе с Марти в состав редакции вошли Бенхамин Герра, Гонсало де Кесада, Сотеро Фигероа, Мануэль Сангили. Они, да и не только они, работали без гонораров, не жалея ни сил, ни времени. В отличие от редакторов остальных выходивших в США еженедельников Марти не ломал голову в поисках интересного материала.

— Нам есть что сказать читателю, — любил повторять он. — Не хватает лишь места.

Места действительно было маловато — всего четыре небольшие полосы. И все же ни одну из газет кубинцы не ждали так, как «Патриа». Люди узнавали Марти по первым же фразам:

«Эта газета родилась для того, чтобы объединить наш народ и отстаивать дело правды».

«Война за независимость есть война священная, и образование свободного народа, которое происходит в результате этой войны, имеет всемирное значение».

«Остров, будто воскресая, приподымается, видит грязь, покрывающую его, и окропленную кровью дорогу, ведущую к свободе. И кровь он предпочитает грязи».

«Мы сражаемся не только ради блага нашего любимого острова; мы сражаемся на Кубе за то, чтобы, добившись своей независимости, обеспечить тем самым независимость и всей Испаноамерике».

«Кубинская революционная партия родилась, чтобы объединить вчерашних вождей и солдат освободительного

движения с рабочими, фабрикантами и ремесленниками, торговцами и генералами. Эта партия — плод глубокого изучения силы и слабости нашей революции. Кубинская революционная партия — это весь кубинский народ».

И действительно, партия объединила лучших представителей самых разных социальных слоев кубинского народа, потому что пришло время, когда идея независимости стала знаменем нации. Строгий централизм обеспечивал живучесть партии. Низовые организации численностью от двадцати до ста человек объединялись в районные советы, а их президенты и секретари поддерживали связь с руководством в Нью-Йорке. Марти требовал, чтобы вся конкретная деятельность партийных организаций конспирировалась строжайшим образом.

Партия пришлась по душе не всем. Находились люди, прикрывавшие личные интересы протестами против «лобызаний с марксистами, социалистами и анархистами».

— Я не выдержал и раскричался, — рассказывал Марти Сотеро Фигероа, — когда в «Полегре» торговец кофе Фернандес заявил, что красные намереваются отнять у состоятельных людей их деньги. Я сказал ему, что он может получить обратно свои три доллара…

— Вряд ли стоило кричать, Сотеро. Партии нужен каждый. Фернандес не хочет стоять рядом с социалистами? Следовало бы рассказать ему, что за люди Карлос Балиньо и Диего Техера — кубинец с прекрасной душой, которого можно упрекнуть лишь в нетерпеливом желании поскорее избавить человечество от страданий, и поэт, чьи стихи нельзя читать без волнения. Их друзья под стать им. Может быть, Фернандес не знает об этом?

Марти слишком верил в доброе начало в людях. Фернандес знал все, и классовое чутье подсказывало ему и ему подобным, куда в будущем может позвать кубинцев Марти. «Эль Порвенир» постепенно превращался в рупор противников партии. Марти обвиняли в стремлении к гражданской диктатуре, его требования конспирации объясняли стремлением скрыть разбазаривание членских взносов.

Марти не считал нужным опускаться до перебранки. Он работал без отдыха сам и не давал отдыха помощникам. Даже Серафин Санчес порою просил пощады, заявляя, что не может обойтись без бокала пива в кругу друзей. Но медлить было некогда. «Кто не идет вперед, — повторял Марти, — тот идет назад».

На Фронт-стрит, откуда сутками не выходил взлохмаченный Гонсало де Кесада, одно за другим поступали сообщения из клубов Нью-Орлеана, Филадельфии и других городов.

Поддерживая программу и устав, эмигранты высказывались за избрание руководителем партии — делегадо — Хосе Марти.

10 апреля, в день двадцать третьей годовщины провозглашения конституции Гуаймаро, представители подавляющего большинства кубинцев Нью-Йорка собрались в пустом цехе фирмы «Барранко и К⁰», владелец которой внешне не имел никакого отношения к революции. У дверей и на тротуаре перед зданием дежурили докеры, члены «Лиги». Дискуссий не было, голосов «против» — тоже. Делегадо утвердили Марти, казначеем — Бенхамино Герра. Секретариат партии — ее святая святых — доверили закаленному Серафино Санчесу и порывистому двадцатидевятилетнему Гонсало де Кесаде. Партия родилась.

Усталость и боли в груди в который уже раз уложили Марти в постель. Держа у губ мятый платок, он диктовал Кармите письмо на юг, Хосе Долоресу Пойо: «И если моя жизнь еще не свободна от мыслей и ошибок, которые могут помешать служению только родине, я добьюсь полного ее очищения».

РЕВОЛЮЦИИ НУЖЕН МЕЧ

Маловеры и завистники продолжали упрекать патриотов в поддержке «гражданской диктатуры» и даже отрицали право партии на существование, а газеты гаванских реформистов печатали статьи о корыстолюбце Марти и ограбленных им эмигрантах. Марти не обращал на все это никакого внимания.

— Кто поверит в явную ложь? — говорил он Кесаде. — У нас нет времени, а в «Патриа» нет места, чтобы отвечать на эту ерунду.

Майское солнце пробивалось сквозь пришторенные окна. Три основные задачи ставил и намеревался решить Марти в ту весну: укрепление партии, создание материальных фондов, создание армии.

«Я хотел бы стать молнией, чтобы поспеть всюду, — писал он, — но высоту революции не возьмешь одним прыжком. Первый шаг — наше прочное единство».

И единство крепло. Рабочие Гаваны подтвердили свою готовность к борьбе пятитысячным первомайским митингом. Полуголодные гуахиро из-под Сантьяго-де-Куба прислали в Нью-Йорк письмо, кончавшееся словами: «Независимость или смерть!» Даже некоторые испанцы Флориды, возмутившись произволом своих соотечественников на Кубе, стали читать «Патриа». Эмигрантские клубы по-деловому выясняли возможности сбора средств.

9 мая Марти разослал президентам клубов свое первое инструктивное письмо: «Необходимо с непременной осторожностью и в то же время с неустанной энергией объединять все представительные силы нации, чтобы одновременно на Кубе и в Пуэрто-Рико добиться политической и моральной независимости от Испании и от всех других стран мира, а также направить неукротимую и в то же время глубоко человечную энергию на то, чтобы избежать кровопролитного этапа раздоров, неразрывно связанных с борьбой за свое освобождение в первых американских республиках».

В Кайо и Тампу прибывали кубинцы, спасавшиеся от преследований испанских властей. Лишь в немедленной войне они видели спасение родины, и Марти вынужден был превращаться из катализатора в тормоз.

Он писал на юг, снова и снова убеждая, что можно добиться свободы лишь путем тщательно подготовленной общенародной революции, революции без каудильизма, спешки и авантюризма,

революции, глубоко продуманной и вовремя начатой.

Его беспокоили и вновь крепнувшие голоса, которые ратовали за присоединение Кубы к Штатам. Он видел, что эти голоса принадлежат не только людям, лишь недавно вырвавшимся с колониальной

Кубы и поэтому еще ослепленным мишурой американских «свобод». Настойчиво, не брезгуя самыми сомнительными аргументами, за аннексию выступали те, кто опасался всенародного характера будущей революции. Предрекая «террор и хаос», вчерашние латифундисты и предприниматели справедливо считали, что только поглощение Кубы республикой янки вернет им утерянные поместья и фабрики.

2 июля Марти опубликовал в «Патриа» статью «Об излечении аннексией»: «Немало кубинцев и испанцев искренне считают, что мы сможем управлять сами собой только в союзе с чуждой нам страной, хотя она взирает на Кубу как на какую-то факторию и опорный стратегический пункт. Вот почему единственная возможность разубедить тех, кто не верит в наши способности к самоуправлению, — организоваться и победить. Тем самым мы покажем, что не все кубинцы согласны рисковать судьбой Кубы, ожидая помощи от республики, агрессивность которой очевидна».

Через несколько дней он отправился в пропагандистскую поездку по Флориде. Его сопровождали Пойо, Ролоф, Санчес. Они проехали через все города, где жили кубинцы, — Джексонсвилл, Томасвилл, Окала, Сэнт-Агустин, Сэнт-Питерсберг, — и Марти выступал каждый день, с трудом натягивая взятый напрокат фрак.

В Кайо встреча была триумфальной. Президенты клубов начали запись добровольцев. Фигередо, поддержавший это «святое дело», остался тем не менее верен своему скептицизму и привел к Марти эмигранта, уверявшего, что в воздухе Кубы нет и пред-дуновения бури.

— Вы рассуждаете о воздухе, а я забочусь о почве, — сердито ответил эмигранту Марти.

Фигередо удовлетворенно хмыкнул. В глубине души он хотел именно такого ответа.

Чтобы составить окончательную картину положения дел, точно знать, на кого, где и при каких условиях можно будет рассчитывать, Марти сам связался с Гаваной. Вернувшийся из ссылки Хуан Гуаль-берто Гомес прислал с рыбаками в Кайо маленький бочонок рома. Серафин Санчес выбил дно и достал плававшую в роме бутылку с письмом. Гомес коротко сообщал: революционное подполье живет, создание партии одобряется, денег и оружия очень мало.

Денег и оружия очень мало… Марти вспомнил вкрадчивый

голос господина из Тампы: «североамериканцы также заинтересованы в процветании свободной Кубы». Нет, уж лучше пусть будет одна винтовка на троих. 30 июля «Патриа» опубликовала статью Марти «Национальный характер»: «Только обольщенные, вечно нуждающиеся в поддержке или лишенные чувства собственного достоинства люди могут верить, что сильная, пренебрежительно относящаяся к свободе страна сможет, признавая равенство суверенности, обращаться как с равным с маленьким островом. Вряд ли разумно подталкивать ее (Кубу. — *Л. В.*) к аннексии страной, где народ с каждым днем все более обескровливается внутренней борьбой и где с неумолимой силой возникают проблемы в тысячи раз более глубокие и сложные, чем те, что стоят сейчас перед народом Кубы.

Совсем не нужно бросаться в чужое пламя ради того, чтобы не обжечь палец собственным огнем».

В первых числах августа на Кубу под видом табакоторговца отправился ветеран Десятилетней войны майор Херардо Кастельянос. Инструкции он получал устно.

— Объясняйте цели партии. Говорите о ее энергии, о широте ее взглядов. Собирайте сведения о всех революционных элементах и центрах, о патриотах, их мнениях и настроениях, с которыми нужно считаться. Постарайтесь устроить так, чтобы люди в каждом районе организовались в цельное и сильное ядро, связанное с другими такими же ядрами в других районах острова… — Марти помолчал, прошелся по комнате. — Обратите особое внимание на связь патриотов острова с руководством партии. Во избежание провала связные должны строжайше конспирироваться. Наконец, еще одно: настоятельно объясняйте опасность вступления в неподготовленную, случайно начатую войну. Испанцы ждут такой войны, чтобы, разгромив разрозненные отряды повстанцев, убить революцию в зародыше. Как видите, дел немало. Вам придется идти в редакции газет и лицеи, казино и таверны, масонские ложи и подпольные центры. Не делайте никаких записей. В Гаване вам поможет Хуан Гуальберто Гомес. Дайте я обниму вас. Будьте осторожны!..

Кастельянос уехал, а перед Марти встали новые проблемы. Стоило ветеранам хотя бы месяц не слышать его голоса, как старые наклонности к военным авантюрам вновь начинали кружить им головы.

— Да, Максимо Гомес не стал бы так тянуть… Марти ни разу не был в бою… Говорят, в зарослях у Баракоа уже спрятаны четыреста винтовок. Пора начинать! Стрельба убедительнее речей…

Марти хорошо понимал всю необходимость привлечения в

партию военных авторитетов. Как делегадо, он имел право по своему усмотрению назначить главнокомандующего будущей армией. Но он не хотел диктата и предложил клубам назвать кандидатуры. Все единодушно высказались за Максимо Гомеса. Марти тоже считал, что назначение «старика» — самый правильный шаг.

В августе Гомес писал Санчесу: «Немногие знают Марти, как я, и, быть может, он и сам себя не знает так, как знаю его я. Марти — это сердце Кубы. Он может пойти на поле битвы воевать за освобождение родины с такой же смелостью, как Агра-монте. Но он никогда и никому не простит того, что считает «презренным», хотя бы это и было всего лишь различие во мнениях»..

Санчес сообщил Марти о письме генерала, и Марти ответил: «Что касается Гомеса, я ожидаю от него только великих дел. Я собираюсь переговорить с ним лично, чтобы выяснить его теперешние возможности и планы организации армии без промедлений».

В начале сентября 1892 года Марти выехал из США в Санто-Доминго. 11 сентября спрыгнул с лошади у ворот «Ла Реформы», крошечного имения генерала Гомеса.

За небольшой апельсиновой рощей стоял среди цветов выстроенный руками Гомеса домик из четырех комнат. «Ла Реформа» уже много лет считалась гнездом мамби. Здесь подолгу жили друзья Гомеса по войне — Серафин Санчес, Франсиско Каррильо. Теперь сюда прибыл Марти.

Он прошел к дому, ведя лошадь за узду, «как человек, не считающий должным сидеть верхом в присутствии старших». Гомес встретил гостя в дверях, взгляд его голубых глаз был внимателен и мягок.

Марти пробыл в «Ла Реформе» три дня. «Старик» заставил его спать на своей кровати, а сам перебрался в подвешенный к двум пальмам гамак. Обедали по-кубински: свинина, рис, бананы, кофе. И, конечно, любимый Гомесом отличный ром «Бельтрано». Они обсудили все, ничего не утаивая друг от друга и ничем не обольщаясь. Они пришли к единому мнению по всем вопросам, и 13 сентября Марти написал и сам вручил Гомесу официальное письмо с предложением принять командование еще не созданной Революционной армией: «Я прошу вас не отказываться и взяться за дело без колебаний, хотя ничего не могу предложить взамен, кроме удовольствия пожертвовать собой и возможной неблагодарности людей».

Гомес ответил также официальным письмом, по-военному четким и кратким: «С данного момента вы можете полностью на

меня рассчитывать».

Тихим, солнечным утром Марти покинул «Ла Реформу». Его дальнейший путь лежал через многие города Антильских островов. Повсюду он искал и находил «хороших, честных кубинцев, по-настоящему светлых людей».

Город Санто-Доминго, первая столица Испанской Америки, рукоплескал Марти на вечере, устроенном в его честь писателем и патриотом Федерико Энрикес-и-Карвахалем. Кто-то из местных газетчиков сказал: «Марти сегодня — это Сеспедес в сентябре 1868 года».

В пригороде Санто-Доминго, городке Колонес, ему была оказана совершенно особая и символичная честь — больше часа он оставался возле останков Христофора Колумба в самом старом кафедральном соборе Испанской Америки.

Покидая Санто-Доминго на борту пропахшего рыбой парусника «Лепидо», Марти написал Гомесу: «Что сказать о любви, окружавшей меня?.. Я получил столько ее доказательств…»

Вечером 24 сентября, подгоняя усталую лошадь, Марти проехал мимо огромного распятия, установленного французами перед столицей Гаити, городом Порт-о-Пренс. Потертый костюм, выгоревшая шляпа и темные круги под глазами делали Марти похожим на неудачливого коммивояжера. Но консул Санто-Доминго в Порт-о-Пренсе уже получил шифровку из своей столицы, и рано утром 25 сентября «Отель де Франс», где остановился приезжий, разбудили громкие голоса. Президент клуба, объединявшего местных кубинцев-эмигрантов, вместе с десятком энтузиастов примчался встречать желанного гостя.

На приеме Марти говорил о проблемах и перспективах революции, ему аплодировали стоя, и даже французская газета Порт-о-Пренса, изменив обычному пренебрежению к собраниям кубинцев, посвятила одну из статей «приезду знаменитого журналиста, писателя и защитника независимости Кубы», отметив, в частности, его «правильный французский язык с легким марсельским акцентом».

4 октября рейсовый пароход увез Марти на Ямайку. В Кингстоне он остановился на Ханновер-стрит, у торговца табаком Бенито Мачадо. В доме Мачадо, а впоследствии в отеле «Миртл Бэнк», состоялись его встречи с вожаками эмигрантов на Ямайке.

Марти рассказывал им о положении на Кубе, о партии, раздавал экземпляры программы и устава, номера «Патриа». Он благодарил за пожертвования, записывал имена добровольцев. Но он никому и ничего не говорил о своей главной заботе на Ямайке, о своей самой важной цели поездки на этот остров — связи с

Антонио Масео.

Легендарный мамби обосновался теперь в Коста-Рике, но на Ямайке, неподалеку от Кингстона, в маленькой колонии кубинских табачников «Темпл-холл», жили его мать и жена.

Эти женщины были достойны славы «бронзового титана».

Когда прозвучал «Клич Яры», Мариана Грахалес не стала удерживать мужа и семерых сыновей, взявшихся за. мачете. «Настал ваш час, идите», — сказала она. Пятеро сыновей и муж, Маркос Масео, пали в боях. Но старая Мариана знала: придет время, и ее Антонио вместе с младшим братом Хосе отомстит за все.

Жена Антонио Масео, Мария Кабралес, стала его верной спутницей в походной жизни. Это ее слова разнесла по острову газета «Свободный кубинец»: «Кому же, как не нам, женщинам, перевязывать раны наших мужчин!»

Марти принес женщинам большие букеты. В крохотном домике пахло только что сваренным кофе.

— Да, здесь целый кубинский город, — медленно говорила гостю старая Мариана. — Здесь хорошо и спокойно. Но я помню Кубу, помню войну. О, как я все помню!.. Мне очень хочется в Орьенте. И Антонио хочется видеть тоже…

Марти держал в своих руках ее жесткие руки и слушал.

10 октября он выступил перед кубинцами «Темпл-холла». Мариана Грахалес сидела рядом с невесткой на почетном месте и украдкой вытирала глаза.

После речи Марти решено было создать новый клуб и поддержать партию. На прощание все вышли со знаменем на лужайку, и фотограф нырнул под черное сукно.

— Когда фото будут готовы, я пошлю их Антонио, — сказала Мариана.

— Он по-прежнему хочет войны?

— Э, его стоит только позвать…

— Стоит позвать любому?

— С тобой и с Гомесом он пойдет, не волнуйся.

18 октября слегка загоревший в тропиках Марти шагал по Фронт-стрит. Многие сотни миль остались позади, многие сотни кубинцев влились в революцию. А главное — революция обрела меч.

САМЫЙ ДОЛГИЙ, НАВЕРНОЕ, ГОД

Искры опавших листьев гасли на улицах Нью-Йорка под грязными клочьями затоптанных предвыборных листовок.

Гаррисон против Кливленда — на этот раз предвыборная кампания походила на ленивое препирательство двух близнецов из-за не очень-то нужной обоим игрушки. Нерешительность республиканцев, которые не захотели или не смогли провести негров к урнам сквозь пылающий частокол крестов ку-клукс-клана, позволила южанам-демократам захватить всю исполнительную и законодательную власть в стране.

Марти выехал из Нью-Йорка 7 ноября, когда Гаррисон, сразу позабытый и прессой и Уолл-стритом, уже готовился трансформироваться в профессора права, а его бывшие протеже, чиновники-республиканцы, с грустью ждали своих преемников-демократов. Что поделаешь, четыре года назад они тоже вышибали их с насиженных кресел в государственных учреждениях. «To the victors belong the spoils»[56].

Ритмично погромыхивали колеса. Флоридский экспресс, новинка заводов Пульмана, несся с небывалой еще скоростью, делая почти тридцать пять миль в час. Марти не думал о событиях, занимавших янки в последние недели. Куда больше его волновало последнее, прошедшее 23 октября собрание в «Лиге». Он рассказывал черным и белым кубинцам — а белых приходило в «Лигу» все больше — о своей летней поездке в Тампу, Кайо, Санто-Доминго, Гаити и на Ямайку. И вот он снова едет на юг, который ждет его советов, решений, мыслей. «Люди поверили тебе и хотят сделать, как ты скажешь», — так говорил Пойо. Нельзя обмануть их ожидания. Но что теперь нужно для революции? Для чего время настало, а для чего еще не пришло?

Единство нации… Как переплавить его в корабли, винтовки, силы вторжения, отряды повстанцев на острове?

Риверо и Балиньо встретили Марти на вокзале, подвели к экипажу. «Что ни день — новые заботы», — хмуро говорил Риверо.

Наутро в цехе одной из фабрик никто не встал, чтоб по традиции приветствовать гостя. «Ему опять нужны наши деньги», — донесся чей-то свистящий шепот.

Марти похолодел. Но прежде чем он успел вымолвить слово, на шаткую скамью вскочила негритянка.

Паулина Педросо, чей дом в Орьенте сгорел в Десятилетнюю войну, а муж Руперто одним из первых вошел в основанную

Марти и Брито «Лигу» Тампы, умела говорить то, что думала.

— Эй, вы! — звонко крикнула она рабочим. — Если кто-нибудь боится отдать свои центы или взять в руки мачете, пусть отдаст мне свои штаны, а я отдам ему свою юбку! Ну, кто первый?

И цех громыхнул хохотом.

Вечером Брито сказал Марти:

— Их чуть не убили, когда ты ушел…

— Кого, Корнелио?

— Да ту парочку новеньких, которые приехали из Гаваны и говорили, что ты строишь дом в Камагуэе на деньги партии…

Дни в Тампе были насыщены до предела. После консультаций с президентами клубов Марти решил: задача № 1 — сбор средств. Причем по возможности секретный.

Марти жил и работал в отеле «Чероки». Чаще других помогать ему приходили двое: молчаливый креол и негр, донельзя длинный и нескладный. Они ходили за кофе и относили записки, были исполнительны, и Марти быстро привык к ним.

Однажды вечером негр принес кувшин вина.

— Это молодое вино, Учитель, — странно напряженным голосом сказал он. — От него хорошо спят…

Марти кивнул и продолжал писать письмо в Кайо. Негр поставил кувшин и вышел. Дописав, Марти выпил глоток золотистой жидкости. Он думал о Фигередо и, только сделав еще глоток, ощутил странный привкус вина. Открыв дверь, он позвал негра. Гулкое эхо прокатилось по коридорам. Негр не отзывался.

Марти почувствовал, как начинают слабеть и дрожать ноги. Черно-фиолетовые пятна мелькали в глазах. Цепляясь за перила, он спустился вниз и послал заспанного портье за доктором Барбаросой.

Барбароса примчался в отель в плаще, наброшенном на домашнюю пижаму. Немедленное промывание желудка вернуло задыхавшегося Марти к жизни. Только тогда Барбароса разразился проклятиями в адрес сбежавших отравителей и стал обвинять в слепой доверчивости самого Марти.

Марти, часто дыша, улыбался и повторял:

— Пусть все это останется нашей тайной…

Но портье разболтал о случившемся. Брито чуть ли не за руку увел Марти из отеля в маленький дом Руперто и Паулины Педросо, стоявший прямо напротив фабрики Мартинеса Ибора.

— Все правильно, — одобрил Балиньо, — в случае чего наши придут прямо с фабрики…

Теперь, когда Марти бывал дома, над крыльцом развевался кубинский флаг. Свет в окнах не гас допоздна, и рабочие вечерних смен проходили по тротуару, почтительно подталкивая

друг друга локтями. Руперто чутко спал у порога на тростниковом ковре.

Молчаливый креол все же появился в Тампе. Когда он постучал в дверь, Руперто едва не убил его подвернувшейся под руку лопатой. Марти успел толкнуть друга под локоть и увел гостя в свою комнату.

Вечером Паулина сказала Марти:

— Ты обидел Руперто, Учитель.

— Этот человек будет среди первых на Кубе, Лина, поверь мне, — ответил Марти.

Забегая вперед, скажем, что он оказался прав. Через несколько лет креол храбро сражался под флагом одинокой звезды и заслужил звание майора.

Спустя две недели Марти покинул Тампу. Он сделал все, что мог. Помимо десяти процентов ежемесячного заработка, уже поступавшего в казну партии, табачники решили отдавать революции и заработок одного дня в неделю — Дня родины. В одной только Тампе теперь ежемесячно собиралось около пяти тысяч песо.

В Кайо фабрик было меньше, поступления оттуда составляли всего две тысячи песо. Скрепя сердце Марти дал согласие на проведение в Кайо лотереи. Ему претил этот американизированный способ финансирования, добровольные пожертвования казались честнее и надежнее, но… Революции был важен каждый цент.

Возвращаясь в Нью-Йорк в декабре, он вез с собой двенадцать тысяч долларов и пожелания клубов юга «начать с наступлением теплой погоды». Он и сам хотел бы того же, но знал, что предстоят еще немалые схватки за умы и сердца.

Декабрь принес очередную замену кабинета в Мадриде. Испанцы заявили о желании мирно решить кубинскую проблему. Они уже понимали, что могут сохранить остров только ценой уступок, и очень хотели, выпустив на сцену реформистов, противопоставить хоть что-то действенным лозунгам Марти о борьбе и единстве.

Не переоценивая новой опасности, Марти тем не менее считал ее серьезной. Остров хотел войны, ждал ее и отказывал реформистам в поддержке. Но именно эта ситуация могла привести к преждевременной, заранее обреченной на неудачу вспышке. Испанцы делали все, чтобы спровоцировать выступление мамби — ведь, раздавив его, они давали реформистам отличную возможность покричать о «напрасных жертвах».

«Своевременность решает многое», — писал Марти Гомесу. 31

января он специально выступил в «Хардман-холле». Доказав недостаточность реформ и даже автономии для достижения национальной независимости, он особо подчеркнул, что «партия взяла священное обязательство не развязывать бездумную войну на Кубе и не участвовать в ней, если она вспыхнет, не вынуждать страну к несвоевременной и некоординированной активности».

В феврале он опять отправился на юг и провел два месяца в переездах из города в город. Все, казалось, было в порядке. Отчисления от заработков табачников поступали регулярно. Но Марти, прекрасно изучивший цены на оружие, видел, что денег все-таки не хватает.

10 апреля он был переизбран делегадо на второй срок. В тот же день оставшийся казначеем Бенхамин Герра сообщил, что на покупку дешевой партии неплохих винтовок не хватает всего полутора тысяч долларов. Но юг не мог больше дать ничего. И Марти отправился в Филадельфию.

В Нью-Йорк он вернулся в конце мая, когда можно было уже снять тяжелое, а главное, слишком потертое пальто. Он привез из Филадельфии тощий чек и озабоченность последними событиями на острове: в окрестностях города Ольгина взялась за оружие группа молодежи во главе с братьями Сарториус.

Вскоре пришли шифровки из Гаваны. Хуан Гомес сообщал, что восставшие малочисленны и ясных политических лозунгов не выдвигают. Эта трезвая оценка, однако, не охладила пыла ветеранов Кайо, и они поднимали бокалы за успех восстания под транспарантом со словами «Сарториус — Марти».

Марти с грустью видел, что, откликаясь на его зов к единству, честные солдаты по-прежнему могут быть нетерпеливыми и неосмотрительными.

Братья Сарториус сдались через неделю. Официальная Гавана под ликование мадридских политиков начала готовиться к визиту инфанты Евлалии. Автономисты вновь оказывались на коне.

Ситуация складывалась не в пользу партии. Все скрытые и явные противники Марти завопили о предательстве. И снова, в который уже раз, он, понимавший, что патриоты Ольгина стали жертвой провокации, стал лицом к лицу с клеветниками. 24 мая, не обращая внимания на свист и шум, он поднялся на трибуну «Хардман-холла».

Присутствовавший в зале известный никарагуанский поэт Рубен Дарио вспоминал: «Марти блестяще защитился от обвинений. Его успех был полным, и аудитория, вначале враждебная, аплодировала долго и горячо».

Они выходили из «Хардман-холла» вместе — элегантный поэт никарагуанец, только что назначенный на пост консула Колумбии

в Нью-Йорке, и кубинец, отказавшийся от поэзии и чинов ради революции. На улице их ждала толпа, возгласы, протянутые для приветствия руки. «Два часа назад все было по-другому, — невольно подумал Дарио. — В чем сила этого человека, где корни его магнетизма?»

Гибкая фигура вскочила на подножку их экипажа.

— Учитель! — раздался взволнованный голос. — У меня нет денег. Но возьми это!

На колени Марти легла старинная серебряная шкатулка.

— Вы знаете этого человека? — спросил Дарио.

— Нет, — ответил Марти. — Он знает меня.

Одетые в резиновые кольца колеса мягко катились по брусчатке.

— О Марти, — говорил Дарио, — как бы я хотел видеть вас лишь наедине с пером и бумагой. Сколько света вы могли бы дать миру!..

— Писать для будущего, дорогой Дарио, значит молчать сегодня. А разве не вам принадлежит строка: «Молчать сейчас, чтобы потом рыдать?» Нет, нет, Дарио, мой крест найден, звезда зажжена…

Вскоре Марти снова отправился в Санто-Доминго. Он дорожил советами Максимо Гомеса, ему хотелось обсудить с ним многое, и 3 июня он сердечно обнял генерала.

Вечером, уложив гостя на уже знакомой ему кровати, Гомес достал дневник. Прежде чем сделать новую запись, он перелистал страницы прошлых лет: «11 сентября 1892 года. Сюда, в «Ла Реформу», приехал сеньор Хосе Марти, чтобы обменяться со мной точками зрения на революцию, которая сейчас готовится. Я высказал ему мои концепции.

Сеньор Марти — человек умный, подлинный защитник свободы. Он был одним из тех, кто стал на мою сторону, когда в 1884 году мы хотели начать новое движение. Но тогда он не согласился с нашими методами и отвернулся от нас. Его уход ускорил наше поражение. Мы, люди оружия, хотевшие принести на Кубу революцию, почувствовали публичное недоверие.

Некоторые выдающиеся кубинцы, возможно, считают, что я, сохраняя неприязнь к Марти, откажусь присоединиться к возглавляемому им движению. Но Марти приехал от лица Кубы, неся свою боль, показывая цепи, прося деньги на оружие, обращаясь к товарищам за помощью. Почему же мы должны сомневаться в его политической честности?

Я без малейшего колебания решительно встаю на его сторону и буду сопровождать его до конца».

«13 сентября 1892 года. Победа революции на Кубе зависит

от сотрудничества всех. Многое из того, что делал Марти, делалось во имя примирения различных элементов, из-за несогласия которых похоронила себя революция Яры в Санхоне. Я буду ждать результатов объединения, зная, что эту работу должен продолжить Марти».

Гомес прислушался к хриплому и неровному дыханию спящего. Подумал: «Он никогда не выздоровеет». Обмакнул перо:

«3 июня 1894 года. Марти приехал снова, чтобы поговорить со мной и осведомить меня о хороших результатах подготовительной работы, хорошем финансовом положении и хорошем духе, который царит на острове. Мы обсудили способы и формы поддержки революции, как только она вспыхнет. Я рассылаю в связи с этим циркуляр всем военным руководителям, которые должны подготовиться».

5 июня Марти выехал к Масео в Коста-Рику. Там, пользуясь неофициальной поддержкой властей, вокруг генерала собирались самые нетерпеливые из повстанцев: его братья, Флор Кромбет, Антонио Самбрано.

Марти не писал Масео о точной дате прибытия, и его никто не встречал. Но газетчики тотчас узнали о приезде лидера кубинских революционеров: едва войдя в Гранд-Отель, расположенный напротив светло-желтого президентского дворца в Сан-Хосе, крохотной столице крохотной республики, Марти уже дал интервью редактору «Эль Эральдо де Коста-Рика».

Масео, Самбрано и их друзья прискакали наутро. И вплоть до самого отъезда Марти Масео ни на шаг не отходил от него. 2 июня обед в честь Марти дали ученые и литераторы. 3 июня Антонио Самбрано представил его членам Юридического общества. 5 июня кубинец принял приглашение клуба «Пунта Браво» и побывал у патриотов городка Картаго. В тот же день вечером, вернувшись в Сан-Хосе, он выступил с речью в школе права как гость Ассоциации студентов. «Эль Эральдо» писала: «Мы видели, как этот выдающийся человек входил в салон, бледный и немного сутулый. Опираясь на своего друга Самбрано, он направился к креслу, которое было для него приготовлено. Он очень болен, и все-таки он говорил два часа перед аудиторией в четыреста человек о том, что свобода Кубы и Пуэрто-Рико — дело всей Америки. Весь путь до отеля он проделал под крики «Вива!» и аплодисменты».

Кубинцы во главе с Масео поддержали все предложения Марти.

«Мы должны радоваться, — написал он Гомесу в «Ла Реформу», — генерал Масео согласен выполнить ту часть общей задачи, которую вы возложите на него».

«Часть общей задачи» была вполне конкретной. Масео обещал собрать отряд, по сигналу партии отправиться на Кубу и поднять Орьенте.

Остаток июля, август и сентябрь Марти также провел в пути. Панама, Нью-Йорк, Тампа, Окала, Кайо — всюду он вкладывал в людей частицы своего сердца. Гаванские газеты описывали Марти как худого, нервного человека в потертом костюме и стоптанных ботинках, с пачками бумаг под мышкой, как болезненного чудака, читающего на ходу на тротуаре. «Марти — сумасшедший», — писал один репортер. «Он ворочает сотнями тысяч долларов в партийной кассе и нарочно не меняет костюма», — сообщал другой. «У него двенадцать любовниц из двенадцати стран Америки», — изощрялся третий.

А «сумасшедший», «растратчик» и «ловелас» в это время спешил на тайную встречу с поставщиком оружия. Он сообщал друзьям: «Делается все, что нужно в данное время делать. Все, что нужно устроить, устроено».

Словно откликаясь на эти строки, старый Гомес записывал в дневнике: «Хосе Марти, как делегадо, продолжает свои подготовительные работы с такой активностью и энергией, как никто больше не может и пожелать».

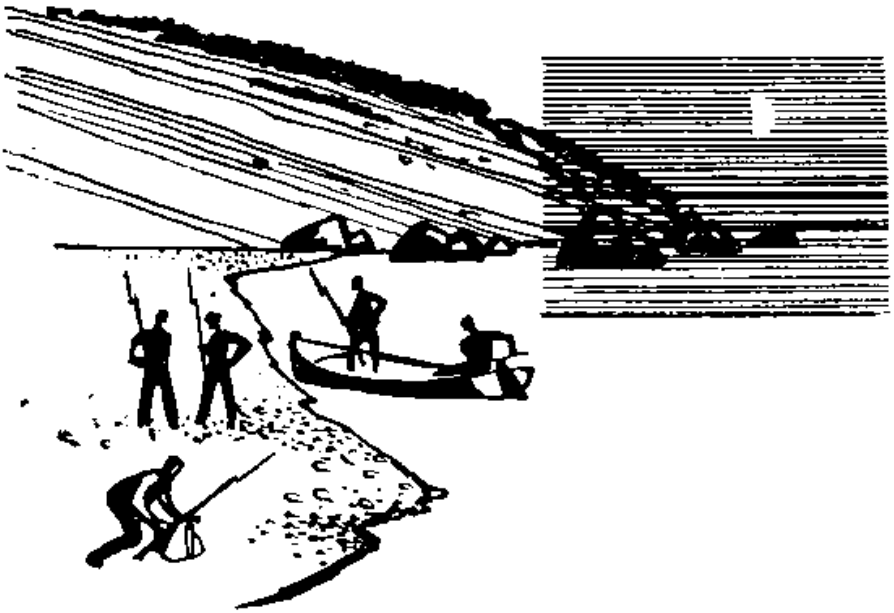
В декабре клубы Кайо вынесли Марти благодарность за «ревностность, активность и успешность» в работе на посту делегадо. И после этой, шестой по счету, поездки на юг он говорил Гонсало де Кесаде:

— Сейчас во мне столько гордости за свой народ, что я не могу описать ее. Я живу только для чести родины, я бы умер от ее бесчестья. Что с того, что мы видим грязь на одежде? Сняв рабочее платье, мы можем сказать: да, кое-что уже построено. Еще нет лепки и резьбы по карнизам, но в фундаменте уже лежат тысячи кирпичей…

— Нужно помнить, ценою чего, Хосе.

— Прежде всего нужно помнить, Гонсало, что время не ждет нас. Мне кажется: минувший год был самым долгим.

Глава IX
ЛИЦОМ НА ВОСХОД



ТРАГЕДИЯ ФЕРНАНДИНЫ

Сразу после рождества пришла весть о конфликте в Кайо-Уэсо. Прокатившийся по Соединенным Штатам кризис достиг маленького скалистого островка, и жертвами локаута оказались восемьсот рабочих фабрики «Ла Роса Эспаньола».

Хозяева фабрики, еще недавно ратовавшие за единство кубинцев, вышвырнули рабочих — своих соотечественников — и заменили их испанцами — штрейкбрехерами, специально привезенными из Гаваны. Несколько пикетчиков оказалось в тюрьме.

Марти вспомнил слова Карлоса Балиньо: «Нет понятий более нереальных, нет союзов более шатких, нежели союз труда и капитала». Неужели Балиньо прав? Неужели никогда, никогда не смогут жить в мире рабочий и работодатель? Неужели единство кубинцев, выкованное, наконец, после стольких лет борьбы, окажется под угрозой из-за алчности фабрикантов?

— Я немедленно еду в Кайо, — сказал он Кесаде. — Почему Кармита прячет мое пальто? Я уже могу выйти на улицу, я совсем здоров…

Кесада еле уговорил его подождать новых телеграмм с юга. Наутро стало известно, что на суде интересы забастовщиков взялся защищать Орасио Рубенс, лучший адвокат Флориды.

Марти остался в Нью-Йорке, но писал в Кайо почти ежедневно. Он увещевал, советовал и просил. Многие сочли, что он беспокоится о деньгах, — восемьсот работающих табачников могли ежемесячно вносить в фонд партии не одну сотню долларов, но его куда больше волновало единство кубинцев.

Орасио Рубенс сумел доказать правоту рабочих, а клубы Кайо, отвечая на призывы Марти, постарались побыстрее выставить штрейкбрехеров с острова. Трещину удалось заделать, но надолго ли? Аресты на Кубе продолжались. Продажные газеты кричали о близких и радикальных реформах, обещанных метрополией. Янки негромко обсуждали новые проекты покупки острова. Обстановка осложнялась с каждым днем.

Марти решил, что пришло время подхлестнуть события. Следовало напасть на испанцев раньше, чем, спровоцировав новое локальное восстание, они обрушатся на революцию. Следовало также еще раз высказать свое отношение к янки, открыто поддержавшим испанцев в конфликте на «Ла Роса Эспаньоле».

27 января Марти писал в «Патриа»: «Ни народ, ни человека нельзя уважать, если сам он не заставит уважать себя. Мы живем

в стране, в которой по традиции к нам относятся с корыстью и с пренебрежением. Пресса этой страны издевается и насмехается над ними, и поэтому они (янки. — *Л. В.*), считающие нас бессильными, должны в любое время видеть нас решительными и мужественными. Нам нужно держать себя твердо, чтобы они не смели и пальцем до нас дотронуться. С ними следует говорить на их языке, раз они нашего не понимают».

Твердость, воля к победе, энергия — Марти звал к этому всех и сам не знал ни секунды покоя. Он помогал Бенхамину Герра решать финансовые проблемы, составлял списки добровольцев, вел переговоры с лидерами в различных городах на Кубе и вне ее. За ним следили — он уже знал в лицо двух приставленных к нему испанских агентов и молодчика из пинкертоновской шайки. Но он неизменно обманывал их, делал все, чтобы скрыть интенсивную подготовку взрыва, а среди американских газетчиков распускал слухи, что ничего еще не готово.

8 апреля для обсуждения деталей и сроков в Нью-Йорк приехал Максимо Гомес с сыном Франсиско.

«Мы долго совещались, — записывал в дневнике генерал — и нашли, что фондов недостаточно. Необходимо, чтобы Марти еще раз объехал все пункты, где можно было бы пополнить казну. Это особенно необходимо теперь, потому что установлены непосредственные отношения с кубинцами на острове, где нас ждут. Марти просит оставить Панчо[57], он хочет взять его с собой в поездку. Я считаю, что это пойдет мальчику на пользу. Мы решили, что когда наступит решительный час, корабль со спущенным флагом и без огней причалит к определенному, предусмотрительно выбранному месту на острове (Санто-Доминго. — *Л. В.*) и примет на борт меня и других кубинцев и доминиканцев, чтобы привезти нас на земли, которые мы предполагаем освободить».

С Гомесом был согласован и план вторжения в целом. Серафин Санчес и Карлос Ролоф — «этот русский храбрец», как сказал о нем Гомес, — возглавят два сформированных во Флориде отряда, которые высадятся на побережье центральной Кубы. Масео вместе с Флором Кромбетом и отрядом экспедиционеров из Коста-Рики поднимет Орьенте.

В эти дни Марти был переизбран делегадо на третий срок. Эмигранты, знавшие об успешных переговорах лидеров, понимали, что час близок.

4 мая, убедившись, что в Нью-Йорке сделано уже все, Марти вместе с Панчо Гомесом выехал на юг. И снова его встречали Тампа, Джексонсвилл, Окала, Кайо, Сэнт-Питерсберг. 30 мая он уже выступал в Нью-Орлеане, а спустя два дня поднялся на борт

парохода, отходившего в Коста-Рику, где ждал Масео.

Братья Масео и Флор Кромбет одобрили разработанные в Нью-Йорке планы.

— Только скорее, скорее! — воскликнул Кромбет, и Масео кивнул коротко остриженной головой.

— Суда выйдут из маленького порта Фернандина, — сказал Марти. — Может быть, нам так и назвать план?

После Коста-Рики Марти и Панчо Гомес побывали в Панаме и на Ямайке. Они вернулись в Нью-Йорк 7 июля, и Марти, едва войдя в кабинет на Фронт-стрит, стал просматривать стопу нечитаных кубинских газет.

Вести с острова и огорчали и радовали. Испанская канонерка захватила баркас с контрабандным грузом патронов для патриотов Пуэрто-Принсипе. Аресты не прекращались, хотя, казалось, все мамби уже давно за решеткой.

С другой стороны, грызня дельцов и министерская чехарда в Мадриде привели к замене курса «реформ» на курс «слияния с матерью родиной». Разочарованные кубинцы потянулись в подпольные клубы.

Письма с призывами не упустить время шли из Коста-Рики, с Ямайки, Кубы, из Тампы и Кайо. Комнатка на Фронт-стрит стала центром, куда стекались эти огненные импульсы, мозгом, четко координирующим незаметные внешне усилия повстанцев.

Все, все, казалось, было готово: владелец трех зафрахтованных кораблей ждал сигнала, из разных концов Соединенных Штатов во Флориду уже прибыли ящики с надписями «Сельскохозяйственный инвентарь», добровольцы отточили мачете.

Но Гомес считал, что центральная Куба еще не готова. К тому же оружия для всех не хватало. Марти снова отправился в путь, на этот раз в Мексику.

Там его встретили Мануэль Меркадо и Хусто Серра. Они отдали ему все, что смогли собрать, но — увы! — сумма, значительная для них, была ничтожной для кубинской революции.

Он вернулся в Нью-Йорк в августе, злой и настолько усталый, что, едва войдя в дом Франсиско Каррильо, уснул в рабочем кресле друга.

Ему пришлось опять выслушивать упреки в медлительности от некоторых ветеранов, не различавших понятия «хорошо» и «быстро». Он мог бы уничтожить их иронией или фактами, но возражал вяло. Задержка мучила его самого.

Масео настойчиво просил денег на оружие, и Герра разводил руками, показывая Марти пустой сейф. Положение Гомеса было

не лучшим, он записывал в дневнике: «Меня постигло глубокое разочарование, ибо только кубинцы-бедняки идут на самопожертвование. Я посылал секретные письма с просьбой о денежной помощи самым богатым кубинцам, но… только один человек прислал мне пятьдесят песо».

12 ноября на Фронт-стрит доставили срочную телеграмму из Коста-Рики: Масео ранен в спровоцированном испанцами столкновении у театра в Сан-Хосе. Марти схватился за голову. Хвала святой Марии, ранение легкое, но если Мадрид доберется и до Максимо Гомеса, кто поведет повстанцев? Нужно было спешить.

Нервно шагая из угла в угол, Марти перебирал в памяти решенные и нерешенные проблемы восстания. Во все ли провинции Кубы назначены уполномоченные партии? Да, Антонио Масео, Гильермо Монкада, Сальвадор Сиснерос-и-Бетанкур, Рафаэль Портуондо Тамайо, Бартоломе Масо, Хулио Сангили. Руководит подпольем Хуан Гомес. Эти люди не подведут. Связи? Шифровки идут в адреса бедных негритянских семей. В Гаване Хорхе Эррера прячет их с фантастической ловкостью. Как умен и храбр этот темнокожий восемнадцатилетний юноша! С тайными поручениями ездили майор Кастельянос и простой табачник Хуан Диос Барриос… Все, как будто все. Оружие закуплено и спрятано в Фернандине, припасы провизии на двадцать пять дней — тоже. Денег нет, но, кажется, основные расходы позади…

Морозным днем в Нью-Йорк приехал взбудораженный Энрике Кольясо. Он сразу отыскал Марти:

— Хосе, никто не осуждал тебя так, как я, и никто не говорил тебе таких грубостей. Но теперь никто не любит тебя больше и никто не восхищается тобой больше, чем я! Ты столько сделал…

Спустя несколько дней прибыл личный посланец Максимо Гомеса генерал Хосе Майя Родригес. 8 декабря Кольясо, представлявший патриотов западной Кубы, Родригес и Марти выработали инструктивный план восстания — единое руководство для повстанцев острова и сил вторжения.

План «Фернандина» оставался неизменным. Три быстроходных судна — парусники «Амадис», «Лагонда» и пароход «Баракоа» должны были принять на борт «сельскохозяйственный инвентарь» и «рабочих». Серафин Санчес и Карлос Ролоф отправлялись на «Лагонде» в Кайо-Уэсо, а оттуда, забрав отряд экспедиционеров, — к берегам провинции Лас-Вильяс. «Амадис», забрав в Коста-Рике братьев Масео, Флора Кромбета и других повстанцев, должен был идти в одну из бухт Орьенте. Высадка с «Баракоа» Марти, Кольясо, Родригеса и Гомеса, за которым нужно

было еще зайти в Санто-Доминго, планировалась в Камагуэе. Десанты и восстание конспиративных групп по всему острову должны были начаться одновременно в один из дней второй декады января.

Дополнительные параграфы к плану касались основ успеха борьбы:

«§ 1. Целесообразно обеспечить доброжелательное отношение или нейтралитет испанцев, которые постоянно живут на Кубе.

§ 2. Необходимо уважать всякую собственность и не требовать, вплоть до новых распоряжений, никаких взносов деньгами, а только лишь оружием, боеприпасами и провизией.

§ 3. Следует бороться с кубинцами, которые с оружием в руках выступят против революции либо будут оказывать ее врагам поддержку и материальную помощь».

Примерно в эти же дни конгресс США, «идя навстречу пожеланиям свекловодов Луизианы», вновь, как и в 1890 году, установил высокие пошлины на кубинский сахар-сырец.

Кубинский экспорт сахарного песка, достигавший уже почти миллиона тонн, мгновенно упал. Десятки тысяч людей оказались без работы и были готовы на все ради миски постного горячего риса. Заводы закрывались один за другим. Грозный вал экономической катастрофы катился по острову, толкая обездоленных под знамя восстания. И люди откапывали из-под пальм завернутые в тряпье «винчестеры», «ремингтоны» и «пибоди», разыскивали друзей и командиров по Десятилетней войне, перековывали лошадей.

В канун рождества Марти отправил в Фернандину, в адрес коммерсанта и судовладельца мистера Бордена, поздравительную открытку с видом Парижа. Мистер Борден не удивился подобной невнимательности — Нотр-Дам вместо обязательного рождественского Санта-Клауса. Напротив, он даже ждал этого условного сигнала. В темную праздничную ночь его «Амадис» без огней вышел из бухты Фернандины и, проскользнув под дулами пушек сторожевого форта Клинч, взял курс на Коста-Рику.

Утром 10 января Марти отправился в кабинет на Фронт-стрит, чтобы закончить очередную статью для «Патриа». Через час после его ухода почтальон вручил Кармите телеграмму из Фернандины. Мистер Борден сообщал, что испанский консул узнал об экспедиции и обратился с протестом к федеральным властям Соединенных Штатов. Госдепартамент немедленно дал указание об аресте судов, экипажей и пассажиров, а также о конфискации грузов.

Когда Кармита принесла телеграмму на Фронт-стрит, Марти там уже не было. Он вернулся домой лишь к вечеру и, взяв

взаймы пятьдесят долларов, смог уехать в Фернандину только с утренним флоридским экспрессом.

«В чем дело? — думал он, зябко ежась в углу пустого купе. — Оплошность? Предательство?»

В Фернандине, в дешевеньком отеле «Тревеллерс», записав в книге портье вместо своих первые пришедшие в голову фамилии, Марти, Кольясо и Родригес обсудили создавшееся положение. «Амадис» был арестован сторожевиком янки у самой границы территориальных вод; ничего не подозревавший капитан «Баракоа» сам привел свой корабль в лапы береговой охраны; а экипаж «Лагонды» героически утопил в море свой груз оружия, не обращая внимания на угрозы капитана американской канонерки расстрелять парусник в упор. Команды судов и экспедиционеры сидели в тюрьме, а конфискованное оружие уже хранилось в форте Клинч. Пятьдесят восемь тысяч песо, собранные по крохам рабочими-табачниками, пошли прахом.

Марти был в отчаянии. Сопоставив все обстоятельства, он понял, что провал не мог быть случайностью. Революцию предали.

Теперь ему было ясно, почему на ящиках с винтовками не всегда закрашивалась надпись «Военное снаряжение», почему бывали напутаны адреса на тюках с медикаментами, почему порой загнивали продукты. Оплошность, неопытность — так думал он раньше…

Да, революцию предали. Кто-то из кубинцев предпочел золото свободе родины. Но кто? Предать мог лишь человек, знавший все детали плана, а таких было немного…

Резко рванув дверь, вошли Гонсало де Кесада и Орасио Рубенс.

— Есть полторы тысячи долларов, все, что можно было продать, продано, — быстро сказал Кесада. — Мистер Рубенс уверен, что сможет добиться возвращения оружия, которое вез «Баракоа», — корабль не выходил из территориальных вод. Суд должен будет согласиться, что это обычная коммерческая перевозка. Кроме того, моя милая теща решилась дать нам взаймы. Мы можем освободить арестованных под залог…

— Я уверен в успехе, Марти, — сказал адвокат. — В законах янки столько лазеек для контрабандистов! Наденем на пару дней косынку вольного корсара. Янки издавна предпочитают бандитов повстанцам.

Хосе Майя Родригес обнял Марти за плечи.

— Тебе тяжелее всех, Марти, мы знаем. Ты один сделал больше, чем все мы за много лет…

Марти поднял голову.

— Как хорошо, что мы вместе, и ты, Кольясо, и ты, Родригес, и Кесада, и Рубенс. Я уверен: хоть в ореховых скорлупках, но мы доставим оружие на Кубу и победим!

МАНИФЕСТ МОНТЕКРИСТИ

В Нью-Йорке бушевала метель, и Марти даже обрадовался своему неудобному конспиративному одеянию — тяжелой, чуть ли не до пят, шубе Ролофа и его же мохнатой русской шапке. Кесада категорически отказался везти его к Кармите или на Фронт-стрит.

— Разве мы затем улизнули от полиции в Фернандине, чтобы попасть в ее лапы здесь?

Вот где нас ждут после Фронт-стрит… — добавил он, когда экипаж проезжал мимо мрачного здания тюрьмы «Тумс», которая соединялась со зданием городского суда галереей, перекинутой через улицу на уровне второго этажа.

После беспокойной ночи в доме Кесады Марти перебрался в квартиру Рамона Миранды. Респектабельные клиенты этого доктора кубинца были лучшей ширмой для его подлинных симпатий. Здесь нашло Марти письмо Максимо Гомеса: «Я считаю, что нам надо начинать войну за освобождение Кубы, даже не имея другого оружия, чем то, которое мы сможем раздобыть у самих испанских солдат».

Марти вздохнул. Рубенс обещает спасти часть винтовок. Но на какие деньги фрахтовать корабли? Не идти же по океану пешком. А остров созрел для войны, это ясно…

Доктор Миранда выслушал гостя, покачивая головой. Потом снял очки и поднялся из кресла.

— Я должен сказать вам, дорогой друг, что кубинцы Нью-Йорка поражены вашими достижениями. Подумать только: три корабля, целый плавучий арсенал, несколько сотен экспедиционеров! Судя по откликам газет, другие кубинские колонии поражены также. Не будем скрывать, дорогой Марти, слишком многие, несмотря ни на что, считали вас прежде всего поэтом и мечтателем…

Доктор Миранда прошелся по ковру гостиной.

— Что же касается денег, — доктор остановился и вынул чек, — вот. Двести песо.

Спустя неделю из Тампы и Кайо пришли переводы на шесть тысяч песо. Балиньо, Пойо и Фигередо ободряли, утешали и… сообщали, что эти деньги — последние. «Многие продали свои воскресные костюмы и кольца». Марти и сам понимал, что ждать больше нечего.

«Ни вы, ни я не будем терять времени на жалобы, — написал он Масео, — нужно действовать, несмотря ни на что…»

29 января, встретившись с приехавшим из Тампы Кольясо и Родригесом, Марти подписал приказ о восстании, адресованный Хуану Гуальберто Гомесу: «Необходимо добиться одновременности восстания или по крайней мере возможно большей одновременности; следует назначить дату для всеобщего восстания, но не ранее второй половины февраля 1895 года».

Через день ранним утром, когда огромный город утопал в свеженаметенных сугробах, Марти навсегда покинул Нью-Йорк. Снег лежал даже на лестнице, и Марти, провалившись выше щиколотки, почувствовал холодную влагу в ботинках. Он уезжал, не повидав на прощанье маленькую Марию и Кармиту, учеников из «Лиги» и многих друзей по партии. Но он не имел права задерживаться. Гомес ждал его в местечке Монтекристи, в Санто-Доминго, чтобы вместе отплыть на Кубу.

7 февраля в дневнике «старика» появилась запись: «Прибыли Хосе Марти, Хосе Майя Родригес и Энрике Кольясо… Мы обсудили все… и, учитывая недостаток средств, решили отправиться на остров как можно скорее, хотя бы и на весельных лодках…»

В Монтекристи Марти узнал важные новости. Хуан Гуальберто Гомес, проконсультировавшись с руководителями конспиративных организаций острова, назначил восстание на 24 февраля, первый день традиционного карнавального праздника, когда легче всего было обмануть бдительность испанских властей. Это обрадовало Марти — Гомес действовал правильно. Второе известие настораживало. Испанские кортесы начали обсуждать проект закона о реформах на Кубе. Но, прочитав подробные отчеты о дебатах, Марти успокоился. Предполагаемые реформы были короче кроличьего хвоста и могли лишь прибавить сторонников мамби.

Вопрос о деньгах стоял по-прежнему остро, и Хосе Майя Родригес отправился в столицу Санто-Доминго. Улисс Эро, президент, вручил ему во время тайного ночного приема две тысячи песо.

— Я только очень прошу вас, — сказал президент, — чтобы об этом поступке гражданина Улисса Эро не узнал президент Улисс Эро. Вы меня понимаете?

Депеши с Кубы торопили. Серафин Санчес и Карлос Ролоф буквально рвались в бой. Гомес, однако, ждал Родригеса.

Родригес вернулся 25 февраля и прямо с порога закричал на весь дом:

— Все идет как надо! На острове революция!

Полученные на следующий день газеты сообщали, что пламя вспыхнуло на востоке — в Хигуани, Байре, Ольгине, Эль Кобре и

Гуантанамо. «Патриа» печатала телеграмму, отправленную в Кайо Гонсало де Кесаде: «Марти, Гомес, Кольясо — на Кубе».

Марти ликовал. Да, сообщение «Патриа» преждевременно, на западе острова пока что выигрывают испанцы, затягивается выступление в Лас-Вильясе. Но Куба уже борется! Независимость или смерть!

Ежедневно просматривая газеты, он наткнулся на телеграмму из Мадрида. 8 марта в испанском сенате прозвучали напыщенные слова: «Испанская нация готова отдать последнюю песету из своей казны и последнюю каплю крови последнего испанца, но не допустить, чтобы кто бы то ни было отвоевал хоть клочок ее священной территории». Испанцы не научились ничему.

В сообщениях из Гаваны говорилось о поездке группы видных реформистов к повстанцам. «Вы одиноки и идете к краху, — заявили они патриотам, — если вы не согласитесь сложить оружие, правительство бросит на вас двадцать пять или тридцать тысяч солдат и потопит восстание в крови». Репортер приводил ответ командиров повстанцев: «Чем больше пришлют солдат, тем больше их погибнет!»

Гомеса, в свою очередь, волновали конкретные проблемы десанта: «Весь этот месяц прошел в напряженной подготовке нашего отъезда на Кубу. Невозможность высадки на западе острова делает утопичными прежние планы. Кроме того, за нами наблюдают власти страны, связанной дипломатическими отношениями с испанским правительством».

В один из последних мартовских дней Марти показал Гомесу полученный из Мадрида сенатский бюллетень. «Еще нет особой опасности, — вещал сенатор Бесерра, — ибо нет сведений о том, что поднял оружие Гильермон, что высадился Антонио Масео или что в Гуантанамо находятся Марти и Гомес».

— Что же, — сказал «старик», — мы можем плеснуть масла в костер. Кажется, суденышко отыскалось.

Всю ночь Марти не вставал из-за стола. Уже похрапывал за перегородкой Гомес, уже прошумел ночной дождь, занялась заря, а он все писал и писал. Утром он протянул Гомесу пачку листков.

— «Революционная кубинская партия — Кубе», — вслух прочел название генерал. — Наконец-то, Пепе, наконец-то.

Марти улыбнулся. Если «старик» говорит «Пепе», значит доволен. Что-то он скажет, прочтя все.

«Революционная борьба за независимость, начало которой было положено в Яре, снова вступила на Кубе в стадию боевых действий по призыву Революционной партии, стремящейся к освобождению страны на благо Америки и всего мира.

Эта война не станет колыбелью ни тирании, ни анархии и

беспорядка, революционеры видят в ней не повод для слепого, безрассудного геройства, а дело огромной ответственности, всегда выпадавшей на долю тех, кто основывает суверенные государства.

Свободолюбивый и просвещенный народ Кубы знает и ревностно оберегает свои права и права других наций. Условия жизни, трудовая деятельность нашего одаренного народа, завоевавшего справедливую республику, позволят преодолеть разобщенность и своекорыстие отдельных групп, лень и высокомерие, порождаемые в иных людях войною, мстительную злобу господ, лишенных своих привилегий, а также неоправданную поспешность, с которой кучка вчерашних рабов, неудовлетворенных своим положением, быть может, будет претендовать на общественное признание, приобретаемое только личными заслугами и талантами; и, наконец, сопротивление значительной части городского населения, которому придется распроститься с роскошью и изобилием, какое дают ему незаконные колониальные повинности и доходные должности, ибо свободный народ их отменит. Завершив освободительную войну, вдохновляемую самыми бескорыстными стремлениями, Куба, расположенная у порога богатого индустриального мира, из страны униженной, страны, где благосостояния можно добиться только ценою явного или тайного сотрудничества с тиранией алчных чужеземцев, разоряющих и развращающих кубинский народ, станет страной независимой и провозгласившей всеобщее право на труд.

Трусость под маской благоразумия пытается использовать сегодня вздорную сказку о негритянской опасности. Но ненависть негров мерещится только тому, кто их сам ненавидит, и тому, кто спекулирует на этом необоснованном страхе с неблаговидной целью удержать тысячи рук, готовых подняться и изгнать с кубинской земли растленных оккупантов.

В душе антильца нет ненависти. Но, склоняясь перед умирающим в бою испанцем, воины революции предпочли бы видеть его живым, видеть его в своих рядах.

В войне за независимость кубинский народ должен найти такие формы государственного устройства, которые удовлетворяли бы требованиям всего населения, обеспечивали бы Кубе признание и помощь других народов, а вместе с тем позволяли бы вести решительные военные действия, направленные к быстрому окончанию войны. В основу построения освобожденной родины должна быть положена жизнеспособная и отвечающая национальным условиям организация, которая не позволила бы какому-нибудь непризнанному, не имеющему

реальной опоры правительству навязать стране свою тиранию или диктатуру.

Революционная война за независимость Кубы, важнейшего из Антильских островов, на которых в ближайшие годы должны скреститься торговые пути, связывающие континенты, является событием большой общечеловеческой важности».

Максимо Гомес снял очки, протер их огромным шейным платком, снова надел. Ничего подобного ему читать еще не приходилось. Строки, написанные Марти, — это ответ на все вопросы, на сомнения всех, кого волнует новая война.

«Выступая от имени родины, вольной выбирать себе конституцию, и складывая к ее ногам плоды усилий двух поколений, мы, объединенные ответственностью за содержание настоящего манифеста, в знак единства и сплоченности кубинской революции совместно подписываем его:

Делегадо Революционной кубинской партии

Хосе Марти,

Главнокомандующий войсками Освободительной армии.

…….»

Генерал, не раздумывая, взял перо и подписался:

Максимо Гомес.

ДОРОГИ ЧЕСТИ

Оставаясь наедине с собой, Марти не мог уйти от смутных предчувствий и сомнений. Он решил проститься с матерью и написал ей: «В преддверии большого пути я не переставая думаю о вас и о той боли, которую принесла вам любовь ко мне. Почему именно вашему сыну была суждена жизнь, полная жертв? Но, честное слово, я не могу иначе. Долг мужчины — быть там, где он должен быть. А вы всегда со мной… Обнимите моих сестер и их друзей. Хоть бы раз мне увидеть их довольными мною. А теперь пожелайте мне доброго пути и верьте, что ваш сын никогда не совершит деяние нечистое или недостойное.

Храни вас господь!.. Пострадать за правду — счастье. Не переживайте за меня…»

Он чувствовал, как изменилось его отношение к окружающему, как отодвинулось на задний план многое, еще вчера волновавшее.

Он выполнил поставленную перед собой задачу, объединив кубинцев, создал Революционную партию, призвал родину к народной войне.

Теперь, казалось, он мог бы отойти на шаг в сторону, предоставив все заботы военным. Однако он понимал, что его ответственность лишь возросла: генералы могли возглавлять и вести войну, но не революцию.

1 апреля неказистое одномачтовое суденышко «Бретер» вышло из гавани Монтекристи к острову Инагуа. Марти лежал на грязных досках палубы и смотрел вверх, где в бесконечной голубизне плавали похожие на кресты силуэты черно-розовых фламинго.

На борту было шесть пассажиров: Марти, Гомес, кубинцы Франсиско Борреро, Анхел Герра и Сесар Салас, доминиканский негр Маркос дель Росарио. И груз оружия. Поздно вечером 2 апреля «Бретер» бросил якорь в мутной гавани Инагуа.

На рассвете таможенники захотели осмотреть судно. Марти два часа отговаривал их и, наконец, добился своего, сунув несколько зеленых бумажек в карман лейтенанта. Дель Росарио принес бочонок пресной воды, но отчалить не пришлось. Капитан «Бретера», еще на рассвете сошедший с тремя матросами на берег, вернулся один. Пьяно икая, он сообщил, что команда «сбежала».

Взбешенный Гомес выхватил револьвер, и Борреро еле успел схватить «старика» за запястья. Марти бросился на причал. Ему

удалось заставить пьянчугу вернуть четыреста песо — все, что еще осталось у него от полученной в Монтекристи суммы. Новой команды Марти набрать не смог.

В три часа дня экспедиционеры собрались на совет.

— Нет матросов в порту, где люди рождаются моряками! — гневно восклицал Марти. — Очевидно, нас предали снова…

Оставаться на судне было опасно, даже если испанцы еще ни о чем и не подозревали. «Сбежавшая» команда могла проболтаться.

Шестеро революционеров поодиночке ушли в городок. Гомес и Марти встретились у консула Гаити, мосье Барбье.

— Есть один выход, — сказал им Барбье. — Из Инагуа скоро выходит немецкий пароход «Нордстранд»…

5 апреля, уплатив тысячу долларов капитану Лёве, шестеро взошли на борт «Нордстранда». У трапа они предъявили таможеннику шесть подписанных мосье Барбье паспортов. Документы с изящными французскими именами не стоили повстанцам ни цента. Барбье желал Кубе свободы.

В трюм вместе с патронными ящиками был погружен маленький четырехвесельный бот. Лёве обещал подойти к берегам Кубы так близко, как это только будет возможно. Но прежде чем идти на запад к Кубе, «Нордстранд» отправился на восток. 6 апреля, подгоняемый штормовым ветром, он вошел в гавань Кап-Аитьена, чтобы выгрузить партию скоропортящихся фруктов. В тот же день шестью его пассажирами заинтересовалась полиция — кто-то узнал Гомеса в лицо.

Пришедший вскоре из Порт-о-Пренса приказ об аресте «бандитов» принял телеграфист Хосе Аран. Друг кубинских революционеров, он задержал его на четыре часа. За это время все шестеро были спрятаны гаитянами у надежных людей.

Марти оказался в двухэтажном домике на улице Водревиль. Он сидел у зарешеченной косыми дощечками двери и слушал звуки улицы. «Я чувствую тепло светлого и свежего солнца, слышу, как шумит и спорит рынок по соседству, слышу шарканье шагов и крик продавца фруктов. Мне кажется, где-то звучат далекие трубы и барабаны. Я слышу стук трости по тротуару и молитву старика перед распятием на пустом углу… Как медленно тянется время для того, кто ждет…»

В ночь с 9 на 10 апреля «Нордстранд» вышел из Кап-Аитьена. В 8 часов вечера 11 апреля он остановился в трех милях от южного берега провинции Орьенте.

Лил дождь, и порывистый ветер раскачивал бот, повисший над волнами на двух тросах. Капитан Лёве, одетый в непромокаемый плащ, стоял на мостике и шептал по-немецки:

— Это безумие, это безумие…

Ящики с оружием уже лежали под сиденьями бота. Шестеро сосредоточенных мужчин по очереди прыгнули в мокрое суденышко с борта парохода. Один из них, вислоусый старик, махнул рукой. Барабаны лебедок повернулись, и бот пошел вниз. Первая же волна отшвырнула его в темноту, прочь от «Нордстранда».

Три часа шестеро гребцов боролись с бурей. Сорвало руль, и Гомес пытался править веслом. Каждая новая волна могла накрыть бот. Марти слышал, как за спиной, гребя из последних сил, молился своим древним африканским богам Маркос дель Росарио. Но судьба благоволила к смельчакам. Ветер постепенно стал стихать, волны уменьшились, и где-то в черноте ночи замаячил слабый огонек. В 11 часов вечера 11 апреля 1895 года бот проскрежетал килем по прибрежной гальке.

— Иди первым, Марти, — сказал Гомес. — Это твое право.

Марти сделал несколько шагов, упал на колени и поцеловал соленые камни.

Они высадились в крохотной бухточке, где ровная прибрежная полоса шириною в двадцать метров тянулась вдоль кромки прибоя едва на четверть мили. Дальше дороги не было. Почти отвесные скалы, сплошь поросшие колючими кустами, вздымались ввысь, словно стены громадного каземата. Впереди — скалы, сзади — море. Огонь, на который они гребли, исчез. Цепляясь за уступы скал, они двинулись вверх и вперед.

Несколько часов, сменяя друг друга, они прорубали дорогу в зарослях.

Они остановились, лишь почувствовав запах дыма и услышав крик петуха.

Борреро пошел на разведку. За рощей оказались крестьянские хижины. Они долго стучали в крайнюю.

— Кто там? — наконец раздался голос из-за двери.

— Мы, мамби, — ответил Гомес.

— Мамби? — недоверчиво переспросил голос, и вслед за этим они услышали хорошо знакомый звук — лязг винтовочного затвора.

Дверь открылась. Высокий крестьянин в холщовых штанах вышел на крыльцо с фонарем и винтовкой. Слабый луч упал на лицо Гамеса.

— О, генерал… — растерянно проговорил крестьянин.

Через полчаса они сидели в тепле и, обжигаясь, пили кофе.

«Я никогда не забуду всего, что было этой ночью, а тем более этих людей, — записал в дневнике Марти. — Мое единственное ощущение — счастье».

Узнавший Гомеса хозяин дома, Гонсало Лейва, оказался ветераном Десятилетней войны. Он рассказал, что поселок называется Эль Кахобаль, а место, где высадились Марти и его спутники, — Плайитас. Наутро он проводил их в горы и спрятал в пещере.

Они провели там сутки. Едва забрезжил поздний горный рассвет, у входа выросли три фигуры. Майор Руэнес, командир ближайшего отряда повстанцев, прислал проводников.

Дорога к лагерю Руэнеса шла через горы и заросли, по высохшим руслам рек и звериным тропам. Ветераны удивленно косились на Марти. Бледный, непрестанно кашляющий, он, казалось, не знал усталости.

Руэнес и его пятьдесят бойцов приветствовали Марти криками:

— Вива президент!

Марти нахмурился, но все продолжали звать его президентом, а собравшийся у ночного костра совет офицеров присвоил ему и звание генерал-майора.

От Руэнеса Марти и Гомес узнали о высадке Масео. Едва ступив на берег Кубы, он напал на испанский гарнизон в Баракоа, разгромил его и прорвался в глубь Орьенте.

— Нам нужно скорее встретиться с ним, — сказал Гомесу Марти, — нужно теперь, именно теперь, еще раз совместно подтвердить цели нашей революции.

3 мая в лагерь повстанцев прискакал необычный гость — военный корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Джордж Бризон.

— Хелло, Марти! Я еле нашел вас! Кругом испанские отряды, кругом стрельба! Как вы только спите в такой кутерьме? А главное — чтобы разыскать вас, я истратил кучу долларов! Никто из кубинцев не хочет говорить, где вы, а уж если и показывают дорогу, то лишь убедившись, что я безоружен.

— Мы не сидим на месте, мистер Бризон. Сейчас мы идем навстречу Масео. А то, что вы нашли нас, — хорошо. Мир должен знать о нашей революции. Выпейте, это настоящий кубинский ром, а не чикагская подделка. Я готов ответить на все ваши вопросы, но прежде сами расскажите о новостях.

Новости? Бризон пожал плечами. После 24 февраля аннексионисты, судя по всему, теряют почву под ногами, у испанцев плоха дисциплина, солдатам и офицерам не платят жалованья. Что же до Мадрида— он, несомненно, в решительный момент предпочтет столковаться с Соединенными Штатами, чем отдать Кубу кубинцам…

Марти слушал молча, кивал. Переспросил:

— Вы уверены, что Мадрид поступит именно так?

— Да, конечно, — в голосе Бризона не было и тени сомнения. — Мне говорил об этом сам Мартинес Кампос. Вы знаете, он опять назначен генерал-капитаном.

— Да, знаю, — ответил Марти. — От него ждут нового Санхона.

— Вы считаете, что он его не добьется?

— Нет. На этот раз — нет. Я напишу письмо о целях нашей войны редактору «Геральда». Обещайте мне передать его.

— Ну конечно, конечно. Я слышал, вас избрали президентом?

— Просто все зовут меня так, хотя я и прошу этого не делать. Мне не нужно чинов и титулов, мистер Бризон, я на Кубе, и я удовлетворен. Я чувствую себя чистым и легким и скажу, не боясь быть смешным: сейчас в душе у меня мир, похожий на мир ребенка.

— Вы перепачканы кровью.

— Я перевязывал раненых.

Спустя два дня в маленьком инхенио Мехорана, почти у самых ворот Сантьяго-де-Куба, встретились три вождя кубинской революции. Марти говорил, стоя на соломенной крыше навеса для сушки табака, и пятитысячная толпа повстанцев и местных жителей неистово аплодировала.

Вечером несколько офицеров стали на часах вокруг дома, где совещались Марти, Масео и Гомес.

Никто не стенографировал речей на этой встрече, не вел протокола. Но именно тогда, в Мехоране, родились решения, предопределившие многое.

Чтобы победить, следовало как можно скорее поднять запад острова, а для этого объединить под единым командованием все отряды мамби и пройти от Сантьяго до Гаваны.

Демократия будущей Кубы должна была начинаться уже теперь, на освобожденной земле, и поэтому на осень намечался созыв Конституционной ассамблеи.

До создания Временного революционного правительства Марти назначался верховным руководителем революции, Гомес — Главнокомандующим Освободительной армией, Масео — командующим повстанческими силами Орьенте.

В конце встречи Масео предложил, чтобы Марти немедленно выехал в Нью-Йорк.

— Бои идут каждый день, а у меня одна винтовка на десятерых. Кому же, как не тебе, Хосе, заняться оружием?

— Сейчас я не поеду в Штаты, — ответил Марти. — И не потому, что опасаюсь ареста. Я не покину Кубу, пока не побываю в настоящем бою.

Наутро они расстались. Масео отправился на северо-восток. Гомес и Марти — на запад. Их ждали встречи с другими повстанческими отрядами.

9 мая они вышли в долину Кауто, самой большой кубинской реки. Потоки воды, мутные и бурлящие после первых весенних дождей, неслись к морю, сжатые глинистыми обрывами. Марти вспомнил, как в «Сан-Пабло» он писал стихи о «седом Кауто»: «Повсюду бурь раскаты и наших пушек гром».

А теперь здесь, неподалеку от Кауто, сражались отряды храброго бородача генерала Бартоломе Масо. Марти отправил к нему ординарца: «Не могу продолжать путь, не увидевшись с вами во имя единства, для которого созрела наша революция».

В ожидании Масо Гомес приказал разбить лагерь у местечка Дос-Риос[58], где в Кауто впадает извилистая Контрамаэстре.

Уже месяц Марти дышал воздухом восставшей Кубы. Уже месяц, несмотря на протесты и просьбы, его называли президентом.

— Уж лучше называйте меня генералом, — шутливо сказал он Гомесу.

— Генералом? — переспросил Гомес и хитро прищурился. — Представь себе, Пепе, генерала, и притом весьма недурного собой. Он ловок, воодушевлен, его мачете всегда наготове. Он хороший генерал. А теперь представь себе его президентом. Я не знаю, что случается с генералами, когда они становятся президентами, но один мой ученый друг говорил, что они портятся…

Проходили дни, а Масо все не было. Томясь от бездействия, Гомес водил свой крохотный отряд в рейды по окрестностям, устраивал завалы из пальм на дорогах, выпускал из загонов брошенный хозяевами скот.

Марти не мог сидеть на коне — скитания по горам разбередили старые, оставшиеся еще с каторги раны. Когда шел дождь, он работал в старом дощатом домике, сидя у единственной обитой цинковыми листами стены, — в щели трех других стен немилосердно дуло. В ясные вечера он просил ординарца привязывать гамак под деревьями.

Когда лагерь стихал, он втыкал в землю возле гамака длинную палку и бечевкой приматывал к ней серную свечу. Пальмы шелестели, и звезды, помаргивая, смотрели на Дос-Риос сквозь разрывы в синих ночных облаках. Не спали только дозорные. В эти тихие часы Марти писал.

Вечером 18 мая, прислушиваясь к далекому эху выстрелов, он начал письмо Мануэлю Меркадо в Мехико:

«Дорогой брат мой!

Наконец-то я могу написать вам… Каждую минуту я могу погибнуть за родину, пасть, выполняя свой долг. Я знаю, в чем он состоит, и у меня хватит мужества выполнить его до конца. Мы должны добиться независимости Кубы, иначе Соединенные Штаты захватят Антильские острова и отсюда обрушатся на земли нашей Америки. Все, что я сделал до сих пор, и все, что мне еще предстоит совершить, — все для этого…

Путь к аннексии стран нашей Америки жестоким, агрессивным и презирающим нас Севером… следует преградить во что бы то ни стало, и мы, кубинцы, загораживаем его своей грудью…

Эта война началась вовремя; даже если все враждебные силы открыто выступят против нас, все равно еще не поздно помешать аннексии Кубы Соединенными Штатами.

В сельской местности мы, вне всякого сомнения, хозяева положения. У ворот городов мы или одерживаем победу, или наша армия вступает в город торжественным маршем под ликующие возгласы народа, охваченного энтузиазмом, граничащим с благоговением. Мы следуем к центру острова. Там я сложу перед революцией, которой помог разгореться, полномочия, данные мне эмиграцией и признанные в стране, ныне эти полномочия должны быть возобновлены собранием делегатов кубинского народа, то есть вооруженных революционеров. Революция требует широкого и полного республиканского представительства.

Вы знаете меня. Я буду защищать только то, что гарантирует победу революции и служит ей. Я сумею стать рядовым и не почувствую от этого никакой обиды, ибо буду знать, что идея моя жива…»

На рассвете сквозь шелест листьев донесся дробный перестук копыт. Из-за рыжего прибрежного бугра с факелами в руках вылетели всадники в пальмовых сомбреро. Марти отложил письмо и встал навстречу генералу Масо, лихо осадившему породистого жеребца.

А в это время, словно гигантская мохнатая гусеница, к Дос-Риос подползала ощетинившаяся штыками колонна испанских войск полковника Хименеса де Сандоваля. Полковник поднял колонну с бивака еще затемно, и в ту минуту, когда Марти обнимал Масо под приветственные крики четырехсот мамби, испанцев отделял от Дос-Риоса всего двухчасовой марш-бросок.

После завтрака Гомес выступил с маленькой речью, уступив место Масо. Марти говорил последним, и легкие утренние лучи солнца освещали сотни взметнувшихся рук с мачете.

— Вива президент! Вива Марти!

Он кончил речь, но крики не смолкали. И только когда чуть в стороне сухо треснул пистолетный выстрел, вдруг наступила напряженная, сдавленная и пугающая тишина.

Стрелял Борреро. Он разрядил пистолет в воздух, потому что прискакавший из-за Контрамаэстре гуахиро сообщил о появлении врага. Испанцам удалось снять оставленных Гомесом дозорных и подойти к лагерю вплотную. Через минуту из-за реки донесся звук пушечного выстрела. Гомес прыгнул в седло.

— Борреро, ты со своими людьми обходишь их пушки по оврагу справа! Масо, ты остаешься в центре, вместе с Марти! Остальные — за мной!

Испанский авангард был смят и изрублен тяжелыми мачете успевших вскочить на коней повстанцев. Но этот успех не решил боя. Построившиеся в несколько каре испанские пехотинцы посылали залп за залпом вслед рассыпавшимся по долине всадникам. Белый дым стелился над Дос-Риосом. Силы были слишком неравны.

Марти не выполнил приказа Гомеса и не остался с Масо. Он вскочил на белого коня, подаренного ему Масео. Молоденький адъютант Анхел де ла Гуардиа бросился следом, заряжая на ходу пистолеты. Лошади понесли их сквозь приовражные заросли кустарника…

Кусты кончились внезапно, и, когда чуть рассеялось облако дыма, они увидели прямо перед собой и за деревьями справа плотные цепи испанских стрелков. В грохоте нового залпа потонули два торопливых пистолетных выстрела, ржание испуганных коней и короткий предсмертный крик.

…Старый Гомес сидел у костра на брошенном на землю седле. Алые блики мерцали на его влажных щеках. Генерал не стыдился слез. Одиннадцать бойцов потеряла революция в бою у Дос-Риоса, и среди них — большелобого человека, которого кубинцы звали Учителем.

— Он так и не кончил письма, — тихо сказал Борреро.

Испанцы похоронили Марти в Сантьяго-де-Куба.

Разыгрывая позорный фарс на могиле человека, всю жизнь боровшегося за свободу Кубы, колонизаторы надеялись облегчить себе «установление мира и порядка» на острове. Но повстанцы продолжали борьбу.

В конце лета в провинции Лас-Вильяс высадились отряды Ролофа, Санчеса и Родригеса. Вместе с соединениями Максимо Гомеса, братьев Масео, Бартоломе Масо и других кубинских военачальников повстанческие силы стали насчитывать уже около восьми тысяч бойцов.

В сентябре 1895 года в городок Химагуайю съехались на Конституционную ассамблею двадцать делегатов вооруженного народа Кубы. Они провозгласили Кубинскую республику и приняли конституцию, в которой подчеркивалось, что мирный договор с Испанией может быть заключен только на основе признания абсолютной независимости Кубы. Ассамблея подтвердила верность выдвинутому Марти лозунгу революции: «Со всеми и для блага всех!» Конституция гласила: «Все кубинцы обязаны служить революции лично и своим состоянием, согласно своим возможностям».

В конце октября войска Максимо Гомеса и Антонио Масео начали с боями продвигаться на запад. Нью-йоркская «Сан» назвала этот поход плохо вооруженных мамби через мощные укрепления и боевые заслоны испанских войск легендарным.

После того как Антонио Масео без боя вошел в расположенный на западе Кубы городок Мантуа, вся территория страны, за исключением самых крупных городов, оказалась под контролем повстанцев. Петр Стрельцов, один из нескольких русских, которые пересекли океан, чтобы вступить добровольцами в республиканские войска, писал впоследствии: «Везде, где только ни показывались отряды инсургентов, рабочие сжигали плантации и присоединялись к ним».

В течение двух лет испанцы делали все, чтобы повернуть ход войны. Число их войск на Кубе превысило 250 тысяч, но мамби продолжали одерживать победы.

И тогда произошло событие, на первый взгляд не имевшее никакого отношения к борьбе Кубы за независимость.

15 февраля 1898 года на рейде Гаваны взорвался американский крейсер «Мэн».

Повод для вмешательства Соединенных Штатов был найден. Американский конгресс объявил войну Испании.

Впоследствии некоторые факты дали основания считать, что гибель «Мэна» была спровоцирована. Так, газетный король Херст телеграфировал своему гаванскому корреспонденту: «Вы даете фото, я даю войну».

Причина вмешательства Соединенных Штатов была ясна. Куба независимая устраивала их еще меньше, чем Куба испанская.

Играя ва-банк, янки уже не собирались выпускать остров из рук. Они не признали правительство Кубинской республики.

Но одновременно с этим американская дипломатия пыталась убедить кубинцев и весь мир в бескорыстии США. Чтобы придать больший вес этим убеждениям, конгресс специально декларировал право Кубы «быть свободной и независимой». И,

как это ни странно, Правительственный совет Кубинской республики, забыв предостережения и заветы Марти, решил «принять любую помощь со стороны великой нации, которую отныне мы (то есть кубинцы. — *Л. В.*) должны рассматривать как нашего друга и союзника».

22 июня 1898 года шестнадцать тысяч солдат янки под прикрытием частей Каликсто Гарсиа высадились в семнадцати милях от Сантьяго-де-Куба. Испанский генерал Линарес, командовавший обороной города, писал: «Без помощи кубинцев янки не высадились бы никогда».

10 декабря 1898 года в Париже без какого бы то ни было участия представителей Кубинской республики был подписан договор, по которому Испания передавала Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины Соединенным Штатам. Три с половиной года американцы осуществляли военную оккупацию Кубы. Но и после того, как они дали согласие на провозглашение новой Кубинской республики, подлинная власть на острове оставалась за ними. Американский губернатор Кубы генерал Вуд писал в то время: «Остров абсолютно в наших руках, это настоящий придаток Соединенных Штатов, Он будет постепенно американизироваться, и мы со временем будем иметь одно из самых богатых и желательных владений в мире».

Все, казалось, было потеряно. Долгие годы революционной войны не привели ни к чему. Янки сумели проглотить Кубу, и она, как и предвидел Марти, стала их плацдармом на пути экономической экспансии в Латинской Америке.

Но недаром верил Марти, что звезда Кубы взойдет в XX веке, недаром писал о народном «пути свободы и побед». Куба не прекращала борьбы.

Марти говорил Карлосу Балиньо: «Революция — это не то, что мы начнем где-то в зарослях, а то, что будет нами развернуто в республике». Революционный демократ, он понимал, что истинная победа революции — в коренных социальных преобразованиях.

1925 год стал годом рождения Коммунистической партии Кубы. В состав ее первого ЦК вошел Карлос Балиньо. Вместе с коммунистами за свободу страны боролись все честные кубинцы.

В конце пятидесятых годов повстанцы вновь появились в горах Орьенте. Теперь их оружием были не только винтовки, но и опыт вековой борьбы. В январе 1959 года легендарные бородачи Фиделя Кастро вошли в Гавану.

«Географическая близость к Соединенным Штатам не обязывает нас к союзу политическому», — писал Марти, и кубинцы вышвырнули со своей земли грабителей-янки.

«Благополучие многих предпочтительнее богатства некоторых», — говорил Марти, и сегодня все богатства Кубы принадлежат народу.

«Образованный народ всегда сильный и свободный», — указывал Учитель, и Куба стала первой латиноамериканской страной, освободившейся от неграмотности.

«Прогресс является действительным только тогда, когда он проникает в массы и исходит от них». Разве не сбылись эти слова Марти сегодня, когда каждый кубинец делает все, что в его силах, для блага своей родины?

«Для народов Латинской Америки настало время вторично провозгласить свою независимость», — писал Марти. И сегодня, провозгласив и отстояв свою подлинную независимость, Куба своим примером приближает ее провозглашение всей Латинской Америкой.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОСЕ МАРТИ

1853 год, 28 января — Родился Хосе Хулио Марти-и-Перес.

1867 год — Начало учебы в колледже «Сан-Пабло».

1869 год, 23 января — Выходит в свет газета «Ла Патриа Либре», в которой Марти публикует драму «Абдала».

21 октября — Первый арест Марти.

1870 год, 4 марта — Военный трибунал приговаривает Марти к шести годам каторги.

1871 год, 15 января — Марти высылают в Испанию.

Январь — Выходит в свет брошюра Марти «Политическая тюрьма на Кубе».

31 мая — Поступление в Мадридский университет.

1873 год, февраль — Выходит вторая брошюра Марти — «Испанская республика перед кубинской революцией». Марти переезжает в Сарагосу.

1874 год, 30 июня — Получает диплом лиценциата гражданского и канонического права.

24 октября — Получает диплом лиценциата философских и филологических наук.

Декабрь — Выезжает в Мексику.

29 декабря — Под именем Хулио Переса выезжает в Гавану.

1877 год, 24 февраля — Покидает Кубу и через Мексику отправляется в Гватемалу.

Преподает в учебных заведениях Гватемалы.

Сентябрь — Постановка пьесы Марти «Морасан».

Декабрь — Женитьба на Кармен Сайяс Басан-и-Идальго.

1878 год — В Мексике выходит в свет его книга «Гватемала».

Июль — Приезжает с женой на Кубу.

12 ноября — У Хосе Марти и Кармен Басан родился сын Хосе Франсиско Марти-и-Басан.

1879 год, июнь — август — Марти участвует в деятельности кубинского революционного подполья, его назначают суб-делегадо (заместителем председателя) повстанческого комитета в Гаване.

Сентябрь — Второй арест Марти и новая ссылка в Испанию.

Декабрь — Марти покидает Испанию и через Париж уезжает в Нью-Йорк.

1880 год, январь — Начинает принимать участие в работе Кубинского революционного комитета в Нью-Йорке.

Сотрудничает в нью-йоркских газетах и журналах: «Аур», «Нью-Йорк сан» и других.

1881 год — Приезжает в Венесуэлу.

1 июля — Выпускает первый номер журнала «Ла Ревиста Венесолана».

29 июля — Возвращается в Нью-Йорк.

1882 год, апрель — Выходит сборник стихов Марти «Исмаэлильо».

1884 год — Вместе с Максимо Гомесом и Антонио Масео начинает готовить новую революционную войну на Кубе.

10 октября — Первая речь Марти в память 10 октября 1868 года, дня начала Десятилетней войны.

20 октября — Марти посылает Гомесу письмо, в котором обосновывает свой отказ от дальнейшего участия в подготовке восстания на Кубе.

1886 год, август — Попытки Гомеса и Масео поднять восстание на острове терпят неудачу.

1887 год, 16 апреля — Марти назначен консулом Уругвая в Нью-Йорке.

1888 год — Марти избирается членом-корреспондентом Академии наук и изящных искусств Сан-Сальвадора. Аргентинская ассоциация «Ла Пренса» назначает его своим представителем в США и Канаде.

1889 год, 21 марта — В газете «Ивнинг пост» публикуется статья Марти «Возмездие Кубы».

Июль — Выходит в свет первый номер «Ла Эдад де Оро».

19 декабря — Марти выступает с речью, посвященной взаимоотношениям США и стран Латинской Америки на вечере в честь делегатов первой Межамериканской конференции.

1890 год, 22 января — Открытие «Лиги».

Июнь — июль — Марти назначается консулом Аргентины и Парагвая в Нью-Йорке.

1891 год, 30 марта — Выступление на Межамериканской валютной конференции.

Выходит сборник «Простые стихи».

Август — сентябрь — Отказ Марти от званий консула, а также от поста президента Испано-Американского литературного общества.

Ноябрь — Съезд кубинцев в Тампе.

1892 год, 5 января — Принятие решения о создании Кубинской революционной партии.

14 марта — Выход в свет первого номера газеты «Патриа».

8 апреля — Марти избирают председателем Кубинской революционной партии.

10 апреля — Официальное провозглашение Кубинской революционной партии.

11 сентября — Встреча Марти с Максимо Гомесом в «Ла Реформа» (Санто-Доминго).

Сентябрь — ноябрь — Пропагандистские поездки на Гаити, Ямайку, в Тампу и Кайо-Уэсо.

Ноябрь — Покушение на жизнь Марти в Тампе.

1893 год, 3 июня — Марти вторично прибывает в Санто-Доминго для переговоров с Максимо Гомесом.

Июнь — декабрь — Встреча с Антонио Масео в Коста-Рике, пропагандистские поездки в Панаму, Флориду и Кайо-Уэсо.

1894 год, июнь — Новая встреча с Антонио Масео в Коста-Рике.

Июль — Поездка в Мексику.

1895 год, 10 января — Провал плана «Фернандина».

29 января — Марти подписывает приказ о начале восстания на Кубе.

31 января — Выезжает в Санто-Доминго, к Гомесу.

24 февраля — Восстание в Байре. Начало войны за независимость Кубы.

25 марта — Марти составляет Манифест Монтекристи и подписывает его вместе с Максимо Гомесом.

11 апреля — Марти, Гомес и четверо их товарищей высаживаются на Кубе, в Плайитас.

5 мая — Марти, Гомес и Масео разрабатывают стратегический план ведения войны.

19 мая — Хосе Марти убит в бою под Дос-Риосом.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К., Речь о свободе торговли. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. V.

Ленин В. И., Две тактики социал-демократии в демократической революции. Сочинения, т. IX.

Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. XXII.

Ленин В. И., Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. Сочинения, т. XXXI.

Кастро Ф., Речи и выступления. М., 1960.

Марти Хосе, Избранное. М., 1956.

Марти Хосе, Североамериканские сцены. М., 1963.

Marti, José. Obras Complétas. La Habana, 1946.

Зорина А. М., Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961.

Куба. (Сборник историко-этнографических очерков.) М., 1961.

Кубинская поэзия (сборник). М., 1959.

Нуньес Хименес А., География Кубы. М., 1960.

Нуньес Хименес А., Республика Куба. М., 1963.

Ройг де Леучсенринг Э., Хосе Марти — антиимпериалист. М., 1962.

Фостер У., Очерки политической истории Америки. М., 1953.

Шур Л., Хосе Марти. Био-библиографический указатель. М., 1955.

Carbonel N., Marti, carne e esplritu. La Habana, 1952.

Estenger R., Vida de Marti. La Habana, s. a.

Grinan Pelalta L., El caracter de Mâximo Gomez. La Habana, 1946.

Gomez-Tovo B., La famosa expedicion Gomez — Marti. Documentes auténticos e inéditos. La Habana, 1946.

Guerrero R., Crônica de la guerra de Cuba, t. 1–5. Bar-celona, 1895–1897.

Kohly M. G., Grandes hombres de Cuba. Madrid, 1930.

Lizazo F., Marti. Marti of cuban independence. The University of New Mexiko press, 1953.

Manach J., Marti, apostle of freedom.New York, 1950.

Marinello J., José Marti escritor americano. Marti y el modernismo. Mexico, 1958.

Pitchon M., José Marti y la comprension humana 1853–1953. La Habana, 1957.

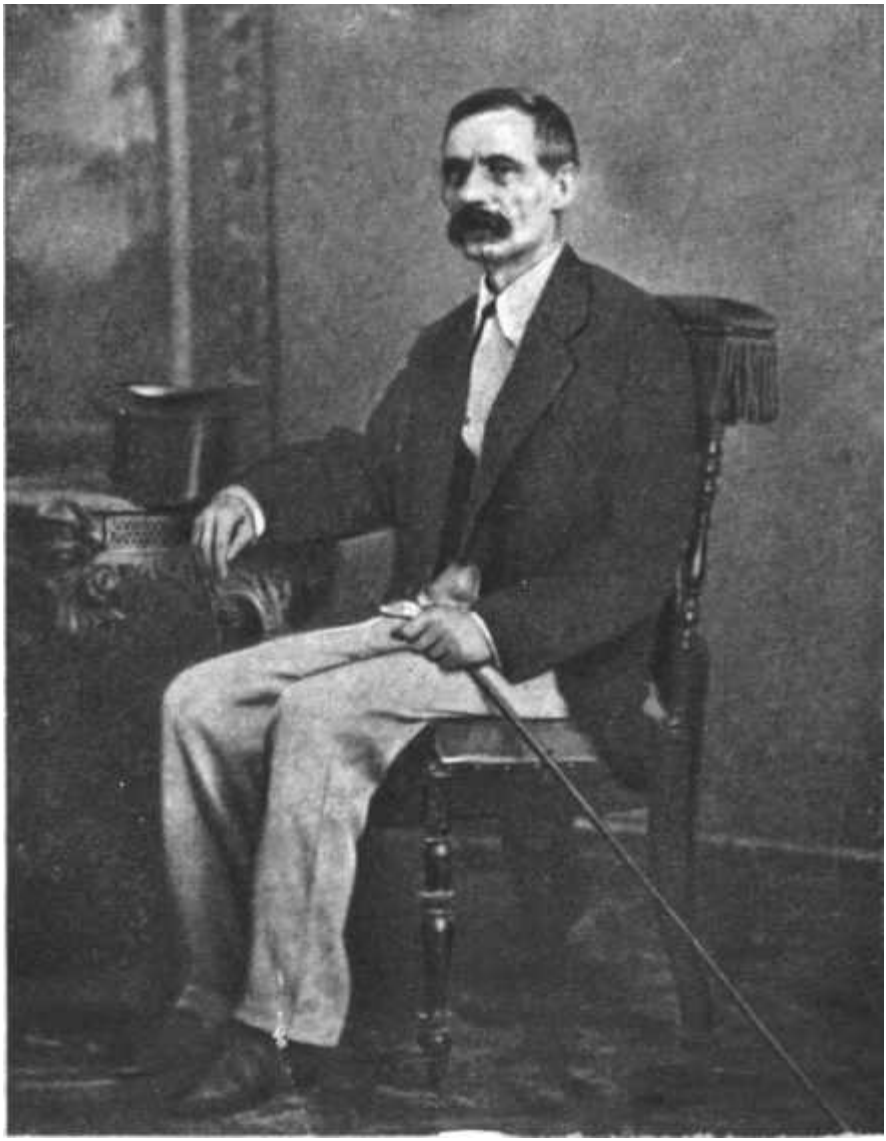
Sterling M. Carlos., Marti, maestro y apostol. La Habana, 1942.

Verdaguer R., José Marti peregrino de una idea. La Habana, 1955.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Вид на город и порт Гавану 50-е годы XIX века.

Донья Леонора Перес-и-Кабрера.



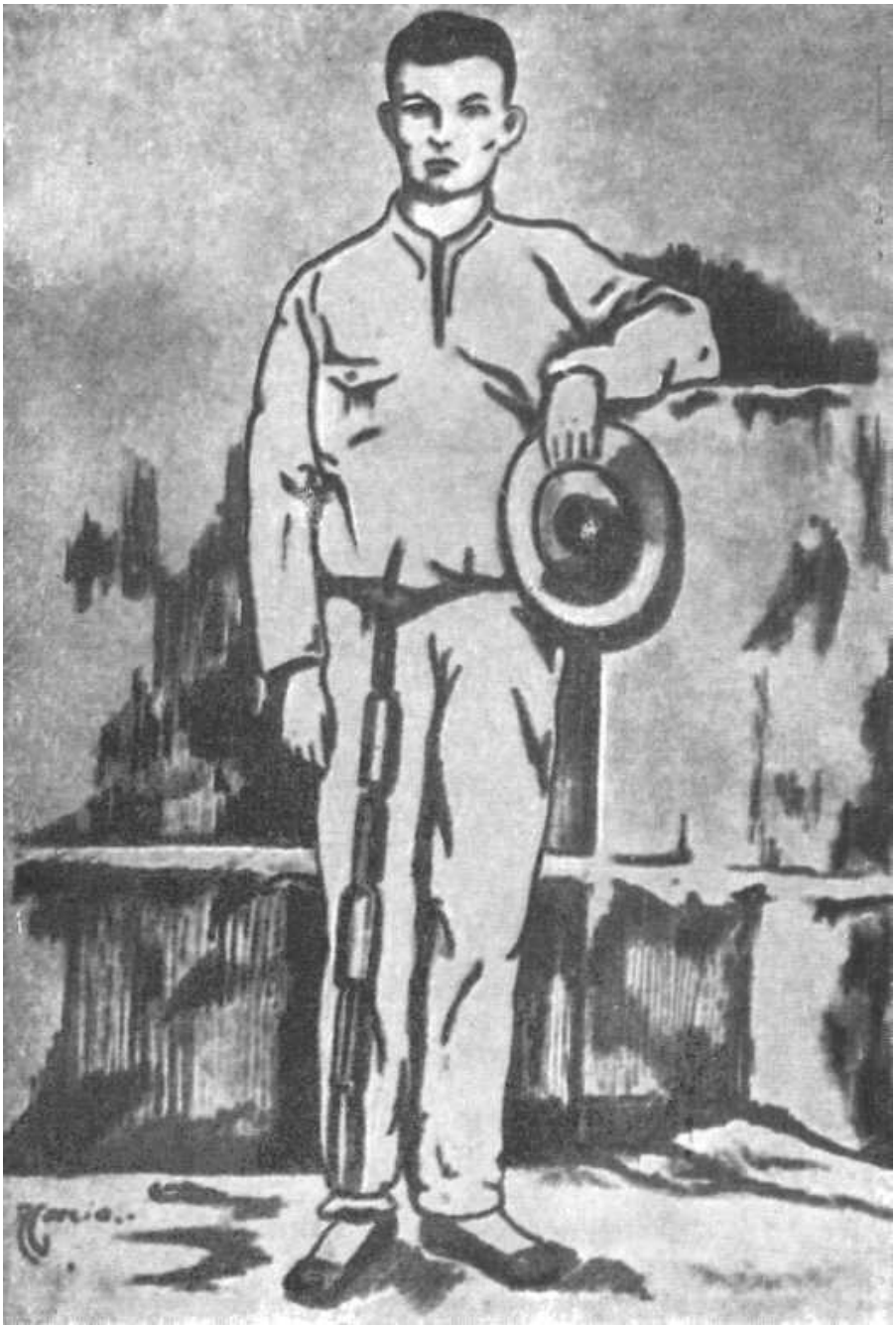
Дон Мариано Марти-и-Наварро.

Хосе Марти в школьные годы.

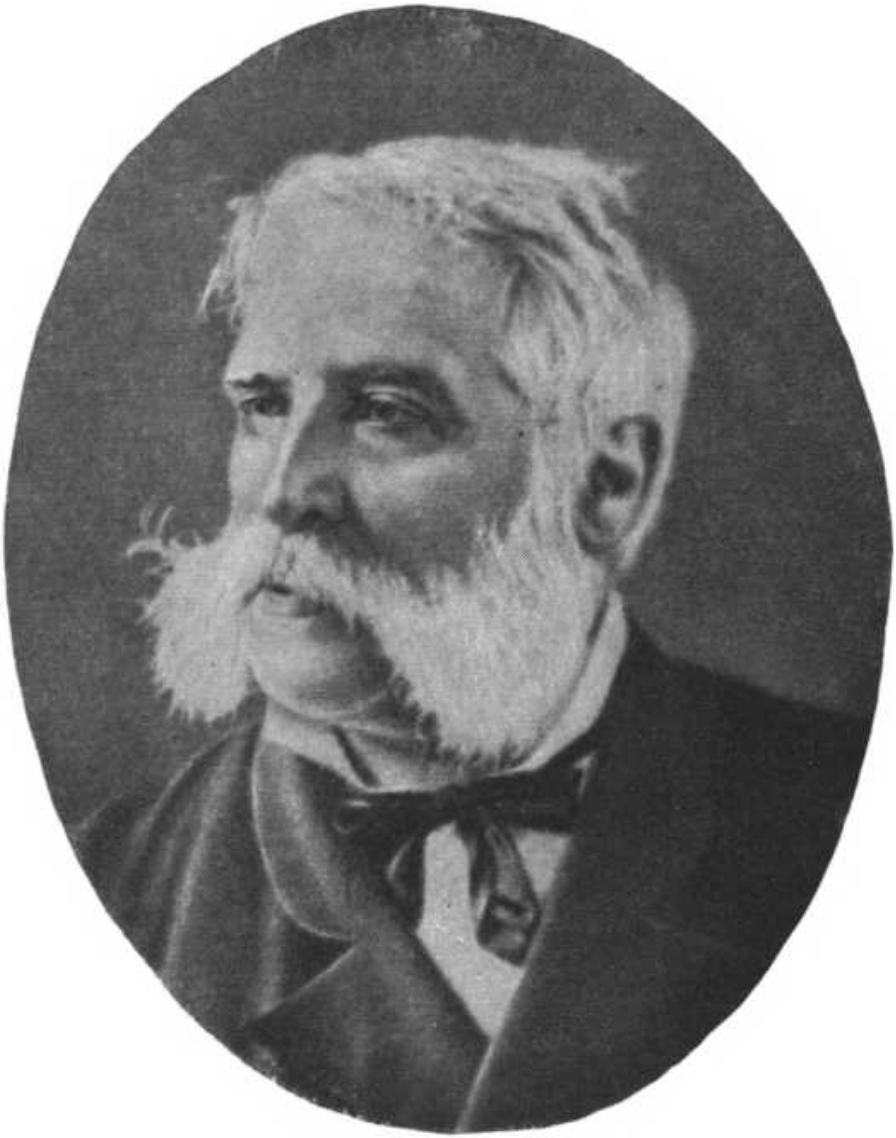
Дом, в котором жила семья Марти в Гаване на улице Паула. Ныне — Мемориальный музей Хосе Марти.

«Кубинская республика». Популярная в годы Десятилетней войны аллегорическая картина, символизирующая победы кубинского народа,

Провозглашение Кубы независимой республикой в апреле 1869 года.



Хосе Марти — узник каторжной тюрьмы



Дон Рафаэль Мариа де Мендиве.

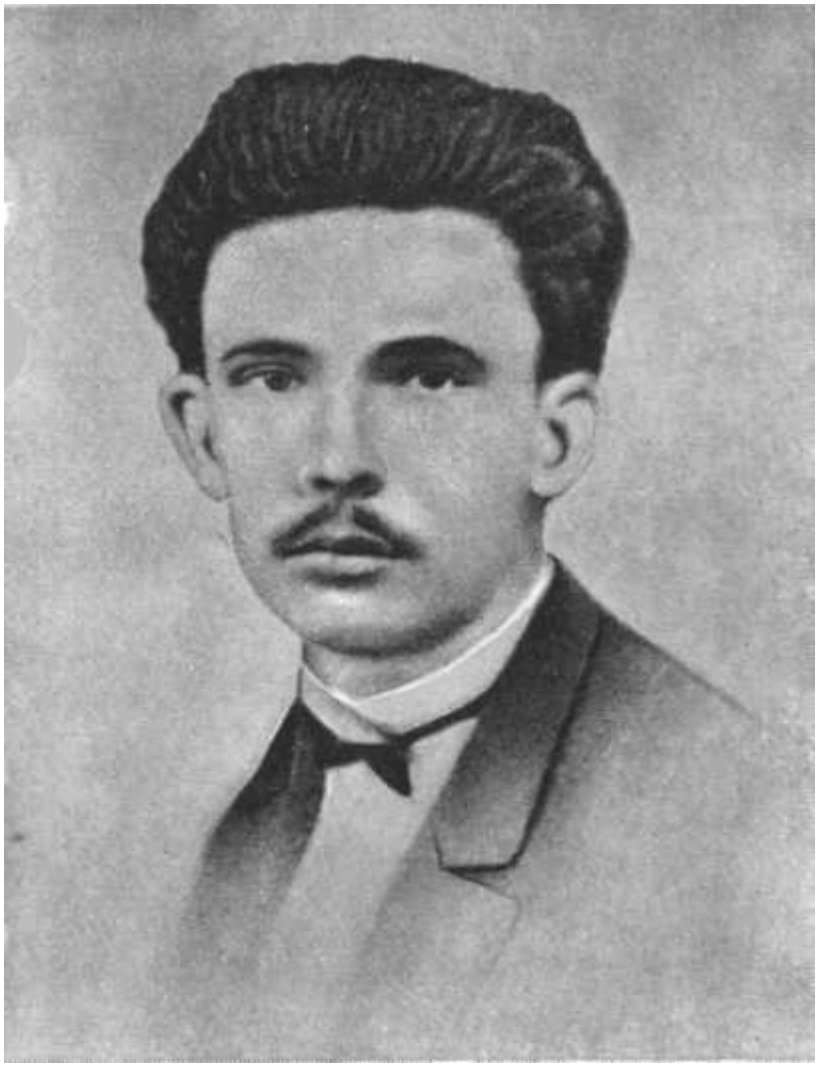
JOSÉ MARTI.

EL PRESIDIO POLITICO EN CUBA.

MADRID—1891.

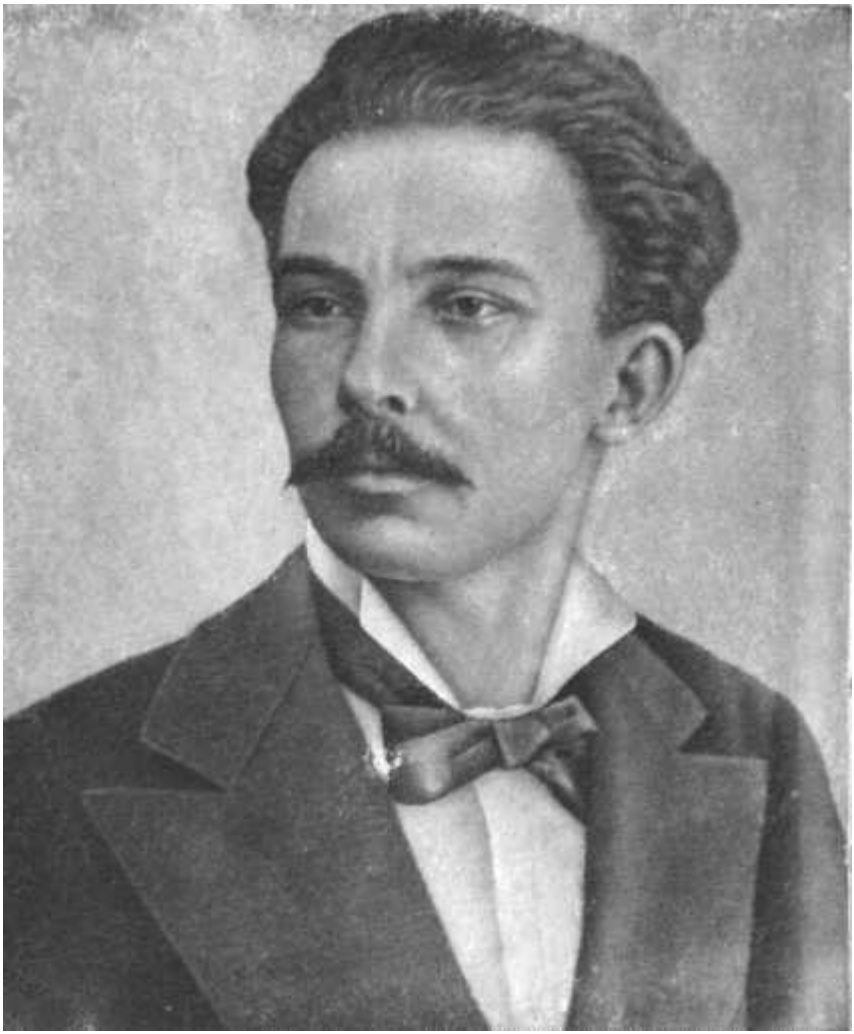
Imprenta de Ramon Ramirez.
San Marcos, 32.

Книга Хосе Марти «Политическая тюрьма на Кубе».

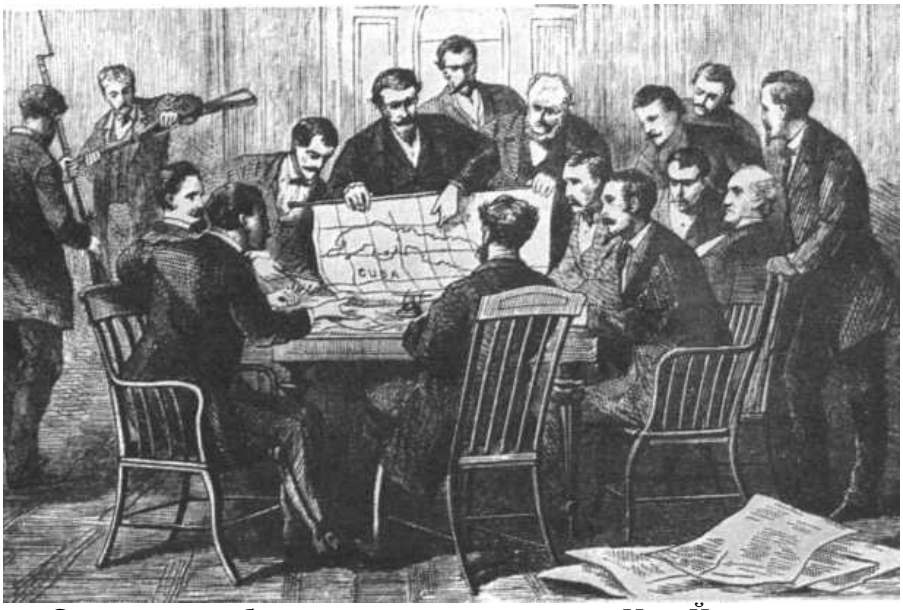


Хосе Марти в годы первой ссылки в Испанию.

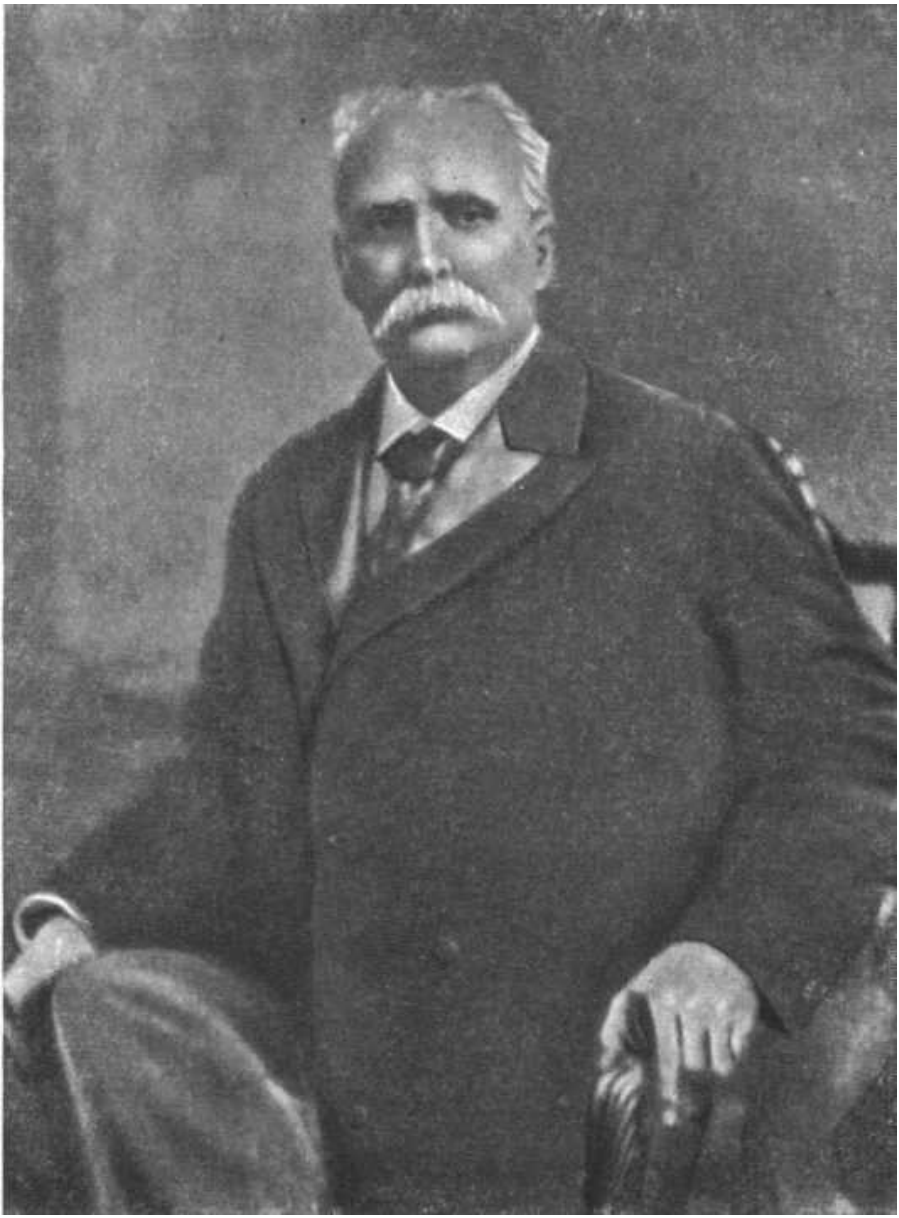
Фермин Вальдес Домингес.



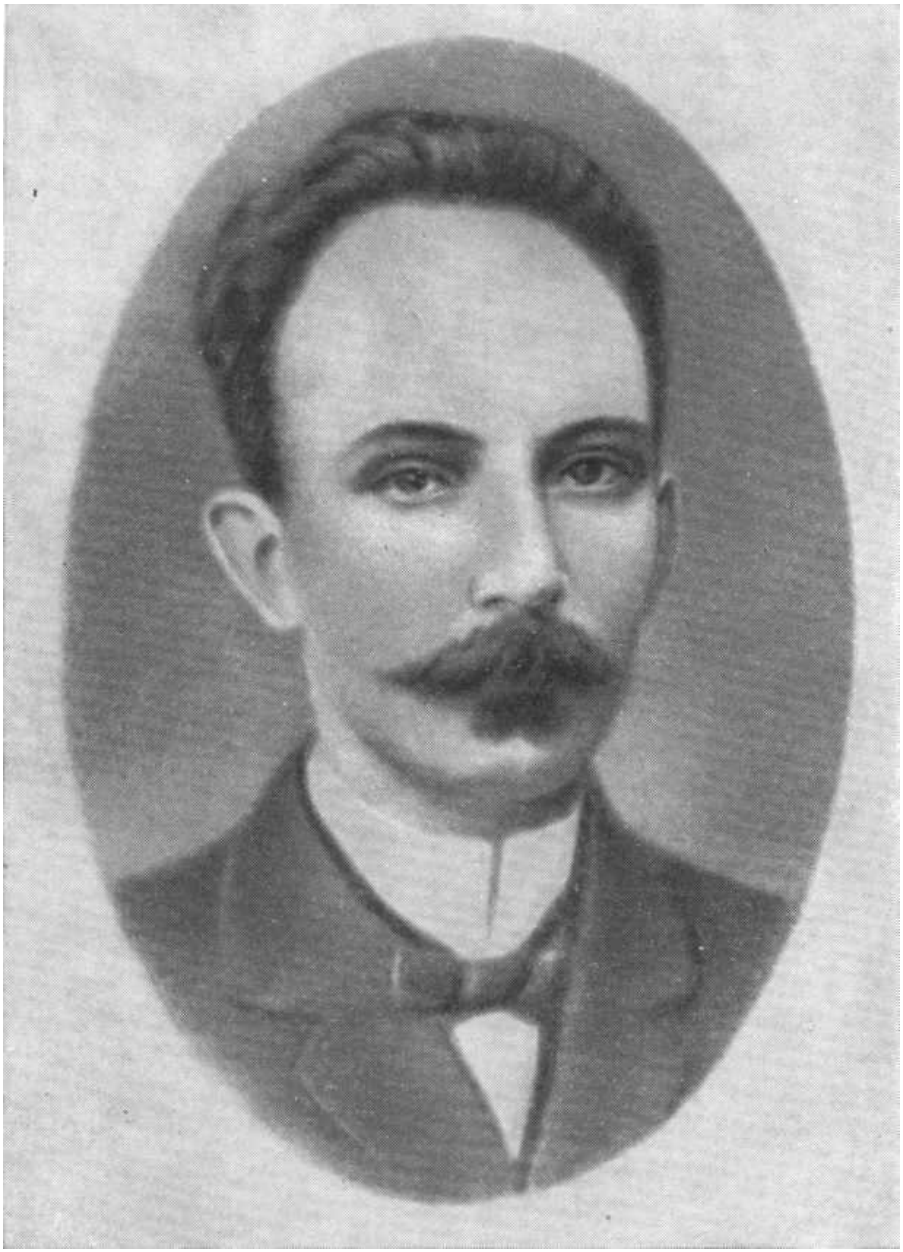
Хосе Марти в годы жизни в Мексике и Гватемале



Совещание кубинских революционеров в Нью Йорке.



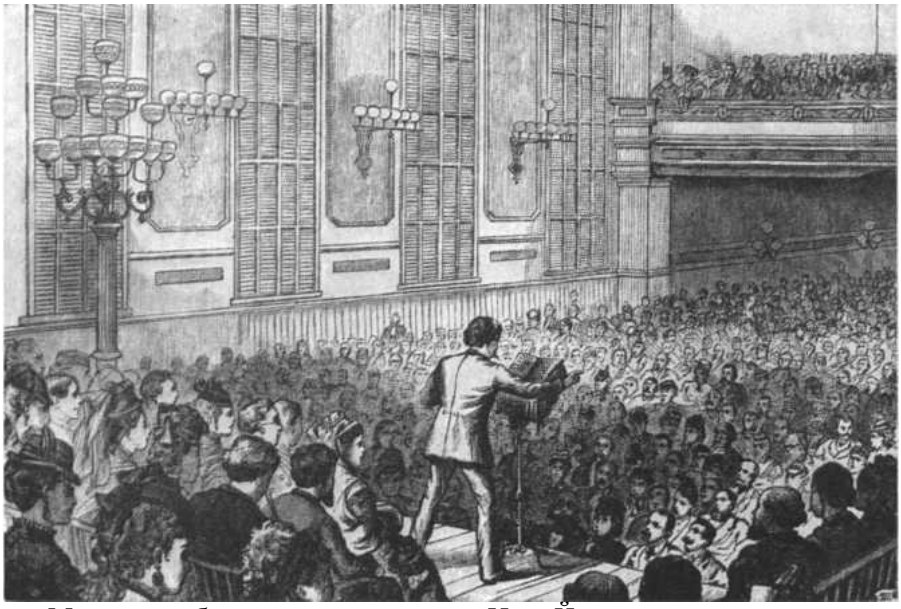
Генерал Каликсто Гарсиа



Хосе Марти в первые годы жизни в США.

Кармен Сайяс Басан-и-Идальго

Обложка первого номера журнала «Ла Эдад де Оро».



Митинг кубинских патриотов в Нью-Йорке.

«Хосе Марти в своем кабинете в Нью-Йорке». Работа художника Г. Нормана.

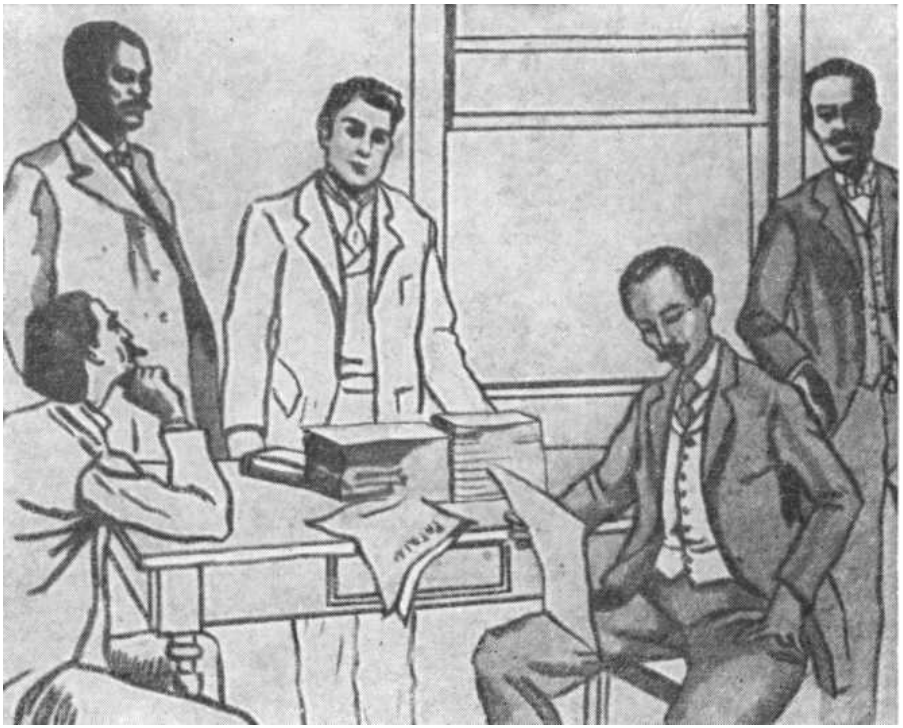
Хосе Марти с Марией Мантильей.

PATRIA.

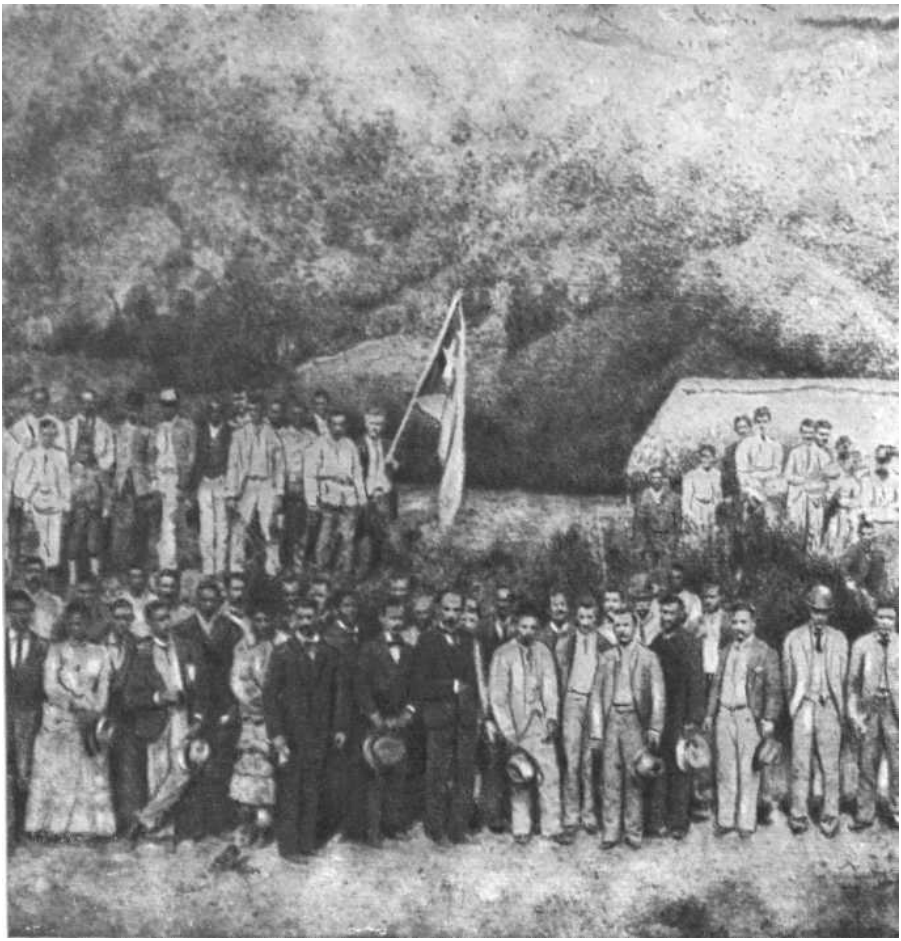
J. A. AGRAMONTE

NUESTRAS IDEAS.

Газета «Патриа».

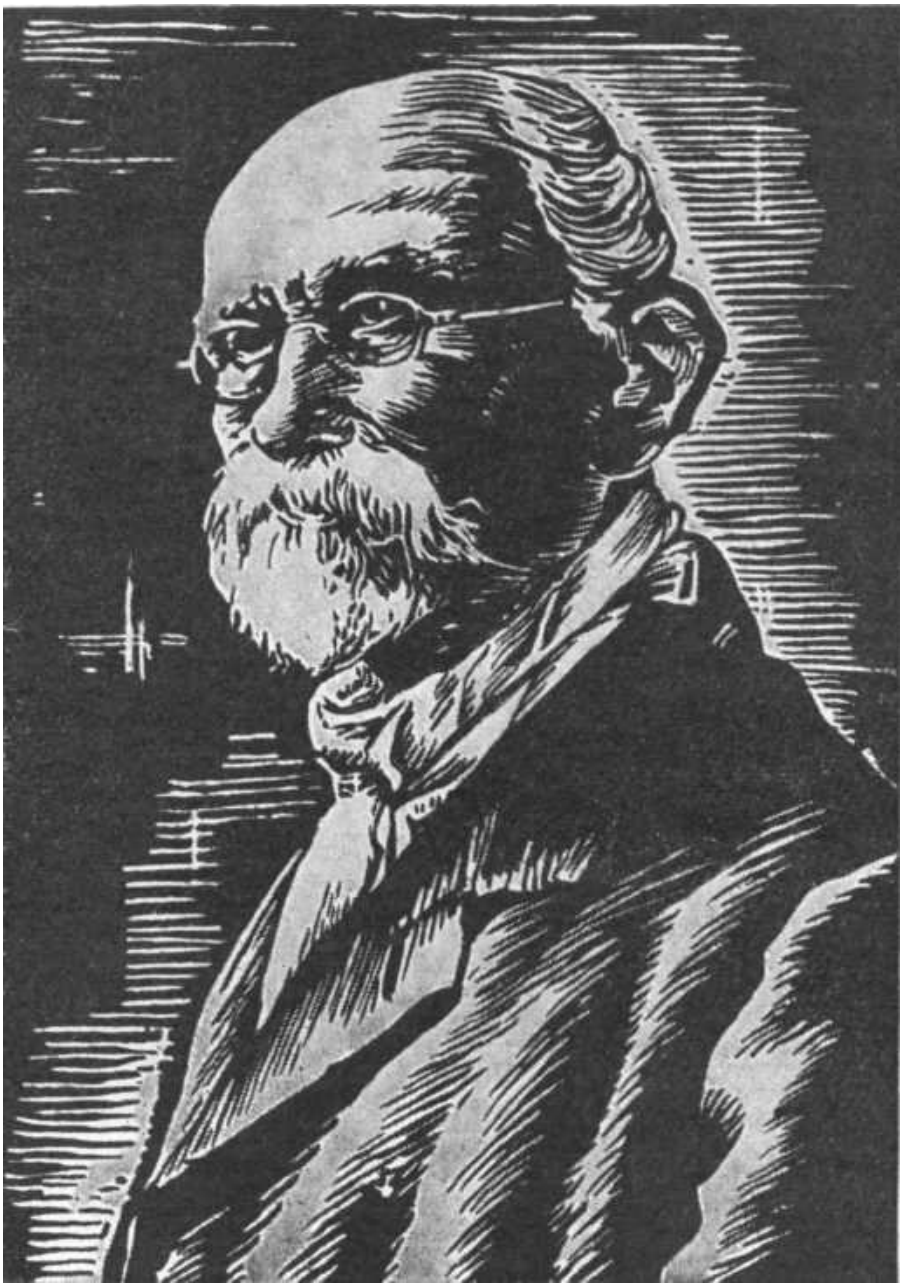


Хосе Марти в редакции «Патриа».



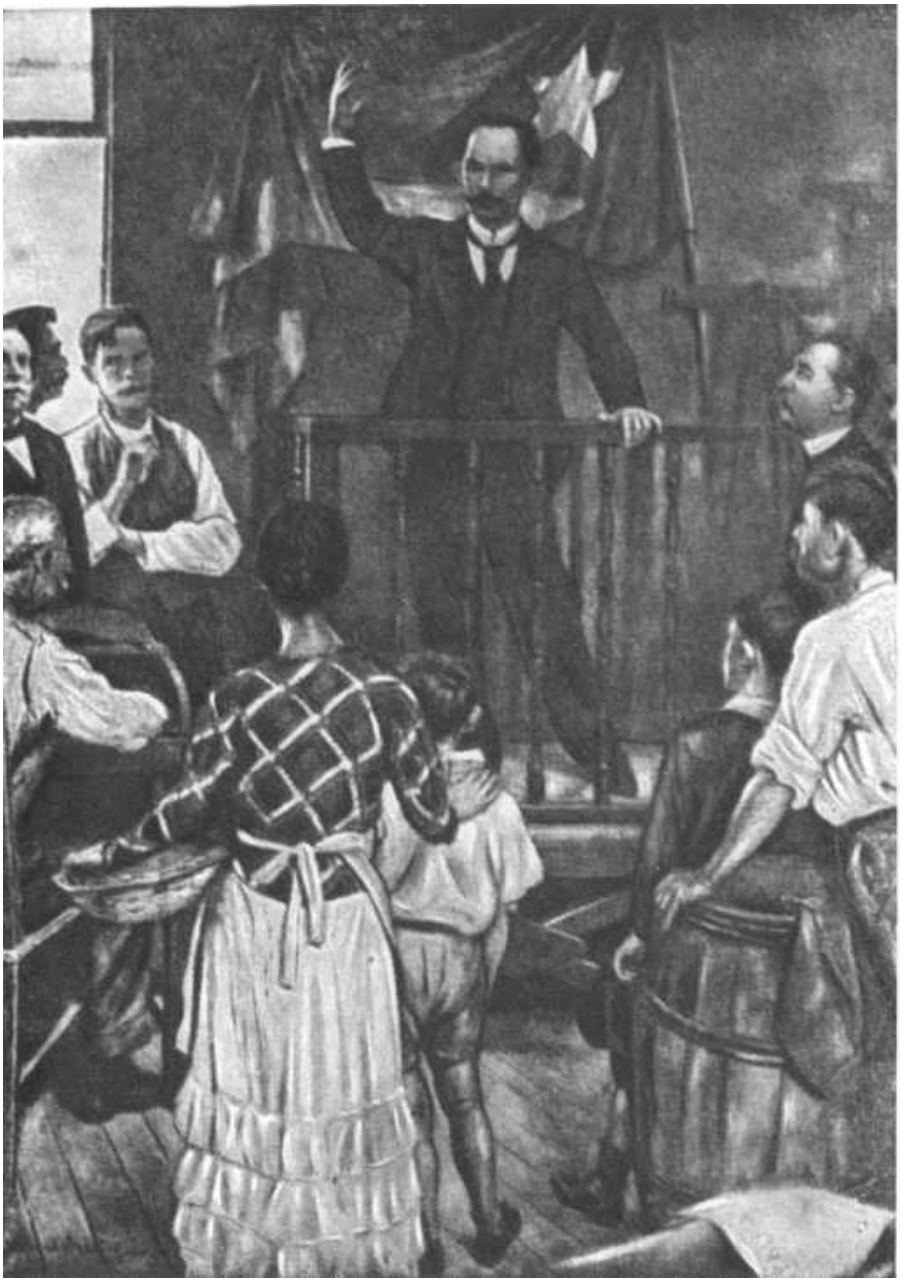
Хосе Марти среди кубинских эмигрантов на Ямайке.

Хосе Марти. 1892 год.

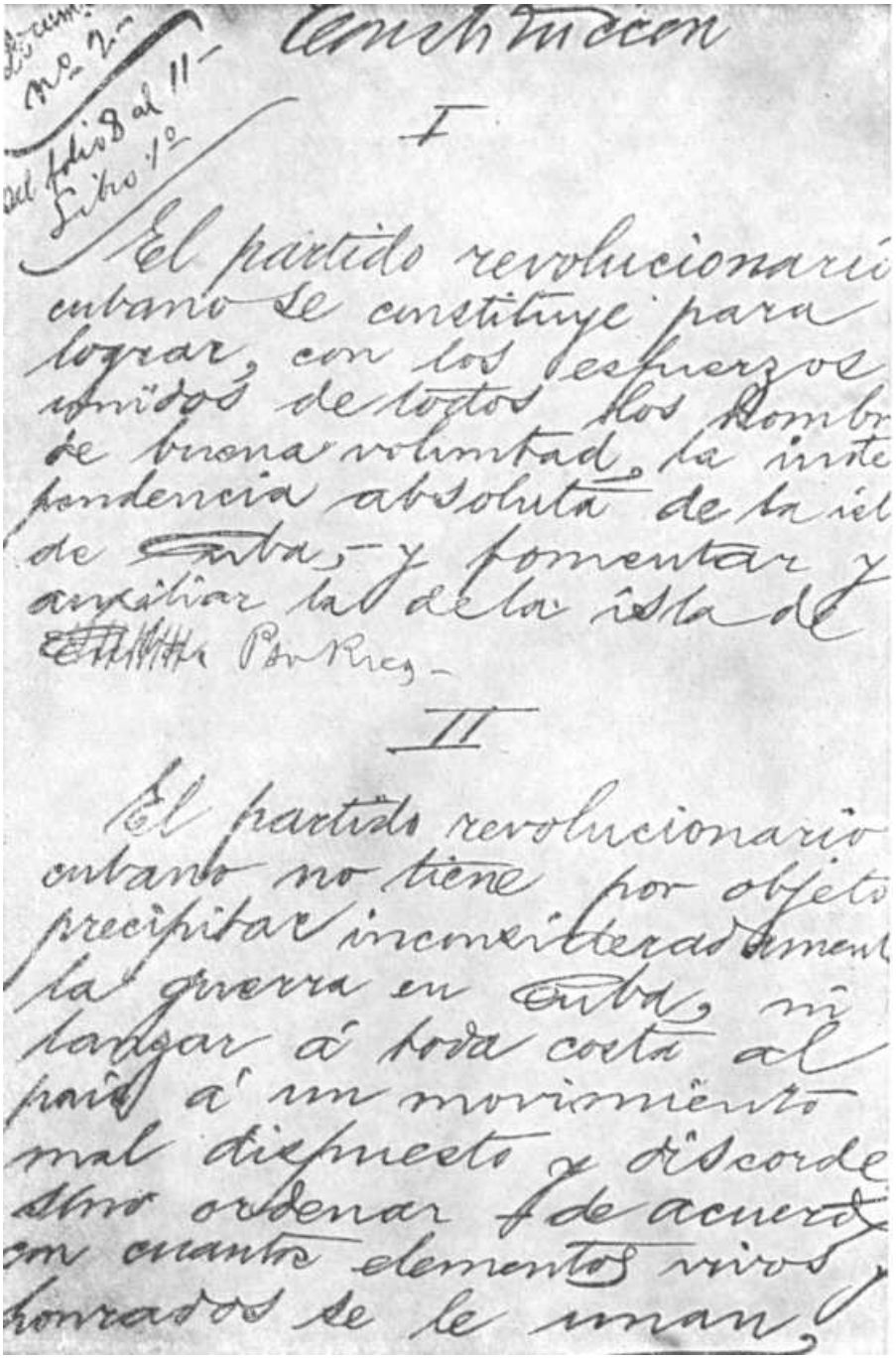


Генерал Максимо Гомес.

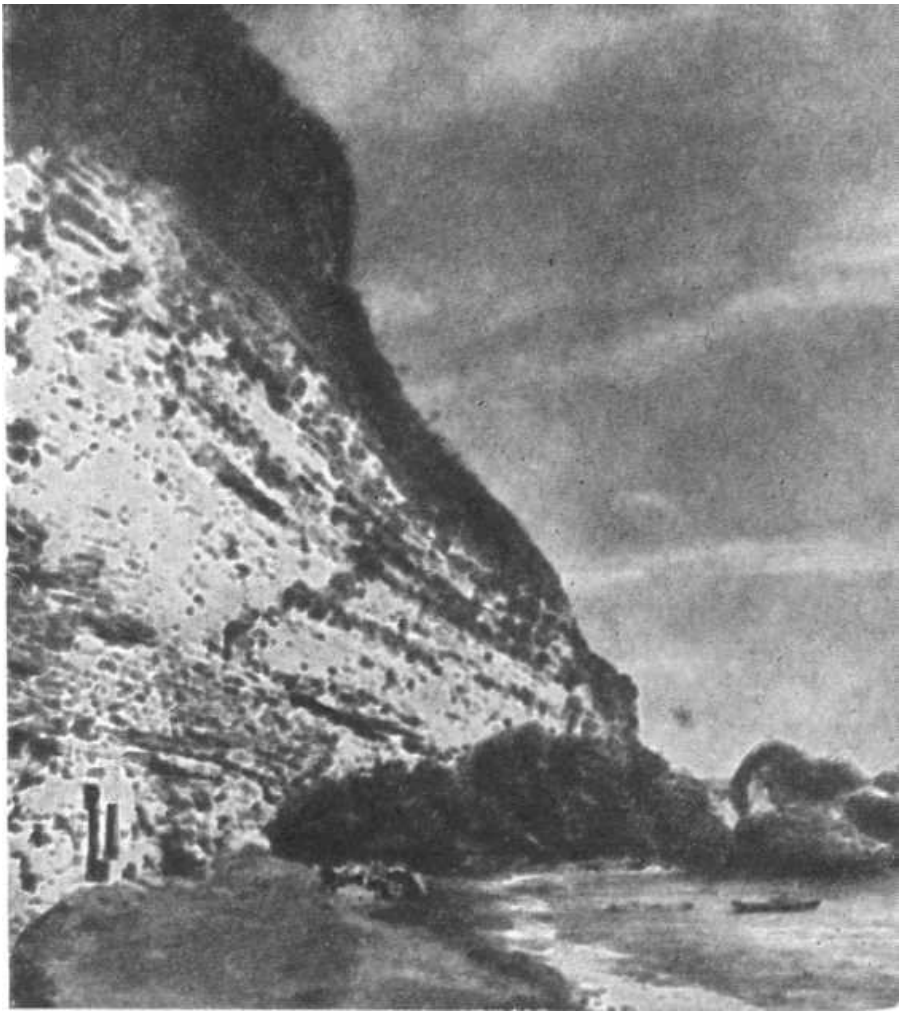
Генерал Антонио Масео



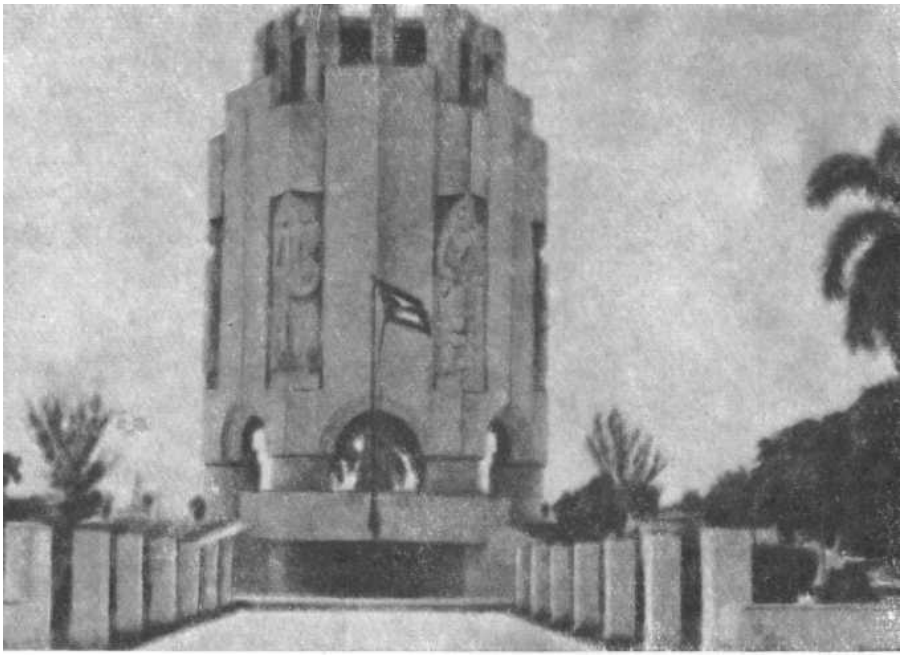
Марти выступает на одной из табачных фабрик в Тампе.


Страница рукописи Марти.

«Перед высадкой». Картина кубинского художника.

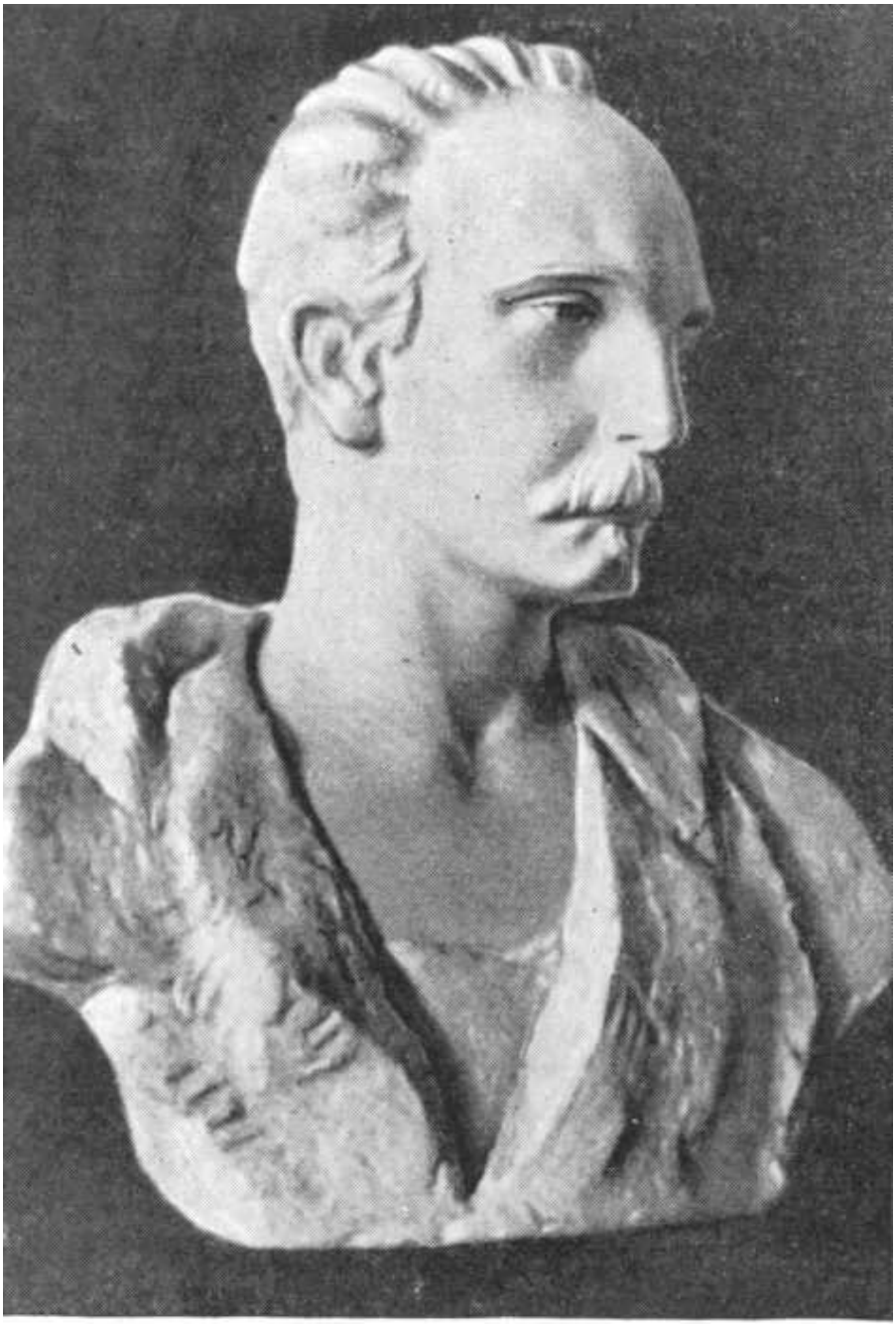


Плайитас — место высадки Марти и его спутников на Кубе.



Мавзолей Хосе Марти.

«Хосе Марти». Картина кубинского художника Х. Арче.



Бюст Хосе Марти, подаренный Революционным правительством Кубы Н. С. Хрущеву.

Памятник на площади Хосе Марти в Гаване.

У памятника Хосе Марти. Гавана, 1960 год.

notes

Примечания

1

Гуахиро — кубинский крестьянин.

2

Патио — внутренний дворик в испанских домах (исп.).

3

Капитан де партидо — чиновник, поставленный испанской администрацией на Кубе во главе какого-либо территориального округа и наделенный одновременно административной властью, полномочиями судьи и полицейского офицера.

4

Пепе — уменьшительное от Хосе.

5

Чико — мальчик, парнишка (исп).

6

Королева и король Испании.

7

Скала влюбленных — знаменитый утес в Кордове.

8

В 1828 году за участие в подготовке вооруженной экспедиции на Кубу для борьбы за ее освобождение известный кубинский поэт Хосе Мариа Эредиа был заочно приговорен испанским судом к смертной казни.

9

В книге использованы переводы М. Абкиной, П. Глазовой, А. Голембы, В. Журавлева, Ф. Кельина, Х. Кобо, Р. Линдер, А. Лурье, Л. Мартынова, Р. Похлебкина, О. Савича, В. Столбова, А. Тверского, И. Трауберг, И. Тристы, И. Тыняновой, а также переводы автора.

10

Так на Кубе называли повстанцев.

11

Сейчас весь город Байямо считается национальным памятником.

12

«Эль Диабло Кохуэло» («Хромой бес») — газета была названа так в честь героя романа популярного на Кубе и в Испании писателя XVII века Луиса Велеса Гевары, в котором рассказывалось, как бес приподнимал крыши мадридских домов, чтобы обнажить и показать своему приятелю все пороки тогдашнего общества.

«Свободная родина».

14

Цвета флага кубинских повстанцев, ныне национального флага Кубы.

15

Братьями Мануэля были кубинские поэты Франсиско и Антонио Сельены, неизменно выступавшие против испанской тирании.

16

Настой из листьев агуате, по кубинскому поверью, приносит удачу в любви.

17

2 мая 1808 года жители Мадрида подняли восстание против войск Наполеона. День 2 мая считается национальным праздником.

18

Кастельяно — наречие центральной испанской области Кастилии. На кастельяно писали многие испанские поэты и прозаики, и со временем так стали называть литературный испанский язык.

19

Площадь Солнечные ворота, центр Мадрида.

«Ежедневные известия».

21

От испанского слова «инсуррексьон» — «восстание».

22

Мачетеро — рубщик сахарного тростника.

23

Буэнависта — красивый вид (исп.).

24

Сарапе — накидка, служащая и плащом и одеялом.

25

Морасан Франсиско (1799–1842) был президентом Федерации центральноамериканских республик в тридцатые годы прошлого века. Эта Федерация образовалась в 1822 году из пяти областей бывшей испанской колонии Гватемалы — собственно Гватемалы, Гондураса, Сальвадора, Никарагуа и Коста-Рики (шестая их область — Чиапас вошла в состав Мексики). С именем Морасана связан ряд прогрессивных реформ, он выступал против засилья церкви, заботился о просвещении. При неудачной попытке восстановить единство Федерации после реакционного мятежа попал в плен и был расстрелян, как гласит предание, «пятью пулями — по одной за каждую столь любимую им страну».

26

Барриос действительно предпринял шаги к созданию нового союза центральноамериканских республик. Но так как те отнюдь не стремились к объединению, Барриос прибег к оружию. В 1885 году он пал в сражении с войсками Сальвадора. «Как простой рядовой офицер, он бросился в схватку и погиб в ней, не подумав, что его смерть будет означать конец всего предприятия», — писал один из гватемальских историков.

27

Маримба — напоминающий ксилофон ударный инструмент.

28

Матабурро — буквально «убивающий осла». Крепкий спиртной напиток.

Так отзывался о нем Р. Дейви в своей книге «Куба в прошлом и настоящем», вышедшей в Лондоне в 1894 году.

30

Это слово означает «страна у вод» и служит названием плодородной долины в Мексике. Можно предположить, что такая подпольная кличка была присвоена Марти в связи с его недавним пребыванием в Мексике.

31

Сеута, Чафаринас, Махон — испанские колониальные владения в Северной Африке в те годы.

32

Боязнь негра (англ.).

33

По условиям Санхонского мира острову формально был предоставлен статут испанской провинции, после чего генерал-капитан стал именоваться генерал-губернатором.

34

Рисунок знамени Кубинской республики был создан в 1849 году художником и поэтом Мигелем Теурбе Толоном. Три стороны красного равностороннего треугольника символизируют свободу, равенство и братство. Три синие полосы — это три департамента, на которые в то время делилась Куба; две белые полосы между ними — символ чистоты и бескорыстности кубинцев, борющихся за независимость. И, наконец, одинокая белая звезда на красном фоне символизирует кубинскую нацию.

35

Победой под Бойяка Боливар добился независимости Новой Гранады (ныне Колумбия), а под Карабобо — Венесуэлы.

36

Сафра — период уборки и переработки сахарного тростника.

37

Статуя Свободы была подарена Соединенным Штатам Францией, и ее торжественное открытие состоялось 28 октября 1886 года.

38

Так называлось судно, на котором в Америку прибыли первые поселенцы.

39

Оскорбительная кличка, данная неграм расистами США.

40

1 мая 1886 года забастовало около 350 тысяч американских рабочих, требовавших восьмичасового рабочего дня. С особым размахом забастовка проходила в Чикаго, где пользовались большим авторитетом социалисты, возглавляемые Альбертом Парсонсом. 3 мая 1886 года полиция расстреляла мирную демонстрацию чикагских рабочих. 4 мая на митинге протеста провокатор бросил бомбу, которой было убито семь полицейских и четверо рабочих. Полиция снова открыла огонь, а затем арестовала восемь вожаков забастовки: Спайса (Шписа), Парсонса, Фишера, Энгеля, Линга, Филдена, Шваба и Небе. Им предъявили обвинение в убийстве, хотя в момент взрыва на площади был только произносивший речь Филден.

41

Парсонс, Спайс, Энгель и Фишер были повешены 11 ноября 1887 года в чикагской тюрьме. Массовые протесты заставили губернатора штата Иллинойс Оглзби заменить казнь пожизненным заключением престарелым Филдену и Швабу.

42

Луис Линг покончил с собой в камере тюрьмы, взорвав во рту заряд динамита.

43

Видный кубинский исследователь творчества Хосе Марти, Хуан Маринельо, говорил, что «Марти писал о процессе в Чикаго с тенью и светом, ошибками и правдой». Парсонс и его товарищи опирались на широкое движение пролетарских масс. Незадолго до события на Хеймеркетской площади социалисты Америки выдвигали Парсонса кандидатом на пост президента США.

На войне как на войне (франц.).

45

В ноябре 1874 года в связи с победой республиканцев на выборах американский еженедельник «Харпере» поместил рисунок художника Т. Наста, на котором широколобый слон символизировал мощное республиканское большинство. С тех пор слон стал официальным символом республиканской партии, а осел, нарисованный вскоре тем же художником, — символом партии демократов.

46

Потерпев поражение в войне с США, Мексика потеряла значительную часть своей территории.

47

Марти имеет в виду Десятилетнюю войну 1868–1878 годов.

48

Марти имеет в виду, по-видимому, смещение Сеспедеса с поста президента.

49

Сон — народная мелодия, возникшая на Кубе.

3. Тейлор — американский генерал, командовавший войсками, вторгшимися в Мексику в 1846 году.

51

Для жившего в США кубинца востоком была Европа, а западом — Россия.

52

Чавета — нож для резки табачных листьев.

53

Музыка этого гимна, ставшего национальным гимном Кубы, была написана в августе 1867 года. Адвокат и музыкант, любитель из города Байямо, Педро Фигередо одним из первых вступил в отряды мамби в 1868 году и, когда патриоты освободили Байямо, написал и текст гимна.

То есть Испании.

«Испанский кабачок».

56

Добыча принадлежит победителям (англ.).

57

Панчо — уменьшительное от Франсиско. Речь идет о сыне Максимо Гомеса.

Дос-Риос — две реки (исп.).